

Равиль Насибуллин
Борис Докторов

СОЦИОЛОГИЯ
В БИОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

УФА-2017

УДК 316
ББК 60
Н 312

Рецензенты:

профессор Егорышев С.В.
профессор Бикметов Е.Ю.

Н 312

Насибуллин Р.Т., Докторов Б.З. Социология в биографическом измерении / М.: Университетская книга, 2017. – 220 с.

ISBN 978-5-598699-269-3

В монографическом исследовании раскрываются особенности биографического интервью как метода историко-социологического исследования. В ней подробно описывается методология биографического интервью с социологами, приведено биографическое интервью с социологом, представителем социологической школы Башкортостана, основанной профессором Аитовым Н.А.

Для широкого круга исследователей, социологов, преподавателей и студентов, кто изучает социологию и ее историю, кто озабочен сохранением информации о прошлом нашей науки и думает ее будущем.

© Насибуллин Р.Т., 2017

© Докторов Б.З., 2017

© ООО «Аэтерна», 2017

коллаж Крылова Никиты

Докторов Борис Зусманович (1941 г.р.) – российский социолог. В 1964 г. окончил мат.-мех. ЛГУ, с 1968 г. работает в социологии, доктор философских наук (1985 г.), профессор. Многие годы работал в социологических институтах АН СССР Петербурга (Ленинграда) и в Москве; с 1994 г. живет в Америке, независимый исследователь.

Почетный доктор Института социологии РАН, член редколлегий ряда российских социологических журналов.

Автор более 600 публикаций: около 20 книг, статьи, эссе, активно публикуется в интернете.

С 2000 года разрабатывает два направления: история изучения общественного мнения в США и история советской/российской социологии.

Насибуллин Равиль Талибович (1945 г.р.) – российский социолог. В 1971 г. окончил филологический факультет Башкирского государственного университета (Уфа), по распределению три года работал учителем в сельской школе. С 1974 г. работает в социологии, кандидат философских наук (Казанский государственный университет, 1980), доктор социологических наук (Ленинградский государственный университет, 1991), профессор, с 1991 года зав. кафедрой социологии и социальных технологий Уфимского государственного авиационного технического университета. Проживает в Уфе. Автор более 200 публикаций, в т.ч. 14 монографий, книг и учебных пособий, член редколлегий ряда российских социологических журналов, научные исследования в области социологии управления и социально-демографических проблем.

Предисловие

Можно понять разочарование читателя, который открыв эту книгу, не увидел в ней знакомые по любым учебникам и монографиям на социологические темы фамилии классиков, хотя она называется социологией. Да, в ней нет ни Конта, ни Дюркгейма, ни Спенсера и многих других фамилий и имен выдающихся ученых, к творчеству которых мы относимся с огромным уважением. Но мы их не перечисляем, да простят нас и сторонники, и противники их учений. Не перечисляем именно потому, что, как показывает практика, многократное повторение фамилий классиков в научных трудах не приближает наши творения к пониманию сущности социальной реальности. А ложное представление о том, что попытка использовать точки зрения выдающихся ученых в качестве аргумента в научном разговоре о природе социального, наоборот, способно отдалить нас от научной истины. Разумеется, игнорирование того, что они сумели создать, тоже не говорит об обратном, то есть, не приближает нас к этой самой истине.

Дело в том, что представленное к вниманию широкой аудитории это наше издание не претендует на роль строгого академического учебника или энциклопедического словаря по социологии, в которых, как правило, мы находим истины самого последнего уровня и в самой последней инстанции, добытые праведным исследовательским трудом. Без ложной скромности скажем, что авторами этой книги за многолетнее пребывание в рядах верных солдат великой армии социологов так же добыто и изложено в многочисленных публикациях немало подобных истин. Но немало и случаев, когда они собственным разумом обнаруживали, что жизнь оказывалась иногда гораздо богаче, иногда гораздо ярче, чаще - гораздо глубже добытых и изложенных ими же социологических истин. Именно это обстоятельство заставило нас несколько изменить траекторию нашей исследовательской стратегии.

Так же, как и с случаем приобретения любой книги, здесь мы должны помочь читателю определиться с главным вопросом - честно и открыто сказав

ему о том, что можно и чего нельзя искать в этом нашем скромном труде. Читатель должен знать, что здесь нет рецептов на излечение острых социальных болезней современных социальных систем; это и не пособие для социальных работников по организации труда и по регулированию отношений с клиентами; нет в этой книге и строго систематизированных категорий и законов социологической науки, не нужно в ней искать также и «научно обоснованных» рекомендаций по повышению социальной эффективности управленческих решений по преодолению кризисных ситуаций в социальных организациях и системах.

Роль и функцию этой книги мы видим в том, чтобы не начинать изложение нашего видения социальных фактов, процессов и явлений с концептуальных теоретических основ проникновения в тайны социального бытия, а наоборот, попытаться найти в жизнеописании самих социологов источники их научных вдохновений, увидеть искомое не с позиции «должного», а наоборот, попытаться понять «сущее». Это ведь не только с социологами в их жизни в социологической науке. Любой человек любой социальной организации живет и работает в окружении себе подобных. Он, даже если не знает социологию, не понимает ее категории и законы, в повседневной своей жизненной практике старается не наступать дважды на одни и те же грабли. Однако, если его биографию описать из внимательно изученных фактов, то совсем не трудно обнаружить, что вся его жизнь представляет собой одну непрерывную цепь «наступлений» на одни и те же «грабли» с последующим излечением синяка на собственном лбу с тем, чтобы тотчас же повторить пройденное. Это он, который не знает законы жизни, открытые социологией.

А социолог, который жизнь свою посвятил на то, чтобы изучить законы этой замечательной науки с тем, чтобы помочь человечеству с помощью этих самых законов проникнуть в суть социального, совершенствовать мир, интересно, а он-то имеет свои грабли, он набивает синяки, он сам-то как? Насколько знание этих самых социологических законов помогает ему преодолеть сложные жизненные ситуации не в книгах и научных статьях, а в

реальности, например, способствовало укреплению его здоровья... Или, хотя бы в самом простом - в создании семейного очага для обеспечения долгой счастливой жизни с его-то знаниями семьи как социального института, выполняющего явные и латентные функции, с социальными ролями, взаимодействием между членами семьи, нормами семейной жизни и санкциями, мифами и системой ценностей, транслируемых из поколений в поколения... Если даже он добросовестно усвоил указания классика о том, что действия бывают целе-рациональные и ценностно-рациональные, если даже понимает, что может быть и в состоянии аффекта, насколько это помогло ему не наступить на те же самые грабли, пусть даже позолоченные...

Само собой разумеется, это вовсе не значит, что мы пытаемся сами и призываем читателя выходить на любое исследование без теоретических оснований, исследовательских программ и целевых ориентиров. Появлению книги предшествовал многолетний опыт жизни авторов в социологической науке, проведение многочисленных эмпирических и теоретических исследований, попытки применить самые разные методы познания, широко известных социологам; мимолетная эйфория от достигнутого и вялотекущее и долгоиграющее чувство разочарования от недополученного, недопонятого, недосказанного...

В частности, здесь представлен опыт одного из авторов в изучении истории отечественной социологии на базе глубоких интервью с советскими/российскими социологами разных поколений. Информационный массив, создаваемый им сейчас включает 170 интервью, в которых рассказано о ранней социализации ученых, об их вхождении в социологию, их исследовательских практиках. Есть воспоминания об учителях и наставниках, помогавших в овладении теорией и методами социологии, о коллегах и учениках. Есть ответы на вопрос о том, сколько надо было мальчику, родившемуся в деревне, как он сам признает, всю первую половину своей жизни готовившему себя стать полноценным социологом, сколько нужно было преодолеть этих «граблей» и как он видит этот мир и что должен почувствовать

социолог в своем искреннем желании и стремлении познать социальное, узнав о системе фактов его биографии.

Хотя в книге и нет размышлений авторов о разных подходах к познанию социального, существующих в социологии, нет суждений о содержании категорий и законов науки, тем ни менее они активно использованы нами в изложении нашего опыта жизни. Пытливому уму уважаемого читателя, посвятившего себя нашей замечательной науке, не будет слишком трудно их обнаружить. А книга рассчитана именно на такого читателя. Хотя и читателю-не социологу она тоже может быть полезной.

Книга состоит из предисловия, из двух разделов и послесловия. Но в самом начале мы разместили статью известного советского/российского социолога, главного редактора журнала «Социологические исследования» Тощенко Ж.Т., оригинальные социологические труды которого снискали ему славу и признание среди социологов мирового уровня. Он коротко, но емко охарактеризовал научную школу профессора Аитова, положившего начало социологическим исследованиям в Башкортостане, внесшего большой вклад в развитие нашей науки в стране.

Далее в «Предисловии» показан процесс становления социолога в неразрывной связи с жизнью общества, с функционированием системы его социальных институтов.

Первый раздел озаглавлен тезисом «В космосе, который мы называем Человеком, должно оставаться место для человеческого», имеющим принципиальное значение для характеристики гражданской позиции конкретного социолога, сформированной всем жизненным опытом и многолетней работой в социологической науке: Человек - это Космос. Его высокое предназначение - развивать человеческого в человеке, а не только преобразование природы для удовлетворения своих потребностей, пропуская через свое тело. Раздел демонстрирует возможности биографического интервью в исследовании процесса становления социолога на примере жизни конкретного человека.

Второй раздел «Биографическое интервью как метод историко-социологического исследования». В нем обстоятельно описывается методология биографического интервью с социологами, излагается концепция социологических поколений и рассматривается методология перехода от жизненных историй российских социологов к истории отечественной социологии.

Мнение эксперта

Тощенко Ж.Т.

член-корреспондент РАН

Равиль Насибуллин - яркий представитель школы Аитова

Именно работа в лаборатории социологических исследований и на кафедре под руководством Н.А. Аитова сформировало Равиля Насибуллина как ученого. Поэтому прежде чем сказать свое мнение о Насибуллине, я скажу о феномене, совершенном профессором Нариманом Абдрахмановичем Аитовым, один из тех, кто возрождал социологическую науку в 1960-е годы. Именно он заложил и постепенно создал уникальную социологическую школу в Башкирии, практически одновременно с Москвой и Ленинградом. В это время по пальцам можно было пересчитать те лаборатории, которые создавались в республиках, краях и областях.

В чем заключалась уникальность и значимость этой школы?

Во-первых, она создавалась при техническом учебном заведении – Уфимском авиационном институте. Помню – на это все обращали внимание, так как все другие точки роста обычно формировались при классических университетах. Это сразу обусловило ориентацию создаваемого коллектива на решение проблем, связанных с экономикой, с производством.

Во-вторых, лаборатория формировалась из энтузиастов, из людей, желающих и стремящихся к поиску нового, новаторского, необычного, оригинального, смелого. А так как социологов как таковых не готовили, то коллектив пополняли практически представители всех наук, и даже ряд выпускников института – инженеров - связали свою судьбу с социологией.

В-третьих, этот коллектив сразу же включился в решение актуальных и неотложных проблем республики, что на первых порах было связано с подготовкой и внедрением в жизнь планов социального развития сначала в

производственных организациях, затем в городах и районах, и наконец, во всей республике. Это направление вскоре вышло за пределы Башкирии – эта работа продолжилась в других регионах – на Урале, в Сибири, в Поволжье.

В-четвертых, популярность и важность осуществляемых исследований быстро привело к тому, что лаборатория получила общесоюзную известность. В Уфу стали приезжать за опытом, профессор Аитов стал экспертом в ряде общесоюзных министерств и ведомств. Именно с его самым активным участием под эгидой ВЦСПС и Госкомитета по труду создавались методики социального планирования в производственных организациях, городах и областных (республиканских, краевых) центрах. Немало было сделано и для становящегося журнала «Социологические исследования», членом первой редколлегии которого он был. До сих пор сохранило свою значимость советско-польское исследование о трудовых отношениях, которое нашло в специальной монографии и в которой Аитов играл значительную роль, как ответственный за определенный блок вопросов.

В-пятых, Аитов лично сам и его команда самым активным образом участвовала в том, что сейчас называют публичной социологией. Высокая публикационная активность сочеталась с организацией многочисленных научных конференций, с выступлениями в средствах массовой информации. И в этой бурно кипящей творческой деятельности быстро росли, мужали те, кого привлекла эта необычная для того времени работа, кто хотел в своей жизни сочетать и гражданскую ответственность с глубоким личным осознанием правильности выбора. Тем более, что этот становящийся творческий коллектив состоял из незаурядных личностей, которые многое сделали для того, чтобы социология Башкортостана заявила о себе не только в национальном, но и мировом масштабе (наставники Аитов, Мавлютов, Елисеев, коллеги Попов, Хайруллин, Баимбетов и др.)

Среди них и рос Равиль Насибуллин как ученый. Он пришел в социологию, имея за плечами солидный для молодого человека жизненный опыт: трудовая практика в школьном возрасте, активная комсомольская

позиция в вузе, работа учителем в сельской школе с одновременным участием в ответственной общественной (партийной) работе, служба в советской армии. Можно предположить, что именно общение с людьми, наблюдение и желание ответить на волнующие людей вопросы привлекли молодого Равиля к новой науке, которая, как раз в отличие от филологии, стремилась ответить себе и людям, как решать волнующие всех проблемы, заботы, тревоги. То есть он знал жизнь не по книгам, не только на школьной парте и студенческой скамье, не только по прочтению книг в библиотеке, а через вовлеченность еще ребенком в тяжелый крестьянский труд, добросовестного выполнения солдатского долга, участие в стройотряде, сочетание учительского труда с выполнением обязанностей руководителя партийной организации в деревне и т.д.

Именно все это привело к тому, что сразу же в начале своих первых научных поисков он избрал для исследования такую актуальную проблему как профессиональная мобильность интеллигенции – по тем временам новаторскую, специфическую. Главное, что как и у Аитова, это была плодотворная попытка соединить теоретический поиск с теми прикладными разработками, с тем эмпирическим материалом, который он получал в процессе работы на предприятиях республики. Именно этот постоянный поиск привел его к оригинальной формулировке докторской диссертации «Движение населения как социальный процесс». Это был принципиально новый подход к тем проблемам, которыми уже долгое время занимались демографы и экономгеографы.

В дальнейшем в жизнь Насибуллина ворвались новые проблемы, на которые он также стремился дать свой ответ. Эта научная деятельность, как у его учителя, сочеталась с реальной практикой совместной работы с новыми органами управления республикой. Он и сегодня продолжает выполнять завет Аитова – исследовать реальные противоречия общественной системы и растить на этих научных исследованиях новые кадры – не даром за плечами почти 40 подготовленных лично им кандидатов и докторов наук.

Но его жизнь не ограничивается только наукой. Он по-прежнему любит поэзию, интересуется всем, что связано с судьбой села, с крестьянским трудом, с людьми земли. По-прежнему его волнуют этнические отношения, ведь в республике живут и работают люди более 100 национальностей.

В целом, представленный текст интервью раскрывает богатый жизненный путь Р.Т. Насибуллина, показывает его поиски и находки, размышления и оценки. Некоторые из них мне кажутся спорными, но это не исключает их ценности, чтобы представить его творческую жизнь в ее тесном переплетении с теми проблемами, которые переживала страна, республика, те коллективы, в которых трудился автор.

Еще одна ценность этого интервью, на мой взгляд, заключается в том, что он показывает, как работали социальные лифты в Советском Союзе (Равиль говорит об однокашниках, один из которых стал народным поэтом республики, другой – доктором филологических наук). Это тем более важно, если сравнить с нынешними социальными лифтами, при которых возникает вопрос: «...а так ли надо наращивать интеллектуальный потенциал страны?»

Предисловие

от Р.Т. Насибуллина

На вопрос, что это за наука социология, наши соотечественники вроде бы нашли ответ. Во всяком случае, многие из них неоднократно подвергались «социологическому обследованию»: какие-то люди задают им какие-то вопросы, просят честно ответить на них. Потом появляются результаты опросов в процентах, которым они в большинстве своем пока верят. И называют все это социологией. А вот на вопрос о том, кто такие эти люди, которых называют социологами, откуда они - этот вопрос ставится пока достаточно редко.

Да, с 1990-го года их начали готовить в вузах России. Но ведь социологи были и до 90-х годов. Они-то кто такие, откуда? Часть из них получило профессиональную подготовку в недрах Академии общественных наук при ЦК КПСС, в институтах Российской академии наук, на социологических факультетах некоторых вузов страны. А остальные? В самом общем плане можно сказать, что в ходе исторического развития появилась потребность в науке, в людях, которые способны на научной основе отслеживать изменения, происходящие в обществе. Как всегда, эту потребность раньше других осознали древние египтяне, арабы, китайцы... Потом дошло до англичан, французов, немцев... Тяжелее это осознание пришло в Россию, где после Французской революции перепуганная власть запретила даже использовать слово «гражданин». Все равно со временем русские ученые во Франции открыли социологический факультет, затем и в России. Здесь у нас долгое время самыми крупными знатоками проблем развития общества были Владимир Ульянов (Ленин), Иосиф Джугашвили (Сталин) и их соратники с соответствующими партбилетами. Именно они сформулировали задачу и начертили дорожную карту, по которой Российская империя превратилась в семью народов. Здесь было построено «социалистическое общество» с нашей спецификой по теории К. Маркса и Ф. Энгельса, описавших план построения такого общества на

материалах исследований положения рабочего класса в Англии и других изысканий, проведенных ими в Европе на 70 лет раньше.

Затем выдвинулись на первый план другие специалисты по проблемам развития общества, объявили «оттепель», которая, впрочем, не помешало расстрелу демонстрации рабочих в Новочеркасске с лозунгами, отражающими их требования к власти в том числе и «Хрущева на мясо». Появились отечественные социологи и начали профессионально изучать общество, возникшее в Советском Союзе. Так произошло второе рождение социологии в нашей стране. Не произойти этого, очевидно, не могло.

Много здесь проблем. Одна из них связана с тем, что процесс общественного исследования и осознания общества порождает своеобразный диссонанс:

с одной стороны, общество объективно живет своей - «земной» - жизнью, которая складывается по результатам жизнедеятельности проживающих здесь людей, озабоченных своими интересами и потребностями, их удовлетворением;

с другой стороны, общество параллельно живет еще и в общественном сознании людей, в их понимании и в представлениях.

Проблема усложняется тем, что не только социологи, но и многие представители других наук стремятся создать модель, в том числе и математическую, описать, изложить на бумаге свое видение того, что представляет собой это самое общество. В итоге общество начинает жить еще и на бумаге, другой, параллельной - «бумажной» жизнью, а с некоторых пор и жизнью «интернетной». Примерно так же, как мы по фотографиям, зафиксированным в семейном альбоме, пытаемся создать образ человека, читатели пытаются по книгам, где описано общество, понять то, в каком обществе они живут. И расстраиваются, когда картинки на фотографии в альбоме не совпадают с тем, что они видят перед собой. Или, наоборот, радуются тому, как красиво описано общество, в котором они живут, по сравнению с тем, как люди проживают на соседней территории. Однако образ общества, возникающий в сознании, в лучшем случае лишь отчасти совпадает с

тем, что описано в книге; а то, что написано в книге, с тем, что представляет общество на самом деле.

Общество - это все же не простая арифметическая «сумма деятельности» массы озабоченных людей, постоянно бегущих за своими интересами. В конечном счете из этой «беготни» массы людей, из их взаимодействия складывается нечто, которое мы привыкли называть обществом со своей социальной структурой, системой социальных отношений и институтов. Условно говоря, социологи представляют собой часть этих людей, «научный интерес» которых заключается в том, чтобы с помощью инструментов своей науки измерить параметры этого совокупного результата взаимодействия людей, удовлетворяющих свои потребности. Того, что называем обществом.

Не будет преувеличением сказать, что на самом деле нигде никакого общества не живет по тому образу и подобию, как это написано даже самыми авторитетными авторами.

В то же время социологи научились выявлять сущностные связи между социальными явлениями, проникать в содержание социальных процессов и создавать более или менее полную картину существующего в сознании людей образа социальной системы.

В Башкортостане первым социологом оказался Аитов Н.А., который после окончания учебы в Академии общественных наук при ЦК КПСС поработал в Казанском государственном университете, затем приехал на работу в Уфимский авиационный институт, стал заведующим кафедрой научного коммунизма и марксистско-ленинской философии, создал здесь социологическую лабораторию и начал силами кафедры и социологической лаборатории проводить социологические исследования. Я - один из многих его учеников, зарабатывающих себе хлеб трудом социолога. В последний вечер своей жизни он оставил мне свою книгу с автографом: «Моему ученику Равилю...»

Я пришел в его команду социологов в 1974 году в поиске ответов на свои многочисленные вопросы, которые накопились за прожитые 29 лет жизни. В

лаборатории социологических исследований Аитова в то время на постоянной основе работало человек 30 и на кафедре, возглавляемой им, 14 преподавателей. Мы все занимались исследованием проблем обеспечения планомерного социального развития предприятий, городов, сельских районов и были одержимы одним - помочь людям хоть что-то изменить в этом мире в сторону социальной справедливости. Этим социология увлекла меня и захватила полностью. Я с тех пор живу в ней- в социологии, которая удивительно богата своими загадками, а еще больше – возможностями познания жизни социальных систем и человека в них. Иногда даже кажется, что вне социологии я только существую. Но жизнь становится гораздо богаче, когда внуки начинают приставать своими бесконечными вопросами, несравненно интереснее, когда то ли слышишь, то ли чувствуешь еле заметное сердцебиение крошечного внука, прилипшего к твоей груди, признав в тебе источник верности, надежности и безопасности. И даже в общении с ними я чувствую себя в предметном поле социологии.

Однако вопрос о том, почему и как я стал социологом, никогда меня не интересовал до тех пор, пока мне его не задал социолог профессор Борис Докторов (штат Калифорния, США). Он занят своим масштабным историко-социологическим исследовательским проектом, в рамках которого много лет собирает исследовательский материал об истории социологии России, так сказать, в лицах. В результате упорного труда он стал обладателем уникального информационного архива - большого количества биографических интервью с социологами, где каждый рассказывает о своей жизни и творчестве. Сказать «собирает материал» не совсем точно. Он систематизирует эти материалы и активно публикует их в самых разных формах и в самых разных изданиях, делая доступным для широкой аудитории (см. раздел 2).

Когда Борис обратился ко мне, я вначале некоторое время находился в недоумении. Да, я – социолог. Меня воспринимают как социолога, ко мне обращаются как к социологу, я веду курс социологии студентам в университете, провожу исследования социальных процессов и явлений... Во

всяком случае у меня есть документ, заверенный печатью государства о том, что я социолог. Но никогда я не думал о том, почему и как я стал социологом. Этот вопрос, как я понимаю, сам по себе очень интересный - насколько исследовательская деятельность социолога может быть обусловлена фактами его биографии.

Разумеется, я в курсе и помню об опыте биографических исследований Томасом и Знанецким судеб польских крестьян в Америке... Мы тоже активно пытаемся применять биографический метод в исследованиях социальных факторов здоровья населения, суицидов, стремясь понять социальную реальность, которая подводит человека к принятию того или иного жизненно важного решения. Но у профессора Докторова исследование другое – он с помощью историко-социологического интервью пишет историю социологии в России, изучает то, каким образом социологи разных поколений пришли в социологию.

У меня еще и собственный барьер - мы берем интервью у людей, «провоцируя» респондента на откровенный разговор мало ли о чем, но у нас не принято рассказывать о себе, о своих родителях, о переживаниях и о своей оценке той или иной ситуации. Тем ни менее я тоже изложил ему свою историю того, как я стал социологом. В процессе интервью это мне самому стало интересно.

Отвечая на вопрос проф. Докторова о том, где я родился, как начиналась моя жизнь, я написал: «...родился в татарской семье в деревне Узбекистана, куда мои родители поехали из родной деревни на время... Похоронив там мужа (нашего отца) Мама с тремя детьми вернулась назад к родителям... Детство мое прошло в этой татарской деревне Башкортостана без электричества, в доме, где зимой к утру было жутко холодно, потому что газового отопления не было, а заготовить дрова на зиму было очень проблематично, рано приобщился к крестьянскому труду...»

Написал и остановился. Представил себе, какую бы я получил из той части автобиографического материала информацию, необходимую мне, если

бы поставил перед собой задачу выявить, что привело автора в социологию. Однако социолог тоже человек. У него так же, как и у любого человека, свои индивидуальные особенности, свой жизненный путь, наконец, свои исследовательские наклонности и способности: кто-то любит исследовать инстинкты и нравы насекомых, кому-то по душе «поведение» атомов и молекул. С другой стороны, социолог живет в этом обществе, он тоже человек своей эпохи, своего времени. Объективная информация о нем в этом случае это то, кто этот человек, его пол, возраст, образование, кем работает, где живет, каков доход, семейное положение и т.д. Субъективная информация – это то, как отражается жизнь в его сознании, как он лично оценивает свое положение в социальном пространстве, качество своей жизни, уровень обеспеченности жизненными ресурсами, в итоге как он доволен тем, как сложилась его жизнь. Сопоставительный анализ того, что получено по результатам измерения, что он имеет «по жизни» и как это отражается в его сознании, как он относится к тому, что у него получилось по жизни и есть то, что в рамках нашего разговора и относится к предметной области социологической науки. При применении соответствующих «правил наблюдения и методов» анализа такой кейс может быть весьма информативным и иметь соответствующее значение в создании социологически значимых моделей формирования исследовательского корпуса новых поколений социологов. С одной стороны, анализ собственной жизни в качестве объекта социологического наблюдения и анализа для исследователя может быть весьма полезным. С другой стороны, я с некоторым сомнением представляю себе уровень искренности рассказа некоторых моих коллег о собственном жизненном пути, если бы Борис попросил их об этом. Основанием для этого скепсиса является обыденность, когда я обнаруживаю в их рассказах ложные сведения в одном предложении из трех, или украденные фрагменты из чужих работ даже в диссертационных исследованиях и так называемых монографиях.

Много раз я обретал и терял друзей. Как книг и знаний.... Иногда переставал узнавать и себя, находящегося в состоянии постоянного участника

вечной войны между природным и социальным, изнуряющей своей тягучей непримиримостью. Еще в школе стал механизатором широкого профиля, наездил большой водительский стаж, имею высшее образование, стал кандидатом философских и доктором социологических наук, профессором, на базе кафедры научного коммунизма с коллегами создал кафедру социологии и более четверти века руковожу ее работой. Имею почти полувековой опыт семейной жизни (с одной женой) и почти полувековой опыт преподавательской работы (в одном вузе)...

Дважды меня Ученый совет университета, где я работаю, выдвигал на присвоение почетного звания Заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Решение Ученого совета поддерживали своими подписями Полномочный представитель Президента РФ по ПВО и Глава Республики Башкортостан, уважаемые члены Ученых советов 12 вузов, в их числе МГУ, СПбГУ, Казанский, Уральский федеральные исследовательские университеты, Институты РАН, Отделение общественных наук РАН, в составе которого академики и член-корреспонденты РАН, известные социологи страны; министерства и предприятия поддерживали соответствующими справками о практической полезности результатов моих исследований, за что я бесконечно всем благодарен... Пакет документов с мнениями уважаемых ученых в 105 листах находится в Минобрнауки РФ. Каким бы ни был ответ, главной моей гордостью была и остается поддержка моего профессионализма со стороны такого количества людей самого высокого уровня квалификации. Низкий им поклон.

Меня много раз предавали, много раз обманывали, многим я помогал, чем мог, иногда и отказывал, чтобы не подводить человека; много раз исполнял разные просьбы знакомых и друзей, дальних и ближних родственников, а некоторые из них делали вид, что ничего такого в их памяти нет.

Поработал я в трех политических партиях, в том числе и в центральном органе одной из них; дважды от партии выдвигали мою кандидатуру в качестве доктора социологии в выборах в Госдуму и в парламент республики и оба раза к 12 часам ночи выигрывал, а к утру проигрывал, что не мешало приглашать

меня в разные годы в качестве эксперта и в Совет Федерации, и в парламент республики, и в Российский фонд фундаментальных исследований... Я пережил 22 глав государства СССР и сам СССР, побыл во многих странах дальнего и ближнего зарубежья. Воочию убеждался в том, что часть людей во всех странах живет лучше, чем я, а большая часть в любой стране долго еще не дойдет до моего уровня жизни, обеспеченного собственным праведным трудом.

Разумеется, мне и помогали много раз в самых разных ситуациях. Даже спасали... Нет одинаковых людей. Так же, как и одинаковых ситуаций.

Социология во многом изменила меня. Но я не сошел с ума от всего увиденного, услышанного, прочитанного и пережитого. Пока, во всяком случае. И продолжаю задавать не только респондентам, но и себе вопросы о том, что же все это значит, что происходит со мной, с моим окружением, с обществом, в котором я живу. Пылинка ли я в тектоническом движении материков, мыслящее ли я существо или успешно пропускающий родную землю через свое тело дождевой червяк, на которого можно поймать... золотую рыбку... Поиск ответа на эти и многие другие вопросы видимыми и невидимыми нитями связал меня с другими социологами в Уфе и в Казани, в Москве и Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске и в других городах ближнего и дальнего зарубежья.

Много чего произошло во мне и в окружающем меня мире за мою жизнь. Я познал, что такое любовь, дружба и предательство. Говорят, что беда не ходит одна. Это неправда. Беда может прийти и одна. Никогда не ходит одна - любовь. Она всегда в сопровождении. Дружба и предательство - всегда рядом с ней - с любовью.

Верности в любви я научился на примере Мамы: она осталась верной своей любви к нам - детям на всю жизнь, к моему Папе, потеряв его в свои тридцать лет, оставаясь с тремя детьми, в послевоенные годы. Тяжести этих лет даже мужики-фронтовики не выдерживали. Когда не хватало сил, она просто зарывалась в подушку, чтобы дети не видели ее слез. Я познал и эту любовь, которая способна принести ничем не сравнимую любовь к детям своим;

вырастил двух сыновей, которые подарили жизнь пятерым расчудесным нашим внукам. Познал я и чувство любви к Отечеству, которая может стоить жизни. И чувство глубокого разочарования, которое стоит моего здоровья.

Мои предки, старшие поколения, попытались реализовать вековую мечту человека - построить общество социальной справедливости (*кто-то из них не верил в это, сопротивлялся, как мог; кто-то искренне поверил в возможность, уж очень хотелось выйти из того беспросветного и бессмысленного существования, в котором проходила жизнь*). В конечном счете они создали свое уникальное в новой истории человечества государство. То, что у них начало получаться, «вывело из себя» сильных мира сего, заставило их объединить усилия и выступить единым фронтом против этого опыта. Мир разделился: колоссальные ресурсы были направлены с одной стороны на то, чтобы сохранить то достояние, которое имелось; а с другой стороны - на то, чтобы разрушить его. Не объединиться против этого государства они не могли - слишком большую опасность оно несло для «имущих классов» этих стран своим примером показывая, насколько сильна тяга людей к социальной справедливости; насколько она опасна, если ее достижение становится знаменем в руках людей, не представляющих природу этой тяги, людей, способных превратить человека в средство ее достижения; насколько может быть эффективной политика, если она основана на социальной справедливости. Они объединились вокруг цели разрушить это государство, но никакие внешние силы не смогли этого достичь, пока не нашли себе союзников во внутренних противоречиях и социальных силах, рожденных на человеческих слабостях.

Несмотря на то, что основное время и ресурсы уходили на войны, сначала на гражданскую войну, которая шла при поддержке Антанты, затем на Великую Отечественную, после - на восстановление разрушенного, за очень короткое мирное время здесь, в моей стране, сложились качественно новые общественные отношения. При моей жизни люди моей страны освободились от лаптей и перестали болеть цингой, создали вторую в мире по мощности

экономику, смогли накормить, одеть, обуть свое население, создали современную систему науки и образования, медицинского обслуживания населения. Человек моей страны полетел в космос, появилось телевидение, компьютер, интернет, чудо-роботы начали выполнять разные поручения своих создателей...

Но с другой стороны, при моей жизни произошел переход воровства в обществе в новое качественное состояние:

- когда я еще был ребенком, посадили женщину в тюрьму за то, что она в карманах несла домой своим голодным детям пшеницу из колхозного тока;

- когда я уже стал студентом, поймали мужика на воровстве несколько мешков колхозной картошки в кузове ГАЗ-51. Он отсидел в тюрьме много лет;

- когда я в 1989-году приехал в Ленинградский университет, чтобы там завершить работу над докторской диссертацией, почувствовал наступление нового этапа так называемой «перестройки», результаты которой еще сто лет будут анализировать: с одной стороны, из рук в руки переходили целые заводы вместе с работающими там людьми, на взятках практически никого не «брали» и не сажали; люди перестали прятать ворованное, перестали стесняться нечестно нажитого скарба; с другой стороны, коллеги в Ленинградском государственном университете под руководством проф. А. О. Бороноева создали факультет социологии;

- позже наступил новый этап в развитии воровства: у работников МВД начали находить миллиарды рублей «зачачки»...

Однако в социологии это - аксиома: чем больше в обществе воровства, тем более высокой скоростью падает ценность труда. Труд перестает восприниматься источником общественного богатства. А это уже - к беде. И она пришла - парламент моей страны, где работали избранные народом его представители, расстреляли из танков вооруженных сил моей же страны. В отличие от выстрела «Авроры», выстрел из танка известил мир о воровстве качественно нового - общечеловеческого уровня: о том, что «украдена» мечта человека о создании общества социальной справедливости.

Я с удивлением смотрю на руководителей разного уровня, когда они говорят, что наши люди не умеют работать. Как же так, обращаюсь я к ним и мысленно, и письменно: вы же руко-водители. Как это у нас в России заведено: здесь во все времена людей, народ кто-то водит за руку. Партия, государство, под руко - водством которых мы жили и живем. За руку водят нас руко-водители заводов, кооперативов, университетов и ...почему-то ругают, что плохо работаем.

«Плохо работаете, поэтому плохо живете», - говорят они.

«Плохо живем, поэтому плохо работаем», - отвечают им.

«Нам бы всего сразу и ничего бы при этом не делать», - думают многие.

«Зачем работать, когда можно украсть и обеспечить себе безбедную

жизнь», - думают не многие, но их ряды будут расти и крепчать, пока не поймут, что это – путь тупиковый. Говорят, что господствующие в обществе идеи уходят только вместе с их носителями. Но мне почему-то кажется, что эта идея - жить за счет воровства - еще не стала господствующей, а потому на ее место скорее всего вернется понимание того, что высшей ценностью все же является человеческое в человеке.

Живущих лучше, чем я, в США больше, чем в нашей стране. Их больше и среди немцев... японцев... отцы и деды которых когда-то побеждены нашими отцами и дедами. Они лучше живут не только потому, что работают лучше. По многим другим причинам. Может, еще и потому, что у них нет руко-водителей, а есть другая система организации жизни. Там никто никого за руку не водит. Там – менеджеры. Специалисты говорят, что менеджмент - в переводе на наш язык - это искусство управления лошадью путем создания таких условий, когда лошадь идет туда, куда надо, как бы по своей воле.

За время работы над интервью мне пришлось много думать о пережитом мной за мою достаточно долгую жизнь. Я описал часть того, что пережито и преодолено за эти годы. Разумеется, о чем-то сказано более подробно, о чем-то совсем немного. Чем больше я думал об изложенном, тем больше убеждался в том, что биографическое интервью вполне может стать источником

социологической информации, которая может быть полезной в создании «образа времени» и «образа системы социальных отношений» в это время, когда жил автор, если проанализировать на соответствующем уровне: как я уже писал выше, могла же поехать молодая татарская семья из деревни Башкортостана в деревню Узбекистана и устраивать там свою жизнь, попутно дать жизнь и автору этих строк.

Если посмотреть внимательно на биографию любого человека, в общем и целом она может быть «описана» в паттернах социологической науки. И моя биография здесь никак не может быть исключением. Жизненная линия миллионов детей в послевоенные годы в деревне проходила именно таким образом, совсем немного отличаясь в деталях:

→ семья → школа → пту, вуз → служба в армии → работа → семья - это одна линия уже не голодной, но еще «достаточно холодной» жизни;

→ семья → школа → вуз → служба в армии → вуз → семья → работа в школе → работа в науке - это чуть измененная линия моей жизни;

- параллельно начерчена линия жизни старшего поколения, межпоколенная социальная мобильность, социокультурные различия и противоречия в восприятии общественной жизни между поколениями;

- диалектика социальных изменений в обществе в течение жизни одного – двух поколений - другая линия жизни;

- между этими двумя «линиями жизни» возникает и пробивает путь к жизни другое поколение, вбирая в себя социальный опыт, который будет им мешать и одновременно помогать добиваться места под солнцем;

- общение и взаимодействие людей разных национальностей, социализация, процессы адаптации;

- результат жизненных практик, социальные противоречия, осознание социальных противоречий, поиск путей преодоления, движение в социологию...

Разумеется, при всем сходстве жизненных линий детей, подростков на пути взросления, жизнь старших возрастных группах, индивидуальные особенности человека, семьи приводит к тому, что каждый проходит свой путь жизни. Очевидно этим и интересна жизнь.

В заключение мне хотелось бы поблагодарить моего соавтора российского социолога, профессора Бориса Докторова, много лет живущего в Америке, за доброе сотрудничество. Во-первых, он инициировал нашу биографическую беседу и дал мне возможность многое вспомнить о прожитом, анализировать свой путь в социологию, подводить какие-то итоги, чтобы подумать о будущих планах. Во-вторых, он любезно согласился с моим предложением описать специфику его биографического интервью и ввести читателей книги в его многолетний и многоцелевой проект по истории современной российской социологии.

Раздел I.

В Космосе, который мы называем Человеком, должно оставаться место для человеческого

Уважаемый Равиль, из нашей переписки я уже немного представляю Вашу жизнь, Ваш путь в науку, но все же – начнем с самого начала... пожалуйста, расскажите о Ваших родителях, насколько глубоко Вы знаете историю своей семьи?

Мои корни глубоко в земле, как и у подавляющего большинства моих сверстников в нашей стране. Прародители жили на селе, занимались крестьянским трудом: если по-современному - были трудоголиками, иначе просто было не выжить. Как, впрочем, и сейчас.

Дед по линии мамы до советской власти в деревне Ярмунча, что сегодня в Туймазинском районе Республики Башкортостан, вел крепкое, по тем меркам, крестьянское хозяйство. Рассказывала бабушка, что за ней – за невестой – в соседнюю деревню Бишкурай дед приехал с кучером на тарантасе, запряженном парой лошадей. Видимо, все же, до кулака не дотягивал, поэтому его не стали депортировать. Коллективизация по нему прошла ощутимо, он сдал в колхоз не только свой надел земли и всю живность. Еще когда я учился в 5-ом классе, у них во дворе стоял сложенный из камня большой амбар, на дверях которого висел колхозный замок. Не помню, чтобы кто-то сараем пользовался. Я, конечно, тогда не понимал смысл, но мне говорили, что это - собственность колхоза.

Деду моему уже было 73 года, когда я жил у них, учась в пятом классе. Когда не болел, общался со мной довольно активно – интересовался, какие у меня успехи в школе, какие проблемы. Бабушка была гораздо моложе по возрасту. Вспоминая ее, я сейчас думаю еще и о Рокфеллере, который, как пишут, во второй половине своей жизни поставил себе цель дожить до 100 лет, потратив часть своего богатства на создание для этого соответствующих

условий. У бабушки не было и доли этих условий, но она дожила почти до 99 лет. Правда, она за это была «лишена» части общеизвестных удовольствий – не употребляла алкоголь, не курила, не объедалась, ее не мучила зависть. Всегда, сколько я себя помню, она была занята чем-то полезным для хозяйства.

В мои обязанности, когда я жил у них, входила работа со снегом во дворе: каждое утро я должен был почистить от снега тропинку от двери до калитки. Я старался, чтобы все было прямо, ровно, красиво. Но к моему возвращению из школы или на другое утро все опять покрывалось снегом. А дед иногда стоял, смотрел на меня и молча покуривал свой табак, запах от которого, казалось, занимал весь двор. Однажды он, в конце моих стараний по очередному наведению порядка во дворе, не выдержал: «... ты все по-своему, поперек ветра... эх-хэ-хэ... Никому еще не удавалось победить ветер... огонь... и воду...». «Причем тут огонь, я дорожку чищу от снега...» - говорю я, огрызаясь. «А если ты при этом снег будешь складывать не поперек ветра, а с учетом того, откуда и куда ветер носит этот снег, то и заваливать твою дорожку не будет так сильно...»- сказал он и, затянув свою самокрутку, пошел в дом. После этого я много раз складывал снег и «по-своему», и «по дедовскому методу» и убеждался ни раз – старик, оказывается, прав. Практически всегда, занимаясь снегом, я про себя повторял эти его слова. И так сложилось, что «не идти против природы, а учитывать ее силу и пытаться повернуть в свою пользу», превратилось в мое жизненное кредо. И когда учительствовал в школе, и в дальнейшем меня этот принцип выручал: у каждого человека своя уникальная природа – не могут все студенты одинаково относиться к социологии, как бы я ни хотел, чтобы все ее изучали с одинаковым усердием. Если не понимать этого, очень легко сбиться с пути и получить противоположный эффект.

Запомнился еще один разговор с дедом. Я говорю, что в школе мы с учителем обсуждали, откуда и как появляется гром и молния. Откуда же, спрашивает он. Я повторяю учителя, что это - облака, заряженные «положительно» и «отрицательно» сталкиваются, бьются друг об друга, и появляется молния. Так же, как искра, когда на земле бьешь камень об камень. А

гром – это звук от столкновения облаков. Он помолчал, посмотрел на меня с подозрением и говорит: «Значит, камни на земле тоже заражены положительным и отрицательным зарядом, поэтому, когда бьешь их друг об друга появляется искра?» Но учитель о камнях не говорил.

Об этом разговоре я вспомнил очередной раз совсем недавно, прочитав, что ученые занялись очень важной и интересной темой – исследуют природу молнии.

Деда вскоре похоронили. Это был последний из прародителей, представителей мужского пола моего «рода-племени», которых я застал живым. С которым худо-бедно успел пообщаться. Я с годами все чаще задумываюсь о том, как много я потерял из социального опыта моих предков, лишившись их. Как много не увидел, как много не пережил, не прочувствовал мой отец, который ушел в свои 31 – не смог накопленным жизненным опытом и знаниями поделиться своими детьми, не смог испытать радость общения со своими внуками. Как много можно понять из особенностей моего народа, у которого образовался такой глубокий провал в социальной памяти от потерянных за последнее столетие поколений.

Да, понимаю... пожалуйста, продолжим ваш рассказ о семье...

Деда по линии отца я не застал. У них была ножная швейная машинка марки «Зингер», они с бабушкой еще в царское время шили на заказ одежду, в том числе и большие шубы. У бабушки был еще ручной ткацкий станок, она ткала по заказу паласы с красивым орнаментом. У них в деревне было два дома. В один, в котором жили мои родители до отъезда в Узбекистан, мама и поселилась, приехав с нами назад. Отец наш был старшим ребенком в семье. Дед построил для него дом еще до коллективизации. Когда пришло время, его женили, и молодую семью отделили. Так работал естественный механизм формирования системы расселения населения в России до советской власти: семья в силу своих возможностей копила средства, строила дом и отделяла

старших детей в самостоятельное хозяйство. Из разросшейся деревни отделялась группа хозяйств, и возникали новые деревни.

Мама трудилась в колхозе. Я был младшим из трех мальчиков. Как мне сейчас вспоминается – любимым. В семье было не богато. Но мы не голодали. Если уж чего было много, то это – работы в личном подсобном хозяйстве. Всегда.

Отношения в семье были мягкие, женские – мы, мальчики, не договариваясь, старались не огорчать маму. За пределами семьи в моем воспитании главную роль сыграла послевоенная суровая и жесткая деревенская реальность. Я не слышал ни одного грубого слова ни в свой адрес, ни в адрес кого-нибудь из нас, находясь дома. Зато за пределами семьи этого «добра» на мою долю выпало вдоволь: до армии - русско-татарского мата в хозяйственном общении с другими односельчанами - почему-то татары матерятся чаще на русском языке; а за три года, пока служил солдатом в армии в Польше, я прошел «академию» русского мата. Это не значит, что все время матерились. Командиры-то у нас - ротные и старше - были еще те. Участники. Знали цену и слову и делу. Если уж скажут, то и повторять не нужно - до печенок дойдет. Но это не было злобным матом. В какой-то части мат у них был даже в художественном оформлении. Настолько, что до сих пор раздражаюсь, когда слышу недоразвитый мат всеуе.

Теперь, пожалуйста, о себе. Где Вы родились, как начиналась Ваша жизнь?

Я родился 24-го декабря 1945-го года в деревне Баланд-Чакир Хавастского района Узбекской ССР. Там отец работал бухгалтером колхоза, мама занималась домашним хозяйством, детьми. Туда мои родители поехали из деревни Карагай Кандринского района Башкирии, из родной деревни моего отца. Зачем поехали? Скорее всего, несколько факторов: во-первых, ближе к Ташкенту, где люди в то время жили лучше, чем у нас. Во всяком случае, в

народе жила уверенность, что «Ташкент-город хлебный». Во-вторых, судя по всему, у отца, если он и не был авантюристом, то, видимо, романтического в его характере, как рассказывал мой дядя, было много. Отец с 1916-го года рождения, мама- с 1918-го года. Молодая семья с ребенком на руках «срывается» из родных мест и едет в далекий и неизвестный в то время для них край – Узбекистан. В этом, конечно, что-то есть. Еще и то, как назвал своих сыновей: старшего назвал Торезом- под Мориса Тореза, имя которого в те годы гремело не только во Франции, но и у нас; среднего сына назвал - ни много ни мало – Винером, фамилией основателя кибернетики, а меня – Равелем, фамилией известного французского композитора.

Детство мое прошло в этой самой татарской деревне Карагай из 30 домов, куда мама вернулась с нами, когда папы не стало. Я закончил начальную четырехлетнюю школу в этой деревне. Дети всех четырех классов - восемь человек – учились в одной классной комнате школы. Учились, соревнуясь друг с другом. Я любил читать. Читал днем, еще и вечерами, при свете керосиновой лампы маме, когда удавалось, когда у нее оставались силы. Ей это очень нравилось. То, что ей нравилось, и было стимулом тому, что и мне нравилось чтение. В школе было несколько шкафов с художественной литературой, в том числе и мировой, и было для меня «делом чести» прочитать как можно больше книг. Откуда мне было знать, что «...многочтение не научает уму...»

Помню, после четвертого класса, летом, лежа на сеновале, прочитал «Приключения Тома Сойера» в переводе на татарский язык. Говорю об этом с оценкой политики того государства в области образования, которое позаботилось, чтобы мальчик, в затерянной в лесах татарской деревни в Башкирии, имел возможность приобщиться к лучшим образцам мировой классической художественной литературы на своем родном языке. Некоторые говорят, что лучше было бы, если бы я прочитал эту книгу на английском. Ничего не имею против английского. Но я с детства научился говорить и

думать на двух языках – на родном татарском и на русском. Почему-то мне кажется, что говорить и думать на двух языках лучше, чем на 1,5 языках.

Дом наш, по деревенским меркам, был большой - пятистенник. И когда нашли нефть около нашей деревни, во вторую половину дома, которая поменьше, пустили на квартиру «бурмастера» Бориса Дмитриевича со своей женой Марфой Васильевной. То, что она – Марфа Васильевна – я догадался только через год, наверное. А так, все ее звали Марфасилевной. Она не работала, а занималась домашним хозяйством. Они прожили больше двух лет у нас: держали в сарае свинью на убой; у нас в погребе появились и стояли круглый год деревянные бочки в мой рост с солеными огурцами, с квашеной капустой с яблоками и ящики с удивительно вкусным салом, которое по своему рецепту готовила Марфасилевна. Это, примерно, как венгерский шпик, только вдоволь сдобренное чесноком. До сих пор мои рецепторы активно и с благодарностью помнят этот вкус. Не верьте, что татары не едят сало: это – смотря какое сало. И, смотря какой татарин, конечно.

Марфасилевна крепко подружилась с нашей родственницей Марьяма-апа, с красавицей-хохлушкой, которая стала чаще, чем раньше, навещать нас (к Марфасилевне). Марьяма-апу, т. е. тетю Марию - боевую подружку-медсестру, привез с фронта братишка моей бабушки по отцу «в знак благодарности», как он любил говорить, за то, что она выжила его – тяжело раненого солдата.

Я уже сносно говорил на русском, в отличие от других моих сверстников, и понимал, когда говорили по-русски. Но не понимал, почему эти две женщины плачут, когда встречаются, вместо того, чтобы радоваться. Откуда мне было знать, каковы у нее были переживания, у украинки, у которой родственников-то и не осталось там, на родной земле, всех поубивало. Откуда мне было знать, каково жить людям, судьбы у которых настолько исковерканы проклятой войной.

Когда у Вас в школе начали формироваться интересы, которые через годы привели Вас в социологию?

Хочется, конечно, сказать, что Всевышний создал меня таким, что я, как Геракл, еще в колыбели задушил несколько социологических змей... Но вряд ли в школьные годы что-либо могло «...формировать у меня интересы, которые потом привели меня в социологическую науку». В начальной школе мой мир был ограничен рамками, с одной стороны, обычной послевоенной сельской семьи, в которой у детей не было отцов, у матерей не было мужей, в хозяйстве не было мужских рук и это чувствовалось буквально во всем и буквально всегда. С другой стороны, мой мир был ограничен моей деревней, где все семьи находились практически на одинаковом уровне бедности; где все взрослое население с утра до вечера работало в колхозе; где предоставленные самим себе дети, их можно было на пальцах сосчитать, познавали окружающую среду всеми самыми разными способами. Делить было нечего, у всех только природой разделенная до боли схожая судьба детей послевоенных лет.

Первые представления о том, что за этим моим миром есть мир другой, большой, пугающий своей неизвестностью, сложились у меня в образе государства в виде какого-то прожорливого чудища, которое находится далеко за лесом, куда мама вместе с другими женщинами каждое воскресенье рано утром уходила, чтобы его накормить. А оно никак не могло насытиться. Женщины эти тоже все были одинаково похожи друг на друга, как «матрешки», различающиеся только по возрасту. В каждую неделю, по воскресеньям, на коромыслах, на своих плечах, женщины уносили на базар в поселке Кандры, что в десяти километрах от нашей деревни, все, что могли собрать за неделю, чтобы превратить это все в деньги, необходимые... заплатить государству налоги. Мама наша готовила масло из молока нашей коровы и собирала яйца наших кур, экономя в течение недели, и продавала их на базаре. Основную часть вырученных денег откладывала, чтобы потом оплатить налоги, кое-что покупала и для дома. Откладывая, все говорила, что это - государству. Потому

такой образ, видимо, и сложился в моем детском воображении. Но и это пока отношения к социологии не имело. Скорее всего это - образ, связанный с персонажем сказки классика татарской литературы Габдуллы Тукая «шурале» (леший, который живет в лесу, которого лихо обманул мóлодец-татарин).

Гораздо позже, уже студентом, когда с ребятами впервые попали в метро, у меня в сознании откуда-то выплыл крамольный вопрос о том, сколько же женщин России как моя мама на своих плечах поставляло на базар куриных яиц, чтобы возник вот такой транспорт в городе и думают ли об этом те, кто катается на нем... Но вопрос так же неожиданно ушел, когда ребята начали бурно обсуждать свои впечатления от увиденного в столице.

Другое наиболее запомнившееся из этих лет – это болезнь и смерть Сталина. В нашем доме стоял огромный радиоприемник, единственный в деревне, который «бурмастер» включал вечерами, и с женой слушали они новости. О них жена бурмастера рассказывала и маме, и нам, и всем, кого что интересовало. О том, что Сталин болеет - тоже. А однажды к началу урока в класс пришел наш учитель и после слов: «Дети, нас постигло огромное горе - умер Иосиф Виссарионович Сталин» громко заплакал. Он действительно плакал, слезы стекали по его лицу. Заплакали девочки. Мне плакать не хотелось, но было что-то неприятное в этой ситуации. Здесь тоже ничего «социально-политического» в моем поведении не было. Просто, мужчины у нас в деревне не плакали. Затем учитель повернулся к нам и сказал, что сегодня мы учиться не сможем, что нам нужно идти домой, затем должны собраться с родителями в школе на собрание. Мы пошли по домам.

Послевоенное время запомнилось еще тем, что в светлое время дня в деревне были только старики и мы – дети. Все остальные или полегли на фронтах, или умерли от ран уже в деревне, а те, кто мог что-то делать, были на колхозных полях. Помню, как в один ясный и знойный летний день над деревней высоко на небе появилась четкая линия, с грохотом разделяющая небосвод на две части. Бабушки, как по команде, в одну минуту собрались и сели громко читать молитву, увидев в этой линии на небе знамение давно

обещанного кем-то конца света. Минут через тридцать линия на небе исчезла, и небо обрело прежнюю окраску. Но бабушки находились в состоянии транса до тех пор, пока к ним не вышел со своего сеновала одноногий наш герой войны с двумя медалями на гимнастерке, с которой не расставался ни при каких условиях. Закурив свою самокрутку, он сначала смотрел на бабушек, которые подошли к нему, не понимая, что это было. Затем рассказал, что это был реактивный самолет, что такие самолеты бороздят небо Отечества, чтобы ни один фашист больше не зарился на нашу землю. И бабушки тихо разошлись.

Деревня в целом жила, за редким исключением, очень бедно и в тяжелом преимущественно физическом труде. Но люди переживали эти тяжести как временное состояние, как последствия тяжелых военных лет с огромными потерями, которые неминуемо будут преодолены. Вряд ли кому-то из моих односельчан могло прийти в голову представление о том, что, когда они состарятся, на них свалятся события, которые принесут еще более страшные разрушения, вызванные логикой развития изменений совершенно иной природы. Если в те послевоенные годы молодая и наиболее активная часть населения уезжала из деревни еще с верой, что их ждут работы по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, что их зовут великие стройки, связанные с освоением Дальнего Востока, ездили в том числе и «за запахом тайги», то сегодня мотивация поездки в Сибирь в корне изменилась. Здесь уже мало что напоминает «плановое размещение производительных сил». С одной стороны, в подтверждение слов великого Ломоносова, освоение Сибири вносит свою лепту в «приращение могущества России»: в добыче и реализации природных ресурсов мы занимаем первое место в мире, как нам постоянно твердит реклама, однако, по уровню жизни населения, к сожалению, находимся далеко не на первом месте.

Понятно, что для некоторых структур в нашей стране указанная проблема явно «на руку», поскольку не нужно обустривать территорию, не нужно развивать социальную инфраструктуру – достаточно собрать работников в деревнях и в малых городах, везти на вахту для работы, чтобы впоследствии

извлекать как можно больше прибыли. При этом мало кого интересует, что подобная «вахта на работу» превращается в «вахту в семью», когда глава семьи оказывается дома время от времени, со всеми отсюда вытекающими, разрушительными для семейных отношений, последствиями. Таким образом, «освоение территорий» превращается в «освоение прибылей» за счет экономии на развитии социальной сферы, за счет углубления социально-демографических противоречий. С другой стороны, несмотря на многие техногенные и экологические проблемы индустриального развития, качество жизни населения за послевоенные годы улучшилось. Это привело, хотя и в разной степени интенсивности в разных странах, но в конечном счете к увеличению продолжительности жизни людей, то есть к увеличению численности населения старше трудоспособного возраста. В нашей стране, например, численность пенсионеров с 1970 по настоящее время увеличилась кратно. Диспропорции в возрастной структуре населения приводят к увеличению трудовой нагрузки на работающую часть: на одного человека «с сошкой» приходится все больше людей «с ложкой». Таким образом, сама логика развития жизни требует повышения интенсивности труда, коренного улучшения социально-трудовой сферы, создания качественно другой экономики - экономики знаний и высоких технологий.

В шестом и седьмом классах я ходил в школу деревни Бишкурай, что находилась в пяти километрах от моей деревни. Каждый день с утра мы - школьники пятого, шестого и седьмого классов – всего пятеро детей – вместе пешком в любую погоду, в снег и в дождь, в пургу и метель шли в школу, занимались целый день и после занятий возвращались назад, домой.

Вот я вижу, как Вы читаете эти слова и с ужасом думаете о тяжелом детстве несчастных детей моей деревни. А мне это все вспоминается так, как запомнилось - это было потрясающе интересно и безумно весело, с множеством приключений. Особенно в сентябре и в начале октября, когда на колхозном огороде созревали помидоры, арбузы, огурцы, морковь и надо было быть достаточно сообразительными, чтобы преодолевая опасности, связанные с

охраной поля, загрузиться всем, что можно было съесть; умудрялись даже набрать картошки, убежав от «места преступления» километра на полтора зажечь костер, сварить их в углях. Это совсем не так скучно, как у юного москвича, который каждый день спускается в метро, в толчее добирается в свою школу, а после уроков опять в подземке возвращается домой: ни тебе костров, ни обугленной картошки, ни заучивание стихов вокруг костра...

Мне порой кажется, что в жизни всегда так: кажущееся «веселым» когда-то в прошлом может обернуться «не таким веселым» в настоящем, а воспоминание о чем-то «не веселом» в прошлом, сегодня способно вызвать улыбку.

В старших классах, в 8-11-м, я учился в средней школе № 2 в том самом упомянутом выше поселке Кандры, что в десяти километрах от моей деревни. Весной и осенью в школу пешком я ходил уже на 10 км., а зимой жил в интернате школы. По привычке, все устные задания выполнялись на ходу, по дороге из дома в школу, письменные задания выполнялись вечерами. Ребята в интернате жили из разных деревень, мальчики в одной половине, девочки - в другой части большого дома, который отапливался дровами. Обслуживался дом техническим персоналом, а с нами работали воспитатели, практически круглые сутки. Между ребятами шел широкий обмен опытом по самым разным сторонам жизни, преимущественно словесно; «глубина» вовлечения в опыт зависела, в основном, от способностей фантазировать. Практический опыт отстаивания собственной «самости» накапливался по мере встреч с местными хулиганистыми ребятами, которые редко, но регулярно наведывались к нам именно в те редкие часы, когда воспитателей не было. Тут уже кому как повезет, но «до первой крови» было основным правилом выяснения отношений.

Вот бы и государственные мужи придерживались этого принципа. Как бы не ругались, только до первой крови. А еще лучше - вообще не доводить до крови.

Кроме пола и возраста особых отличий между нами практически не было. Разве только по предметным интересам: кто-то жил уроками по точным

дисциплинам, кто-то усиленно занимался спортом, художественной самодеятельностью. Где-то высоко на небесах было принято решение, что школа должна формировать в детях определенные «...компетенции, основанные на знаниях и умениях...» Нам было определено готовиться стать механизаторами широкого профиля. Во дворе школы появился трактор «НАТИ», его нам разрешалось разобрать и собрать в любое время, лишь бы не оказалось лишних деталей; у нас начались соответствующие теоретические и практические занятия. Знания основных принципов работы двигателя внутреннего сгорания, элементов кривошипно-шатунного механизма и т.д. меня выручали с тех пор всегда, когда это нужно было. А пригодилось после восьмого и девятого классов, когда меня во время уборки урожая в родном колхозе взяли «кантарщиком» в состав экипажа комбайна; после десятого класса - «плугарем» на пахоту колхозных полей, *(пусть кто-то из современных «ботаников» скажет, какие это работы)*. Последняя должность дала возможность не только подработать, но и обрести опыт работы на тракторе в ночную смену. Тракторист приходил на работу, под его «чутким» руководством я приводил агрегат в требуемое состояние. Затем, пропахав один круг, он ужинал, запив ужин стаканом самогона, и, определив фронт работы мне на остальное время, ложился спать. Дальше приступал к работе я, честно и добросовестно выполнял задание всегда, кроме одного случая. В тот раз уже ближе к концу смены, но это была еще ночь, я уснул, а трактор, оказывается, продолжал нашу работу в режиме «автопилота». Я видел сон: все было прекрасно, я шел по лесу, молодые деревья как-то неестественно наклонялись ко мне и приятно касались лица... Проснулся от того, как об кабину трактора бились листья деревьев и ...с ужасом обнаружил, что трактор мой в молодой лесополосе, а плуга нет. Оставшееся время до конца смены и до того, как проснулся тракторист, мне еле-еле удалось спрятать «концы в воду». Но природа злопамятна: та часть лесополосы все еще сохраняет несколько метров дефекта. До сих пор, вспоминая этот эпизод, слегка вздрагиваю и думаю о том, как же нынешние десятиклассники живут без таких переживаний.

И в эти годы ни о каких серьезных интересах, связанных «с тропинкой, ведущей к социологии», речь вести, наверняка нет смысла. У меня в голове так же, как и у большинства мальчиков в моем окружении, судя по разговорам, были в основном девочки, книжки и мечта о мотоцикле. Все это формировалось под диктовкой Ее Величества Природы, от впечатлений, полученных по рассказам талантливых фантастов, с которыми дышал одним и тем же воздухом, учился в одном и том же классе у одних и тех же учителей. Мотоцикл почему-то не приходил. А с девочками жизнь поставила очень даже нешуточные драмы: на первом же свидании с настоящим поцелуем все у меня перевернулось и в душе, и в мозгах, а чуть позже и на теле. Я задержался. Был уже поздний вечер, а все хотелось продолжать целоваться. Наконец, когда я пошел «домой» - в интернат, меня догнали пятеро местных ребят. Понимая, что сопротивляться не только бесполезно, но будет «себе дороже», я не стал бить первым, как учит Владимир Владимирович. Но все равно поколотили. Грамотно били - по телу, а не по лицу. Синяки с тела долго уходили, но их никто не видел. А через некоторое время, когда я уже перешел в 11-й класс, случилась в поселке страшная трагедия - девочку из нашей школы, по-моему, после седьмого класса, изнасиловала группа местных мальчиков. Она на другой день бросилась под поезд (этот поселок разделен железной дорогой на две половины). Группу этих мальчиков в тот же день забрали в милицию, потом был закрытый суд, где каждому из них определили меру наказания в виде длительной изоляции от общества. Так жизнь вбила в мои мозги понимание того, что девочки, оказывается, - это не только поцелуи. Получилось так: поскольку с мотоциклом и девочками было не очень, оставалось более доступное — книжки, стихи о своих переживаниях и то, что называлось общественной работой.

Точка, Равиль, я понимал, что вот-вот в Вашем ответе должна появиться тема общественной работы. Я сразу засомневался в Ваших словах о том, что вряд ли в школьные годы что-либо могло формировать у

Вас интересы, которые потом привели Вас в социологию. Сначала я обнаружил истоки Вашего движения в социологию в том, что Вы с детства наблюдали жизнь русских и татар – двух разных языковых, религиозных групп, формировались в двух культурах, равно владели двумя языками, затем – Ваше активное чтение, а значит – размышления типа «так же – иначе», сравнения и поиски ответов на многие «почему?». И вот еще один фактор: общественная работа. В те годы, когда в СССР не было социологического образования, многие пришли в социологию в процессе активной комсомольской деятельности. Наверное, Вы были активным пионером, комсомольцем, Вы видели в этом свой гражданский долг?

Я не мог думать тогда, что это все - «общественная работа» в том смысле, который Вы в эти слова вкладываете, конечно же, не мог видеть в этом свой «гражданский долг». Я не наблюдал жизнь, я просто жил, старался выполнить то, что требовалась с меня, чтобы мама не расстраивалась - «вести себя хорошо». А для этого нужно было соответствовать как минимум лозунгу, который висел на стене школьного коридора: «пионер-всем ребятам пример». Носил воду одиноким бабушкам, которые потеряли мужей и детей на войне, совершенно не думая, что это - H₂O; колол дрова участникам Великой Отечественной, но мне и в голову не приходило, что это я оказываю «услуги». Работал честно, считая, что так надо, так должно быть: сильные должны помогать слабым, молодые- пожилым и т.д. Когда учился в десятом классе, по собственной инициативе брал книги в школьной библиотеке, приносил домой и раздавал в своей деревне тем, кто хотел что-то почитать. Они заказывали, что и о чем хотели бы прочитать, а я носил туда и обратно. Всю зиму. В деревне не было библиотеки, приходилось на себе таскать эти книги. Считал, что комсомолец должен стремиться делать жизнь людей лучше.

Видимо, прав был А.А. Зиновьев. Наверняка, таких, как я, тоже можно назвать «гомосоветикус». Но я не считаю это свое поведение показателем «тупости». И не только потому, что те, кто не носил воду бабушкам, не колол

дрова участникам Великой Отечественной, не таскал на себе книги односельчанам, были или выглядели умнее. Разумеется, наверняка была интеллектуальная ограниченность, но это, скорее всего, проявление одной из множества юношеских недостаточностей - не мог я блеснуть интеллектом и знаниями ни книжных, ни жизненных истин на его уровне. Семья, деревня, воспитание на примере отношения к простому крестьянскому труду могло помешать стать другим. Возможно, еще и потому, что, когда, например, косят траву мужики в одном ряду, нельзя, объективно невозможно сачковать, нужно делать все один к одному так, как делает и тот, кто идет впереди, и тот, кто за тобой: в руках и у того, и у другого - коса.

И вот, обучение в школе завершается. К каким предметам у Вас лежала душа в старших классах? Куда Вы думали поступать после окончания школы?

Я был первым из моей деревни, кто поступил в университет. Это случилось в 1963-году после окончания Кандринской средней школы №2. В этой школе в то время занятия по всем дисциплинам велись на русском языке, но еще велись уроки татарского языка и литературы. Туда приезжали на педагогическую практику студенты факультета татарской филологии Башкирского государственного университета, их преподаватели. Активное общение с ними, по-видимому, стало еще одним из факторов, формирующих мой выбор будущей профессии филолога. Именно они инициировали то, что в районной газете начали появляться мои стихи, в том числе и в защиту, кого бы вы думали... Патриса Лумумбы. И в данном случае никто не давал мне каких-то заказов, поручений, чтобы написать стихи на какую-то тему. А дальше было ясно моим одноклассникам и некоторым учителям (*например, учителю математики, что я буду... «поэтом», потому что, оказывается, «...Пушкин тоже плохо знал математику...»*). Или журналистом, как иногда говорили, «на худой конец». Всем было ясно, кроме меня: душа у меня лежала по большому счету к литературе и истории, но втайне я мечтал стать летчиком. Как же, во

дворе начинался космический век (!). Учитель физики поздно вечером выводил нас на улицу, и мы всем классом находили на ночном небе наш спутник; потом - Юрий Гагарин... Однако первый же медосмотр в десятом классе показал, что с моим зрением меня даже в армию могут не взять. Это со мной, с моими мечтами, сыграло злую шутку мое фанатичное увлечение чтением. Кажется, самое время, чтобы начинать разговор о том, что было бы, если бы я «пошел в летчики». Но нет смысла. Как известно, история не знает сослагательного наклонения.

Ясно, мечту о небе пришлось оставить... Куда же Вы поступили и как шло обучение?

Как уже говорил, в нашем классе учились ребята из разных деревень района, после семилетней школы. Учились по-разному. Но почти все после окончания средней школы продолжили свое образование: трое поступили в техникумы, а остальные - в разные вузы. Не смог поступить, по-моему, только один или двое. Такая всеобщая была тяга к высшему образованию. И я, видимо, не мог оставаться в стороне, сдал документы для поступления на филологический факультет Башкирского государственного университета по специальности «Филолог. Учитель русского и татарского языка и литературы». Считаю, что мне повезло: направление, без никакого математического моделирования, без никаких психологических тестов интуитивно было выбрано верно – гуманитарное. Верно, потому что это соответствовало не только моим знаниям. Это соответствовало моей человеческой сущности. Я стал студентом Башкирского государственного университета.

Сказать, что жизнь моя изменилась, будет неверно. Она перевернулась. С одной стороны, у меня не было представления о том, что моими любимыми предметами, особенно литературой, можно так серьезно заниматься. Самым удивительным «открытием» для меня было то, что в общежитии, а в комнате тогда нас проживало шесть человек, все ребята очень много говорят о литературе. Все после занятий в университете занимаются кто в библиотеке,

кто в комнате, читают и пишут. Один из них со временем стал народным поэтом Башкортостана, другой - доктором филологических наук. Трое в нашей комнате были после службы в армии, в гимнастерках еще ходили. У них все было расписано по-армейски. Читать и писать приходилось очень много. Я и сегодня считаю, что мне очень повезло и с университетом, и со специальностью: возможно, мозги в том возрасте только так и нужно было заполнять - мировой классической литературой. К тому же я занимался своим любимым делом. Может, поэтому и проблем с учебой не было. А свободное время, когда она появлялась, заполнялась тем, что называется «расширением кругозора» в полном смысле этого слова, практически каждый день что-то новое. Большой город – большие возможности. Так и пролетел первый курс. Совершенно незаметно, в то же время каждый день совершенно «под завязку».

Сюрприз принес второй курс, кардинально изменив мою жизнь. Н. С. Хрущева освободили от должности Первого секретаря ЦК КПСС, его политика сокращения вооруженных сил, среди многих сторон его деятельности, включая насаждение кукурузы, была признана ошибочной, было принято решение расширить состав вооруженных сил, в том числе и за счет студентов тех вузов, где военные кафедры неправомерно были закрыты. И меня так же, как и многих других второкурсников университета, подходящих по состоянию здоровья, призвали в армию. Так я оказался в Польше, где прошел службу в течение трех лет, с 1964-го по 1967-й год. Все три года очень хотелось, чтобы «центральные комитеты» во всем мире понимали: **в обществе как по «маятнику Фуко» - не то, что замена «генерального», но даже малейшее изменение в верхней точке отражается на судьбах миллионов школьников, студентов и не только, находящихся внизу, и не только в хорошую сторону.**

Армия - это еще один из «моих университетов», только совершенно другого содержания: устав, приказ и выполнение его, какой бы глупостью он не показался; строгий распорядок и большие физические нагрузки; максимальная унификация и минимум индивидуальности. В роте я оказался один – из университета. Хотя и проучился всего ничего, но здесь считался

«университетским». Еще и нерусский. Еще и родившийся в Узбекистане. Но всеобщая настороженность прошла быстро, мое «черноземное» происхождение гораздо больше, чем годичное университетское прошлое, помогло мне без особого труда и лучше, чем многие другие, выполнить в полном объеме то, что нужно было выполнить, «социализироваться», «адаптироваться» в новых условиях. Я и не знал этих понятий, но зато быстро научился хорошо стрелять, меня поощрили отпуском домой, что может быть большей радостью для солдата, который полтора года не был дома, не видел маму, родных...

Любил читать стихи наизусть. Скорее всего от тоски, но создавалось впечатление, что я тут в поэзии «круче других». Конечно, сколько произведений может знать наизусть среднероссийский солдат, а у меня была еще и школьная закалка. Окружающими это воспринималось по-разному: мой лучший друг – Борька Буклов (он тоже из многих, кто хотел поступить в вуз, но не получилось) спросил однажды: «Слушай, а вообще-то, для чего поэзия существует?» Я, естественно, не мог и этот вопрос оставить без ответа: «Для того, чтобы люди стали лучше. Вот такие, как ты, в том числе», – сказал я ему, с улыбкой похлопав по плечу. Он помолчал некоторое время и, так же с улыбкой, выдал: «Слушай, сколько же в тебе дерьма, что ты после такого количества стихов остался таким...». Я промолчал. Что тут такому солдату-другу скажешь.

Так бывает: иногда солдат, который «на гражданке» не смог поступить в университет, может «выдать» такое, что сто университетских не додумается.

Демобилизовался в ноябре 1967-года и вернулся в университет. Так начался новый этап университетской жизни.

В армии Вам не предлагали вступить в партию, не предлагали пойти в высшее военное училище?

Не только предложили, но и приняли. Только не членом, а кандидатом в члены КПСС, как должно было быть по Уставу. Это случилось осенью 1967 года в год 50-летия Октябрьской революции 1917-го года. Отношения СССР с

Китаем сильно испорчены, «вероятный противник» тоже «портил воздух», наша часть стояла в лесу в положении боевой готовности. Не уверен, что все было так серьезно, скорее всего, это было какое-нибудь учение. Шло партийное собрание с приглашением младших командиров. Смысл выступления политрука сводилось к тому, что готовых встать на защиту Отечества в рядах коммунистов, если международные темные силы нападут, в желании испортить 50-летний юбилей нашей революции, предлагаю принять в партию. И мы с другом Борькой Букловым дружно заявили о своей готовности.

Тоже может показаться «совковостью». Но не могу согласиться с тем, что это было каким-то показателем ограниченности, поскольку, как я понимаю, ограниченный человек ограничен собой, заботой о себе. А в данном случае вступление в партию было привязано к защите Родины. Я встал в один ряд со своими сослуживцами. Иное в той конкретной ситуации не приходило в голову.

Да, я был активным: студентом – работал в составе Комитета комсомола университета, городского Комитета ВЛКСМ - столицы Республики... Командиром студенческого отряда строил линии электропередач в отдаленных районах республики, строил совместно с немецкими студентами школу в одном из таких районов, работая в школе, был членом парткома Юматовского совхоза и секретарем партийной организации. Того самого совхоза, где строили животноводческий комплекс, один из трех крупнейших в СССР, который в первые годы строительства капитализма растащили по кирпичикам. На глазах у власти предрежащих. В том числе и у коммунистов.

Итак, начался новый этап обучения? Какие предметы – скорее всего, у Вас их было немало – Вас наиболее привлекали? Филология ведь весьма многолика...

Согласен с Вами: филология многолика и очень интересная наука. Особенно меня поразила история языков. Мне показалось, что в языке народа, если владеть соответствующими инструментами анализа, можно обнаружить

фактически историю его носителя, что я буду в дальнейшем заниматься исключительно этим. Позже меня захватили проблемы, связанные с происходящими в языках изменениями в результате взаимодействия и общения народов. До сих пор помню то впечатление, которое испытал, когда в словаре Ожегова не нашел ни одного русского слова на букву «а». Появлялись новые учебные дисциплины и казалось, что одна интереснее другой. Скорее всего потому, что всерьез углубиться просто не успевал, хотелось во всем копаться, узнавать больше, чем другие. Поле интересов расширялось, но время сужалась. А читать приходилось все больше и больше: это и отечественная литература, и зарубежная- в большинстве своем классическая литература европейских стран, США и др. Одним словом, было замечательное время жизни с героями такой литературы... Причем, за это еще и стипендию давали. Каюсь, щеголял..., а иногда и вольничал. До сих пор помню обиженные глаза преподавателя, которому сдавал зачет по Лермонтову (которого я любил еще с детства, считал, что знаю его творчество и был уверен, что проверять меня нет смысла...). А преподаватель, почему-то напоминающий неопрятного отшельника, «пристал» с вопросами, хотел выяснить «глубину понимания» творчества автора, как он любил повторять. А я, улучив момент, в заметно недовольном тоне включил в свой ответ слова: «Тебе, я знаю, не понять Мою тоску, мою печаль. И, если б мог, мне было б жаль. Воспоминания тех минут во мне, со мной пускай умрут...». Он, на мгновенье вскинул взгляд, резко подписался за отметку и толкнул мне зачетную книжку. Я в тот момент почувствовал какую-то удовлетворенность от того, что мы поняли друг друга, однако это чувство быстро улетучилось, когда я увидел в зачетке оценку «хор.», и залегло в какой-то потайной уголок души как неприятный привкус.

Параллельно шла еще комсомольская жизнь, круг общения с комсомольцами и комсомольскими функционерами расширялся: здесь встречались и те, кому можно верить, которых я мог отнести к «настоящим», и те, к которым начал испытывать отвращение, как к «не настоящим» коммунистам и комсомольцам. Начал чувствовать пропасть между реальным и

идеальными типами функционеров. Но чем больше я присматривался к коллегам, тем меньше оставалось тех, кто в какой-то степени подходил моему пониманию того, каким должен быть комсомольский вождь: или я слишком внимательно смотрел, или их становилось больше, трудно сказать. Чем глубже между мной и ими становилась пропасть, тем острее я начинал понимать, что поиск ответа на вопрос о том, те ли эти люди на самом деле, становился все острее. Это все на фоне того, что работа неплохо получалась: например, в соревновании за лучшую группу университета, посвященном 100- летию В.И. Ленина, наша группа победила, и нас наградили путевкой для поездки «по ленинским местам» по маршруту: Уфа – Ульяновск – Москва – Уфа; интернациональный студенческий строительный отряд с участием немецких студентов, командиром которого я был, показал хорошие результаты и т.д. При этом около меня и при мне произошли события, которые, очевидно, не могли не произойти: осенью преподаватель научного коммунизма, на занятиях у которого я показывал активность, отвлекая его разными вопросами, дал мне тему научной работы для участия в конкурсе студенческих работ, сказав: «Вот Ленин начал писать работу «Три типа национальных государств», два типа описал, а третий не успел- началась революция. Нужно внимательно изучить эту работу и в рамках ее исследовательской логики описать третий тип государств...» И я начал читать. Я перерыл кучу литературы и статистического материала...Я потерял счет часам и дням. Увлёкся так, что и комсомольская работа, и филология с поэзией немножко остались в тени. Но завершить эту работу не удалось «и мне». В этот раз произошла «революция» в жизни моего преподавателя, сказали, что он женился на своей студентке и уехал в Москву.

Конечно, дай Бог им счастливой семейной жизни. Но я остался без научного руководителя. С другой стороны, успел «заразиться» самим процессом, это было у меня первым таким серьезным опытом реальной исследовательской работы.

Тем временем, у нас появился новый секретарь комитета комсомола – выпускник философского факультета МГУ. Говорил красиво, правильно,

много. Но очень скоро стало ясно, что он гораздо сильнее любит «другую жизнь», чем комсомольскую, которую мы пытались строить. Когда через много лет комсомольские работники, с детства воспитанные в духе коммунистической идеологии, занимавшие высокие должности, быстро становились «легальными миллионерами», а некоторые из них, став командирами Советской Армии, повели потом людей, народы страны, вооружив танками и самолетами, друг на друга настоящей войной, я почему-то вспоминал повадки и этого нашего секретаря.

Нет худа без добра: он как-то в свою очередную поездку в Москву привез оттуда «Лекции по социологии» Ю. Левады. Не могу сказать, он сам читал эту книгу или нет, но я прочитал. Вот это для меня стало своеобразным интеллектуальным шоком. По большому счету это стало началом моего осознанного интереса к социологии.

То, что в те годы проявлялось в виде туманных представлений и догадок чего-то нездорового в теле комсомола, спустя много лет сформировалось как важный **социологический «закон Равиля»: без создания конкурентной среды в социальной системе назначение управленцев исключительно по партийной принадлежности и исключительно «сверху-вниз», приводит к тому, что каждый последующий руководитель оказывается хуже предыдущего.**

Игнорирование этого закона главным образом и привело к катастрофе крупнейшую в мире страну. Дело еще и в том, что первое поколение управленцев в молодом советском государстве преимущественно было из членов дореволюционной партии, в составе которой и пришли к власти. Несмотря на то, что многие из них не имели дипломов о высшем образовании, сумели обеспечить изменение всех сторон общества, что породило и веру в народе в действенность политики установившейся власти. Да, государство, партия возможно и сами управленцы в большинстве своем искренне верили в то, что делали. Однако партия, которая борется за власть, и партия, которая находится у власти - это принципиально разные сущности. Так и в нашем

случае: в последующем в управленческие структуры назначались исключительно члены партии из новых поколений, которые не имели ни того опыта, ни той верности делу строительства нового общества, присущей первому поколению революционеров. В этом смысле партия вырождалась активно. А это, в свою очередь, привело к тому, что в партию начали вступать из личных корыстных, карьерных интересов, в том числе для того, чтобы занять управленческие позиции. Добившись своей цели, они собирали вокруг себя себе подобных. Так создалась система управления в государственных структурах и в отраслях хозяйства, которая в целом не смогла справиться с задачами, возникшими перед СССР в новых исторических условиях, хотя в истории остались имена и дела немало известных руководителей, выросших в ее недрах, талантливо используя особенности и возможности системы.

По мелочам, на микроуровне это «вырождение» проявлялась везде. Но именно потому, что оно проявлялось в «мелочах», его скорее всего и трудно было поймать. Оно проедало общество, как ржавчина проедает металл.

Дипломную работу я, разумеется, написал по литературе, о новелле, как о литературном жанре, защитил на «отлично», но от предложенной мне аспирантуры по филологии отказался и «по распределению» поехал в среднюю школу в деревню Нурлино Уфимского района в 20 км от Уфы. Может быть, и не стал бы говорить обо всем этом, если бы Вы выше не задали вопрос о том, когда появился у меня интерес к социологии, с допущением, что предпосылки к этому могли появиться еще во время учебы в школе.

Никогда не задавался вопросом о том, когда у меня появился интерес к социологии. Видимо, можно было бы сделать вывод, что этот интерес формировался весьма сложно в процессе достаточно длительного периода жизни и прежде всего в виде появляющихся вопросов о социальном развитии, о социальной справедливости: пришлось пережить ряд реальных социокультурных шоков, накопить непростой и немалый, весьма противоречивый житейский опыт. Но началом осознанного интереса к

социологии можно, наверное, назвать последние годы учебы в университете. Теперь уже не только к социальным проблемам, но именно к социологии.

Можно сказать, что Вы перечислили все знакомые факторы движения в социологию. Есть – глубинные: жизнь в многокультурной среде, рано проявившаяся любовь к чтению, выбор филологии в качестве будущей профессии. Но есть и непосредственные детерминанты уточнения профессионального пути: общественная работа, т.е. анализ социальных и социально-коммуникативных проблем, интерес к философии и такой мощный импульс, как книга Ю.А. Левады. Что важно, Вы оказались готовы к ее чтению и соответствующим размышлениям. Итак, решили учиться в аспирантуре по научному коммунизму. Как Вы начали реализовывать эту задумку?

Вот здесь я с Вами согласен, к этому времени я уже был готов к размышлениям о том, что и почему моя жизнь складывается так, как складывается. Кроме того, три зимы, пока жил в этой деревне, работая в школе, я занимался самообразованием – читал философские работы, подтягивал немецкий. Никогда ни до, ни после я не читал в длинные зимние ночи в таком количестве серьезную философскую литературу, чем в те годы. И немножко по социологии. То, что попадалось. Там уже появилась в моем шкафу книга Шубкина В.Н. «Молодежь и образование», статьи Аитова Н.А. в журналах... Но по поводу поступления в аспирантуру я советовался с профессором Садыковым Ф. Б., который читал нам в университете лекции по научному коммунизму. До этого он работал в Ставропольском университете на одной кафедре с Р.М. Горбачевой, написал монографию о противоречиях социализма и оказался... в Новосибирске. Оттуда он приехал в Уфу, в Башгосуниверситет.

Чем больше читал о том, что должно быть, и думал о том, что я вижу на самом деле, тем больше у меня появлялось вопросов к Аитову, с которым я так пока и не встретился. Как будто что-то оберегало, скорее всего, меня от него: я

еще не был готов к этой встрече. Вот здесь, я считаю, уже можно говорить о том, что я начал ориентироваться в проблемном поле социологической науки. Я оказался в новой для себя жизненной ситуации - жил и работал в большой деревне, которая находилась близко к городу со статусом столицы республики, но это не было пригородом. Дороги и общественный транспорт были в таком состоянии, что не было возможности ежедневно ездить людям в город на работу, проживая здесь. В экономико-правовом отношении эта деревня была одним из отделений совхоза, которое занималось производством мяса, молока, зерна и овощей, т.е. здесь жили и работали не колхозники, как в моей родной деревне, работающие на «трудодни», а работники совхоза, которые получали зарплату: животноводы, механизаторы, полеводы, овощеводы. Сельская интеллигенция и группа людей «преимущественно умственного труда» была представлена, в основном, учителями - была средняя школа с библиотекой, детский сад, медпункт с двумя работниками, магазин с двумя продавцами, клуб с двумя работниками и почта, где также работало два человека. С одной стороны, было многое из того, что нужно было для производства: электричество было, была сельхозтехника, радио и телевидение исправно работали, была дирекция совхоза, местная организация КПСС, была советская власть с атрибутом в виде сельсовета в центральном отделении совхоза с соответствующими депутатами на местах... Но, с другой стороны, из социально-бытовой инфраструктуры сельской общины практически не было ничего, что служило бы развитию уровня и качества жизни людей: ни отопления, ни водопровода, ни канализации, ни даже асфальта на улицах не было. Весной и осенью ходить по улице пешком превращалось в сложную проблему. Образовался огромный разрыв между уровнем развития того, что называлось орудиями и предметами труда, на совхозном производстве и условиями жизни людей, качеством быта людей. Деревня находилась в состоянии «полудремы» и в этом качестве напоминал человека, который окончательно устал, «выдохся» от всего пережитого и, впервые покушав досыта, прилег вздремнуть. Люди в деревне рождались, росли, создавали семьи,

работали, старились и, счастливо прожив, уходили в мир иной, сопровождая все это обильным потреблением водки и самогона. Здесь, в этих моих словах, нет ни малейшего стремления очернить «социалистическую реальность», нет и глубокомысленного сарказма. Есть простая констатация фактов: так было. Дети росли накормленные, одетые и обутые, со временем шли в школу, выросли, находились в возрасте, когда задаваться вопросами о смысле жизни не предусмотрено. Затем кто-то шел учиться дальше, кто-то шел на работу, а она, работа, всегда была, значит, была зарплата. Она действительно была, но ровно столько, чтобы хватило покрывать расходы на жизнь на этом уровне и чтобы людям не загружать голову вопросом о том, что делать с излишками. И так до заслуженного отдыха. А там уже строить планы и мечтать о чем-то не было смысла. Мечтали и строили планы другие и на другом уровне.

Именно здесь я, как учитель, столкнулся с феноменом, разобраться в котором до сих пор недосуг - это отношение детей к родителям в сложных семьях. В школе один шестиклассник начал пропускать уроки, не было его и в этот день. И я, отведив свои уроки, пошел к ним домой, чтобы выяснить, что с ним произошло. Подошел к дому, во дворе никого нет, прохожу в дом, легко постучав в дверь. А там наш мальчик что-то делает около плиты, на столе недопитая бутылка водки, пустые стаканы, куски хлеба и что-то еще. С кровати начинает подниматься пьяный его папа и говорит: «О, Равиль Талибович... Проходите, садитесь, гостем будете...». И толкает лежащую рядом жену в бок...

А мальчик, вытирая руки, криво ухмыляясь, говорит отцу: «Да, ладно тебе, не вставай... Отдыхай, он же не пахал, как ты... не устал... Он не пройдет... Как же, учитель... да сядет с тобой...»

Понятно, что в этой ситуации нет смысла говорить ни с родителями, ни с ребенком. Поэтому я сказал: «Извините, спасибо, у меня мало времени. Я тебя жду в школе» и ушел.

Много раз потом в этой деревне, затем и в городе я сталкивался с тем, что дети из таких семей и у себя дома, и за его пределами твердо встают в

защиту родителей. И, наоборот, дети из, казалось бы, благополучных семей, бывают негативно настроены в отношении к своим родителям и даже убегают из дома.

Хотя общество – это не семья, сравнивать то, что и как люди живут в семье с тем, что и как происходит в обществе, не просто не корректно. Тем ни менее, есть о чем подумать.

Через некоторое время меня избрали секретарем парторганизации. По возрасту я был самым молодым членом КПСС в этой деревне, в состав партбюро вошли управляющий отделением совхоза, директор нашей школы, депутат районного совета, один активный механизатор. Мы работали, стараясь охватить своим влиянием все сферы жизни: это было и производство, и работа школы, клуба, организация и проведение в торжественной обстановке государственных праздников. Запомнившихся эпизодов много, но одно мероприятие отложилось в деталях- это организация и проведение избирательной компании по выборам в Верховный Совет Республики, т.е. в высший орган государственной власти. Конечно, все в таких случаях начинается и идет по задолго до этого разработанному «наверху» плану. Мы решили раньше всех в районе провести голосование на нашем избирательном участке: агитаторы по несколько раз прошлись по каждому дому, объяснили всем, что делать и как проголосовать, определили, кто не сможет прийти на голосование по состоянию здоровья, назначили конный экипаж, чтобы доехать до таких избирателей и т.д. Избиратели подошли настолько активно, что к 12-ти часам дня все избиратели по списку у нас проголосовали, кроме одного человека. Агитатор того участка выяснил: оказывается, к ним приехали гости и они выехали «на природу». Мы взяли ящик для голосования и поехали туда, где они могут находиться. Нашли их на лесной поляне вокруг накрытого стола. Принесли ящик к этому человеку, а он, изрядно выпивший, говорит: «Я голосовать не буду, это мое конституционное право». Тут гости, а там его старший брат и еще какие-то родственники, быстро объяснили ему, что нужно голосовать, иначе он подведет людей, ответственных за выборы. Наконец, он

созрел, ему дали бюллетень, отнесли ящик в сторонку и сказали, что он может проголосовать и против любого кандидата, лишь бы отметил и бюллетень опустил в ящик. Он проголосовал и мы поехали назад. Получилось, что у нас проголосовало все 100 процентов избирателей. Мы доложили, как положено, в райком партии, в избирком. Осталось только дожидаться вечера, чтобы сосчитать бюллетени. Сюрпризов никаких не было: голосование прошло единогласно. Так деревня продемонстрировала свое отношение или, еще больше, свою любовь к существующей тогда системе власти. Так же, примерно, как и отношение детей к своим родителям в сложных семьях: практически на очень низком уровне находится социально-бытовая инфраструктура, зато на недостижимой высоте получилось доверие к власти. Но чтобы мне разобраться в этих парадоксах жизни нужно было заниматься исследованием проблем. А этого у меня еще не было.

И здесь Вы поняли, что «дозрели», что пора встречаться с профессионалами... так? Каким был Ваш следующий шаг?

Да, так получается. Я не мог найти ответов даже на часть вопросов, появившихся у меня по мере проживания отведенных мне лет. Весной 1974-го года я уже принял окончательное решение, а в августе этого же года я пришел к Нариману Абдрахмановичу Аитову в Уфимский авиационный институт.

К моему удивлению, известный ученый, находящийся на пике своей известности, оказался очень дружелюбным, «простым» в общении человеком. Вел себя совсем не так, как партийные функционеры, чем окончательно убедил меня в правильности моего выбора. Внимательно, ни разу не перебивая, прослушал мое вступительное слово, за это время искурил сигарету. Видно было, что от курения (может, показалось) он получал большее удовольствие, чем от моего рассказа о том, что я работаю зам. директора школы, зам. секретаря парткома Юматовского совхоза Уфимского района, что там партийная организация активно строит одного из крупнейших

в стране животноводческих комплексов, но дальше не представляю свою жизнь без социологии и прошу принять меня на работу.

Я не заметил, по приглашению или по своей инициативе, в кабинет вошел седой мужчина с умным лицом в толстых очках. Оказалось, что это – его заместитель по социологической лаборатории доцент Яков Пинкосович Ладыжинский, который и сказал, что может предложить только должность инженера лаборатории с окладом 110 руб. На том и решили, хотя у меня зарплата на прежнем месте была гораздо больше. Но не мог я торговаться. Мне нужно было поступить на работу к Аитову.

***Затем Вы работали с Аитовым все годы до его переезда в Алма-Аты?
Пройдя все ступени от инженера лаборатории до доктора наук?***

Можно было бы сказать несколько иначе: я работал не «с» Аитовым, а «около» Аитова «с» другими себе подобными. Это важно подчеркнуть. Сегодня, когда читаю/слушаю воспоминания его лаборантов, инженеров, аспирантов, ставших потом кандидатами/докторами наук, иногда создается впечатление, как будто Аитов работал около них. Это не так. Аитов, как социолог и как организатор работы в науке, был на две головы выше своего окружения, до уровня которого никто из них так и не дошел. Скорее всего это и является объяснением того, почему кто-то из них пытается сегодня подпрыгнуть выше себя.

Есть еще один нюанс: в сознании многих крепко сидит представление о том, что бумага с печатью об ученой степени человека свидетельствует и о его уме. Вам ли мне говорить о том, что «ум» и «ученость» живут в параллельных мирах и редко, когда они вместе одновременно «посещают» кого-то. Аитова они «посещали вдвоем» и гораздо чаще, чем его окружение, он был умным ученым. Да, все эти годы до его отъезда, я работал под его научным и организационным руководством. От инженера до доктора наук надо было пройти непростой путь и я прошел. Но все было построено таким образом, что

работать под его руководством можно было и сидя в лаборатории, можно было проводить исследования и в общении с многими другими людьми, занимающими самые разные должности - с рабочими и крестьянами, с одной стороны, и специалистами, партийными и хозяйственными руководителями разного уровня, с другой. А вечерами анализировать все это и писать отчеты, научные статьи и диссертацию. У меня именно там сложилась привычка спать пять часов в сутки. До сих пор просыпаюсь, как по будильнику.

Я пришел в науку отказавшись от карьеры партийного функционера, от административной карьеры. Не мечтал и здесь ни о какой карьере, хотя ректор хотел, чтобы я согласился поработать зам. секретаря комитета комсомола теперь уже в Уфимском авиационном институте. Секретарем комитета комсомола был тогда Александр Дегтярев, который через много лет стал председателем Комитета по образованию и науке Государственной Думы Российской Федерации. Но я выбрал науку. Осознанно. Считая, что «человек – управляющий» есть «человек - управляемый». Сталкивался и сталкиваюсь постоянно с теми, кто готов «власть с мухи» пытаться раздуть во «власть в слона».

Для карьеры, нужно пресмыкаться. Чиновник, человек при государственной должности, если нужно что-то написать, «трижды умрет», пока не поймет, что хочет прочесть начальник. Поэтому близкое окружение начальника всегда врет; близкое окружение большого начальника врет по - большому. Но с Аитовым было не так. Он не был начальником. Он был руководителем научного коллектива в самом полном смысле слова. Обсуждая какую-нибудь работу - его или другого – каждый мог сказать: «нет, это не так», если есть аргументы в ту или другую сторону. Именно у него я получил понимание того, что социолог может и должен (обязан!) написать то, что показывают его исследования, нравится это кому или нет. Больше того, в этой способности проявляется уровень его профессионализма. Я во всяком случае до сих пор живу так. Никто, кроме жены (она 30 лет проработала редактором), ни разу мне не сказал, что я что-то написал не так, что нужно написать иначе.

В этом чувствую даже драйв. К тому же это возможность быть полезным людям. А еще когда это считается твоей работой, за которую тебе платят деньги - это то состояние, когда можно сказать, что жизнь удалась.

Однако и здесь важно чувствовать границу, поскольку, с одной стороны, удовлетворенность достигнутым – это начало конца; с другой стороны, сегодня какие-то вещи меняются так стремительно, с не меньшей скоростью меняя людей, что не успеваешь удивляться. Нынче за ученой степенью может скрываться и реальный «бандит с большой дороги», и настоящий пройдоха или элементарный шарлатан, который когда-то написал какую-то работу и дали ему эту «ученую степень» или от жалости, или от понимания того, что «нужно» дать, или подчиняясь дисциплине, или в соответствии с квотой, или мало ли по каким соображениям. Во всяком случае за мою жизнь в науке мне они встречались в большом количестве, гораздо больше, чем порядочных, которых я мог бы, не кривя ничем, назвать человеком науки. Непорядочным я старался противостоять, за что и они мне изрядно попортили кровь. Если мне что-то удалось сделать в моей науке, это потому, что встречал и работал бок о бок с настоящими учеными, каких тоже немало.

Равиль, я согласен с Вами, но замечу, профессор, наставник аспирантов и докторантов, не только помогает своим подопечным, но многому учится у них, они – молодые и многое видят иначе, острее, чем старшие... Хорошо, и с чего же началась Ваша работа под руководством Н.А. Аитова?

Первое впечатление получилось прямо по «Американской трагедии» Т. Драйзера: блистательная социологическая лаборатория кафедры научного коммунизма Уфимского авиационного института, которую создал известный не только в нашей стране ученый-социолог профессор Аитов, какой она выглядела со стороны, при первом приближении мне показалась совсем иной.

Здесь я увидел людей разного пола, возраста, уровня образования, квалификации с совершенно разными интересами, каждый из которых ведет себя здесь исключительно в собственных интересах: кто-то сидит и считает, в том числе и на бухгалтерских счетах; кто-то читает, пишет; кто-то пьет чай, парами идут покурить; вдруг забегают девушка и говорит, что в какой-то магазин что-то привезли, и человека два-три туда бегут, быстро переспросив у остальных - надо это или нет; возвращается откуда-то парень, говорит, что в столовой нет очереди и трое, как по команде, срываются с места и бегут в столовую; заходит какой-то «остепененный», приглашает на кафедру кого-то с бумагами, и они надолго пропадают... Чего-то выдающегося, что соответствовало бы имиджу и славе лаборатории, заметить было трудно. Это потом я нарисовал для себя пирамидальную структуру, внизу которой расположены лаборанты, затем – инженеры, которые выполняют черновую работу – считают; над ними сотрудники, которые анализируют информацию и составляют таблицы, рассчитывая зависимости; «белой костью» выглядит группа, которая владеет математическим аппаратом; еще выше - те, кто пишет тексты отчетов, анализируя эти зависимости; а на самом верху пирамиды находится сам Аитов, с тремя докторами наук, превращая эти материалы в научную продукцию высокого уровня. При этом у всех свои ближайшие и перспективные задачи и цели, реализацией которых они заняты. Об этом все знают, но никто никому не рассказывает: у кого нет ученой степени - быстрее и с «малой кровью» защитить кандидатскую диссертацию; кто защитил кандидатскую - двигаться дальше, к докторской. У всех проблема одна – как связать движение к своей цели с основной работой.

Не зря говорят, что первое впечатление обманчиво. Нужно было время, чтобы понять, что лаборатория с кафедрой – это очень грамотно построенный и хорошо функционирующий конвейер по сбору, обработке и анализу социологической информации. Видно, что он - этот конвейер - строился ни один год и направлен на решение реальных исследовательских задач путем оптимального соединения интересов личных с интересами лаборатории и

кафедры, а интересы кафедры соотносить с задачей поиска пути движения к социальной справедливости в «обществе социальной справедливости». Основным механизмом достижения цели было выбрано социальное планирование. А чтобы это достигалось, практическое анализировалось теоретически и постоянно вносились необходимые правки в организацию своей работы.

Мне тоже определили рабочее место, дали два отчета по результатам исследований по сельскому району, предложили прочесть и изложить свои впечатления Ладыжинскому. В первый день я прочитал два отчета и на другой день зашел на кафедру, чтобы рассказать о прочитанном. Он прослушал только мое мнение по первому отчету. Может, потому, что я сказал, что отчет написан людьми, которые не очень понимают, что такое сельский район, а я не очень понимаю, как авторы пришли именно к тому, что написали. Ладыжинский мне ничего не стал говорить. Позвал заведующую лабораторией и сказал ей, чтобы мне дали программу исследований по этому району, инструментарий, массив таблиц, чтобы я сам понял, на чем основаны выводы авторов, которые написали этот отчет и как добывается необходимая для этого информация. Так началось погружение. Но долго сидеть и изучать опыт работы не удалось, через неделю меня отправили в составе пяти человек-опытных социологов на полевые исследования в Иглинский сельский район.

Это был моим первым опытом участия в полевых исследованиях. Я, конечно, представлял, что и как делается, что-то знал, о чем-то догадывался. Но не думал, настолько это оказалось интересным занятием. С тех пор я старался не упускать возможность участия в опросах, на которые далеко не все охотно выезжали. И сегодня я со своими ребятами с удовольствием выхожу на опросы, на интервью, провожу фокус-группы несколько раз в год. Сколько бы ни читал о результатах опросов, интервью, невозможно представить себе в полном объеме то, что получаешь в живом общении с людьми.

С чего началась Ваша самостоятельная социологическая работа?

Первый опыт относительно самостоятельной работы по исследованию проблем управления на производстве я получил в 1975-1976 г. г. в Кармановской ГРЭС, где проф. Аитов Н.А. проводил исследования, необходимые для составления плана социального развития предприятия. Группа наша состояла из нескольких человек, работа предстояла сложная и большая по нашим меркам. Моя задача была определена как анализ труда инженерно-технических работников (ИТР) в системе управления организацией в рамках темы моей диссертационной работы, посвященной профессиональной мобильности специалистов с высшим образованием. Проблема в научном и практическом плане заключалась в том, что на предприятиях примерно знали, как оценить труд рабочего – по количеству деталей, изготовленных им за смену, количеством перенесенного груза... Но большую сложность представляла оценка труда инженера, который работает с чертежами или выполняет определенные управленческие функции: в данном случае он должен иметь соответствующий уровень квалификации, уровень специальных знаний и принимать какие-то управленческие решения, организовать выполнение заданий, контролировать и при необходимости – корректировать ход событий. Проанализировав должностные обязанности руководителей и ИТР, я нарисовал пирамиды, на которые расположил разные должности от рядовых инженеров на основании пирамиды до генерального директора ГРЭС на ее верхушке.

Сложилось несколько рисунков пирамид, в том числе и по функциям, которые выполняют инженерно-технические работники на разных должностях. Оказалось, что некоторые функции смешиваются, а некоторые инженеры выполняют не те функции, что определены должностными инструкциями, некоторые работы выходили за пределы предусмотренного. Я сделал важное для себя «открытие», обнаружив, что **чем выше по должности занимаемая позиция ИТР в управленческой иерархии, тем больше времени он тратит на решение задач, чему его в вузе не учили, и все меньше занят тем, чему**

его учили, как минимум пять лет. А в одном рисунке усеченной пирамиды генеральному директору ГРЭС осталось очень мало места по выполняемым им функциям на уровне организации, что смутило нашего куратора от ГРЭС, который, мягко говоря, не совсем жаловал нас. Он посмотрел на мои «творения», как он любил говорить по случаю и не по случаю, и криво усмехнувшись, повел меня с этими схемами к директору. Словами «...вот, посмотрите результаты работы нашего исследователя... он пришел к каким выводам...» положил ему на стол мои рисунки. Тот внимательно их просмотрел и вопросительно взглянул на куратора:

- Работа, значит, идет?..

- Идет, но Вы посмотрите вот на этот рисунок. Тут Вам в структуре управления хозяйством места фактически не осталось,- сказал довольным голосом куратор. И вообще...Вы, оказывается, занимаетесь не тем...»

Директор внимательно посмотрел еще раз на рисунок, подумал, поднял глаза на куратора и разразился значительной в содержательном плане показательно-грозной тирадой. Смысл сказанного, если убрать непечатные слова, сводился к тому, как ему очень тяжело работать, как было бы здорово, если бы помощники были умнее и он - генеральный директор - не торчал бы здесь денно-нощно, доделывая то, что ими толком не выполняется, а занимался бы генеральной линией, работал бы на перспективу, больше осталось бы у него времени на то, чтобы в вышестоящих инстанциях согласовывать перспективы предприятия...

«...Люди заняты делом. Не палки в колеса вставлять, а помогать им-вот задача...», - сказал «генерал», дав мне понять, что разговор окончен и он, этот разговор, был в мою пользу.

Это была моей первой реальной победой на социологическом профессиональном фронте:

во-первых, в меня поверил первый руководитель такого серьезного предприятия, увидел во мне — в социологе - полезного человека, разрешил искать и находить в системе управления его предприятием «слабые места»;

во-вторых, я понял, что схемы и выводы, к которым пришел в большей степени интуитивно, нуждаются в дальнейшей «теоретической проработке и эмпирическом измерении». Мне иногда кажется, что редко удавалось получать такое удовлетворение от своей работы. Вот именно тогда пришло осознание того, что своими исследованиями мы действительно можем быть полезны руководителям, занятым проблемами практической организации производства. Это было время, когда очень много говорилось и писалось о необходимости самым серьезным образом относиться к выполнению решений XXIV съезда КПСС по совершенствованию системы управления экономикой, научной организации труда.

Это было время, которое затем определили как «застой». Но для меня это было время активного вхождения в науку - в социологические исследования возможностей обеспечения более высокой производительности труда, в проблемы социального развития коллективов предприятий, что составляло основное направление исследований проф. Аитова Н.А. Поэтому «застоя» я не чувствовал. А смысл социального планирования как раз и заключался в том, чтобы предприятия не ограничивались только экономическими и технико-технологическими проблемами, а заботились бы о создании условий для всестороннего развития рабочей силы. Я искренне верил в то, что социологическими исследованиями можно выйти на резервы совершенствования системы управления, можно найти неиспользованные ресурсы предприятия, обеспечив именно таким образом повышение производительности труда на предприятиях и социальную справедливость в обществе. И заказчики ждали от нас готовых ответов на «больные» вопросы их предприятий, и мы были уверены, что сможем найти ответы на все вопросы. *(Это сегодня я, разговаривая с заказчиком, пытаюсь убедить его в том, что никакой даже самый «крутой» социолог не может знать и понять твое предприятие на твоем уровне, если он, конечно, не жулик, каких развилось немерено. А тогда ...)* Хотя и сегодня у меня лично представления о наших возможностях получения необходимых знаний о процессах,

происходящих в обществе на самых разных уровнях, несмотря на всевозможные трудности, достаточно оптимистичны, если постоянно думать не столько о том, где взять средства на проживание и на проведение исследований; если постоянно думать о том, как совершенствовать методы своей работы; если при этом помнить, что **процессы социального развития не только порождают противоречия, но и способы и средства их преодоления. А это все требует фундаментальной мозговой работы, без которой эмпирика превращается в знание понаслышке.**

С другой стороны, мы видим, что не только исследовательские лаборатории, но и больницы и магазины оснащаются новейшей техникой, однако это не освобождает меня с супругой от расстройства из-за того, что каждый раз, возвращаясь из магазина, обнаруживаем, что нам опять подложили рыбу, наполовину веса напичканную льдом; что приходится слушать рассказ соседа по даче о том, что его 20 лет назад долго лечили от тифа, а у него оказалось пневмония; постоянно ощущать на себе, как некомпетентное вмешательство в социальную систему, неуклюжие попытки «управлять» отдельными фрагментами и сторонами естественного жизненного процесса наощупь, рассчитывая на авось, коверкает живой социальный организм.

Но есть еще другая сторона проблемы - она касается способности социолога **не только увидеть, но и вникать в суть социальных явлений, обеспечить общество научной информацией о том, что и как происходит с социальным организмом.**

Первичная социологическая информация так же, как и любая другая информация, может быть, а может и не быть пригодной для формирования полезного для практики научного знания. Чтобы эта возможность стать научным знанием превратилась в действительность, нужны определенные условия, которых должно быть достаточно для этого.

Пожалуйста, Равиль, поясните, что Вы имеете в виду...

Главное из этих условий сводится к наличию теоретико-методологических оснований и соответствующих методических инструментов, с одной стороны, и умственных, аналитических действий, совершаемых исследователем. **В алфавите русского языка букв в одинаковом количестве для всех пишущих. Используя их, один пишет роман «Война и мир», другой какую-нибудь брошюру. Так же примерно и в социологии: методы одни и те же, исследуем одни и те же процессы и явления, но кому-то удается выходить на сущность явления, а кто-то скользит по поверхности.**

Необходимым условием, очевидно, является наличие определенных способностей исследователя, его умение выходить на уровень внутренних, сущностных свойств социальных явлений и процессов, не зависимо от того, соответствует это его первичным представлениям о предмете исследования или нет. А это – момент истины, возникающий в процессе работы с понятиями и категориями социологии. Это - теоретическая работа, которая требует наличия способности соотносить изменения, происходящие в первичной социологической информации в процессе работы над ней, с общей траекторией движения от обыденного знания, в составе которого находится и научное знание, к научному знанию, которое в той же мере не может быть абсолютно свободно от ненаучного.

Что касается отношений между научным руководителем и аспирантами и докторантами, мне кажется, что Вы немножко идеализируете. Я сейчас вспомнил о том, что стал однажды слушателем диалога между двумя докторами наук в Москве. В продолжение разговора профессор спросил у члена-корреспондента РАН:

- Кстати, сколько у Вас защищенных аспирантов?

- Точно не скажу, ну около двадцати... Но, знаете, я сейчас общаюсь только с двумя...

- О, тогда все нормально, у меня их десять и ни один со мной не разговаривает, - сказал профессор.

Видимо, его беспокоило отношение со своими аспирантами, а теперь успокоило соотношение «один к десяти» у своего коллеги. На самом деле в жизни все гораздо сложнее:

во-первых, к нам приходят далеко не всегда для того, чтобы жизнь свою посвятить социологической науке, чтобы научиться работать в ней, а очень часто приходится даже научить просто **ра-бо-тать**;

во-вторых, не каждый из них имеет базовую социологическую подготовку и приходится потратить время и силы на то, чтобы взрослому человеку помочь построить «социологическую надстройку» на его уже сложившемся профессиональном «базисе»; **в-третьих, в-десятих...**

У Аитова ситуация была несколько другой. У него на кафедре работали преподавателями и вели свои темы в лаборатории исключительно те, кто защитил диссертацию под его руководством. Не скажу, что я заметил систему селекции. Скорее всего она была (не все защитившие под его руководством свои диссертации работали на кафедре), но не бросалось в глаза. Мне казалось, что на работу в лабораторию все люди устраивались в расчете на то, чтобы потом защитить диссертацию через аспирантуру или соискательство. Но не всем это удавалось. По разным причинам люди уходили, а из тех, кто доходил до защиты, некоторые оставались преподавать на кафедре. А там уже была другая система отбора. Поэтому получалось так, что Аитов не только «общался», но и продолжал работать со своими аспирантами и после защиты диссертации. Больше того, стимулировал творческую активность. Например, я защитил кандидатскую диссертацию в ноябре месяце. А в феврале, когда начался новый семестр, на партсобрании он уже выступил с критикой в мой адрес: «Некоторые молодые коммунисты защищаются и успокаиваются. Вот, например, коммунист Насибуллин защитился еще в ноябре, а с тех пор нет ни одной новой публикации». Публичная критика со стороны научного руководителя, да еще на партсобрании - это было очень серьезно. Пришлось

срочно «начинать думать» о докторской диссертации. В том смысле, что о докторской я думал давно, но не показывал это ни Аитову, никому-то другому, а теперь пришлось открыться.

Вы совершенно правы в том, что работа с аспирантами - это взаимоотношения наставника с ними: не только научный руководитель обучает аспиранта, но и сам учится чему-то у аспиранта. Но при всем при этом я не помню, чтобы у меня возникало острое желание научить Аитова чему-то. Хотя один эпизод все же запомнился. Каждый год во второй половине января он выступал с докладом на собрании коллектива - кафедра + лаборатория - по итогам работы года и формулировал задачи на новый год. Это все обсуждалось с участием всех, кто хотел что-то сказать. В том году большая часть его доклада была о необходимости поиска и внедрения новых методов работы, о дефиците новых идей. Все желающие выступили. В том числе и я сказал о своем любимом - о необходимости выстроить «дерево цели» при составлении планов социального развития района. Дальше пошел новый виток обсуждений, но в этот раз выступали трое остепененных и только о «дереве», склоняясь в основном к тому, что идея эта – «деревянная», что есть Конституция страны, где все расставлено и по целям, и по условиям. Собрание закончилось традиционно, Аитов подвел итог, в котором **самое ценное для меня** было то, что он сказал: «...**самое ценное для меня** в сегодняшнем обсуждении - идея о дереве целей, чего нам не хватает и в котором нужно разобраться...». Через некоторое время появилась и его статья об этом.

О себе могу вполне определенно сказать, что постоянно «учусь» у своих, что очень важно - они всегда охотно отзываются, когда я обращаюсь за помощью. Реальнее и чаще всего - это электроника, гаджеты, интернет, где они понимают лучше меня. Хотя я активно пользуюсь компьютером, молодые коллеги более продвинуты, и мне частенько приходится к ним обращаться, я нахожусь в процессе постоянной учебы, в том числе и в общении с молодыми. Сложнее с теми, кто, защитившись, оказывается на каких-то должностях в структурах государственной власти, которых я учил работать, например,

заставляя несколько раз перерабатывать написанное ими. Не все это понимают так, как надо, а некоторые, оказывается, воспринимают еще и как издевательство и начинают вести себя как котята, которые норовят «нагадить в калошу». Но это уже тема для другого разговора.

Равиль, мы вернемся к собственно Вашей биографии, а сейчас вопрос о теме, с анализа которой Вы входили в социологию и, думаю, посвятили ей немалую часть своей жизни. Я имею в виду – социальное развитие предприятий, коллективов и регионов (территорий). Это направление разрабатывалось многими университетскими кафедрами и лабораториями, большим числом заводских социологических служб. Безусловно, выводы подобных исследований зачастую были полезны для практики. Но как бы Вы сегодня оценили общие теоретические конструкции и выводы исследований социального развития? В какой мере они полезны в настоящее время?

Вы правы, я официально «заключил законный брак» с социологией 13 го августа 1974 года, и вся остальная часть моей жизни прошла в ней. 14 лет из них я проработал под научным и организационным руководством Н.А. Аитова в Уфимском авиационном институте, который был награжден Орденом Ленина, входил в число шести лучших вузов СССР (так было написано в газете «Правда», а это – истина в последней инстанции). Работал и, как у нас говорят, "горя не знал": участвуй в исследованиях, веди свое научное направление и не зевай. Договора на исследования добывает Аитов, непосредственная организация договорных исследований за Ладыжинским, учебная нагрузка в часах в год меньше, чем на других кафедрах, какие занятия и когда вести – определено расписанием на предстоящие полгода-год, командировку на научные мероприятия – куда хочешь и когда хочешь... Хотя кафедра называлась «научного коммунизма», на занятиях мы активно использовали материалы наших социологических исследований, что способствовало

повышению познавательной активности студентов и интереса к социологической науке.

Что касается направления работы, то дело обстояло несколько иначе. Выше я уже пытался сказать об этом, видимо, недостаточно. Уточню: общее направление работы Аитова – социальное планирование как механизм управления социальным развитием. Конкретные темы договорных работ формулируются примерно так: «Проведение социологических исследований и оказание методической помощи в составлении плана социального развития...», например, «...Кармановской ГЭС» или «...города Нефтекамск», «...Иглинского района БАССР» (Башкирской автономной Советской Социалистической Республики) и т.д. Структурно и методически исследование проводились примерно таким образом: анализируется уровень развития социальной инфраструктуры; социально-демографическая и профессионально-квалификационная структура работников предприятия или населения (если работа с городом, районом); изменения в содержании и характере труда; отношение к труду; содержание свободного времени; состояния здоровья и организация работы по физическому развитию; уровень образования и духовной культуры и т.д. Объем и структура анализируемых проблем определялись по-разному в зависимости от особенностей организации и с учетом пожеланий заказчика: кто-то из заказчиков больше озабочен текучестью кадров, кто-то - дисциплиной и отношением работников к труду, в городах и районах это могло быть и отклоняющееся поведение и т.д. Каждый раздел работы ведет группа, во главе которой кандидат или доктор наук, являющийся специалистом в этой области. Например, раздел проблем образования в плане социального развития района вела группа доктора философских наук Василия Дмитриевича Попова, который под руководством Аитова защитил кандидатскую и докторскую по социальным проблемам образования (*до поступления на работу в лабораторию Аитова он долгие годы был директором школы, имел почетное звание «Отличник народного образования»*); социальные проблемы отклоняющегося поведения в районе

вела группа кандидата наук Альберта Апушевича Баимбетова (закончил юридический факультет Ленинградского университета, работал следователем по особо важным делам прокуратуры БАССР, затем поступил в аспирантуру к Аитову), параллельно работал над докторской диссертацией, накапливая эмпирический материал; Ирназаров Рашит Исмагилович (раньше работал зав. отделом горкома КПСС, затем поступил в аспирантуру к Аитову, защитил кандидатскую диссертацию) вел раздел по проблемам организации идеологической работы с населением, Рафаил Абрамович Злотников - доктор философских наук, профессор, он вел раздел духовно-культурного развития работников и населения и т.д.

Не знаю, как с другими, но, когда в первый раз я зашел к Аитову и попросил помочь определиться с темой будущей кандидатской диссертации, он сказал, что тема кандидатской должна быть в рамках будущей докторской диссертации. В качестве таковой он же определил проблему движения и развития населения, хорошо поговорили о том, чем мои исследования будут отличаться от демографических исследований. Я здесь не оговорился, действительно, «поговорили». Это не было «лекцией» или монолог с его стороны, не было послушным молчанием с моей стороны, это был именно «разговор на тему», но такой, что я вышел от него с убеждением в том, что «нет и не может быть более важной и более интересной темы в социологии», и окрыленный тем, что «нет и не может быть никого другого, кому он мог бы поручить ее разработку». Договорились, что я изучу литературу, разберусь, выявлю систему проблем и выделю часть из них, которые будут относиться к моей кандидатской диссертации, и приду к нему с готовой схемой исследования. Параллельно я продолжал участвовать в договорных исследованиях в составе групп. Тут уже куда направят: на предприятие, в сельский район или в город. Практически за полтора года я в составе разных групп прошел все этапы социологических исследований, только начинать пришлось с полевых процедур.

Через какое-то время я снова попросился к Аитову со своей схемой исследования по теме диссертации. Мы остановились на проблеме профессиональной мобильности интеллигенции. Логическая цепочка получилась примерно такая: профессиональная мобильность выступает как вид движения рабочей силы, а это – основа движения населения, если рассматривать как социальный процесс; в профессиональной мобильности особо выделяется мобильность интеллигенции... Мы даже опубликовали совместную статью об этом. Оказалось, что в отечественной социологии над проблемой профессиональной мобильности работают, в основном, социологи Ленинграда, например, Самуил Аронович Кугель, который потом выступил оппонентом по моей кандидатской диссертации.

Так подробно в этой части нашего разговора я остановился для того, чтобы было понятно, что «социальное развитие», «социальное планирование как инструмент управления социальным развитием» - это научное направление Аитова Н.А., а мы – все остальные (и я в том числе) находились в этом направлении со своими темами. Но «большую часть моей жизни» я посвятил проблемам движения населения.

Что касается того, в какой мере полезны были бы в настоящее время исследования проблем социального развития, вопрос для меня очень болезненный. Я и сейчас провожу исследования на предприятиях, два последних года тесно работаю с правительством республики по социально-демографическим проблемам и для меня совершенно очевидно, что социальное планирование, возможно, нужно сейчас гораздо больше, чем в те времена. Вам, конечно, трудно себе представить подлинную глубину цинизма сегодняшних новоявленных хозяев, которые любое предприятие рассматривают исключительно в виде инструмента добычи денег, чтобы вывести их быстрее в офшоры и купить замок в Англии или дом в Майами.

Понятно, что была в стране плановая система хозяйствования с жестким командным управлением, которая, хотя и дала возможность за короткий срок вывести огромное хозяйство на уровень развитых стран, но с точки зрения

развития социальной сферы, с точки зрения заботы о самом человеке, с позиции социальной справедливости система нуждалась в серьезной корректировке. Всесторонне и гармонично развитый человек, объявленный целью, на деле превратился в средство обеспечения показателей экономики. Разумеется, в этих условиях социологические исследования проблем развития коллективов предприятий, районов, городов и стремление дополнить экономическое планирование плановым управлением социальным развитием, как создание условий для улучшения социально-трудовой сферы на принципах социальной справедливости, безусловно, было полезным. **Как бы много ни говорили люди о деньгах, сила общества все же в социальной справедливости.**

С этой точки зрения я считаю массовым помутнением разума отказ от планового управления процессами социального развития, от накопленного в этой области не только нашего, но и опыта, например, западных стран. **Мне кажется, что история играет с нами очень «злую шутку»: она превратила «гомо консументс» - человека, который живет, чтобы есть, в «гомо сапиенса»- в человека, который ест, чтобы жить, ну а затем снова в «гомо консументса», только на этот раз на таком уровне, что способен «съесть человеческого в себе».**

Равиль, все рассказанное Вами очень меня заинтересовало, в частности, Ваша фраза: «... я пришел к Аитову со своей схемой исследования по теме диссертации». Я это понимаю так, что кафедра была фактически «кузницей», или «фабрикой», диссертаций; это так? То была своего рода версия института докторантуры, существовавшей в АОН про ЦК КПСС. В моем понимании, такой порядок работы не позволял соискателям искать новые темы, откликаться на новые теоретические и методологические веяния, сдерживал его от разумного риска. В центре деятельности оказывалась не исследовательская проблема, не развитие науки, а подготовка диссертации. В тех командах, к которым я принадлежал (математических, психологических, социологических)

докторская диссертация была итогом поисков исследователем новых проблем и новых методов их решению, и если он и его референтная группа считали, что нечто подобное вырисовывается, человек начинал писать докторскую диссертацию. Например, именно так двигались к докторским Б.А. Грушин, А.Г. Здравомыслов, Б.М. Фирсов, В.А. Ядов... Первая схема дает поток кандидатских и докторских диссертаций, вторая – такого потока не порождает, но дает возможность выйти на серьезные результаты. Что скажете?

Могу сказать так: среди «известных социологов» были разные авторы, которые занимались «высокой теорией», некоторые из них были вынуждены скрывать свою исследовательскую импотенцию, впадая в откровенную апологетику, некоторые уходили в «заоблачные выси», чтобы завуалировать обнаруженное ими несоответствие «реального» с «декларируемым» и т.д. Но одной из принципиальных общих бед для подавляющего большинства было то, что они продолжали оставаться в системе аргументов, доказывающих свои истины, «претендующие на высшую инстанцию», исключительно положениями классиков марксизма-ленинизма, которые жили в другое время, творили на основе исследований, проводимых на другом поле и т.д., что выхолащивало даже самые интересные выводы. Это вовсе не значит, что нужно было отказаться от марксизма. Нужно было использовать эвристический потенциал марксизма и других мыслителей для анализа новых противоречий, которые появлялись по мере развития общественной практики. Кстати говоря, в начале «перестройки» я иногда думал, что от нас, возможно, скрывали и скрывают каких-то выдающихся западных мыслителей исходя из идеологических интересов. Старался поймать все произведения западных социологов, издаваемых у нас в переводе на русский, и сейчас с удовольствием читаю их. Мне нравится многое. Вы меня, конечно, извините, но кого-то поставить выше Маркса по логике научного мышления, по глубине системного анализа

существующих социальных отношений своего времени, того общества, в котором он жил, у меня пока не получается.

Аитов тем и отличался, что не занимался «пустым теоретизированием» (*это он такое замечание написал на фрагмент одной моей работы*), у него был «острый нюх» на противоречия, существующие в обществе, он их исследовал, и для него аргументами выступали результаты конкретных исследований конкретных явлений и процессов. Он помогал своим «ученикам» в выборе тем диссертационных исследований именно в границах реальных социальных противоречий, потому получали реальные результаты научных исследований и их защищали. Почти каждая из этих диссертаций представляет собой глубокий теоретический анализ результатов эмпирических измерений реальных процессов, происходящих в обществе.

Вы задаетесь вопросом, была ли кафедра фактически «фабрикой» диссертаций. Это не так. Кафедра и лаборатория были единым исследовательским центром реальных социальных проблем, а полученные результаты защищались по существующим правилам и утверждались, то есть признавалось их научная новизна единственным в то время легитимным (законным, организованным и признаваемым государством) экспертным сообществом – известной вам Высшей аттестационной комиссией СССР. Я выделяю **ТО ВРЕМЯ**, которое вам известно должно быть: не было необходимости соискателям «искать новые темы», вопрос состоял в том, чтобы качественно выполнять исследования по тем темам, которых было в огромном количестве в границах проблем социального развития. Говоря вашими словами, «в центре деятельности оказывалась» именно исследовательская проблема, а не «развитие науки» ради развития науки. Разумеется, сказанное вовсе не отрицает марксизм или необходимость «науки о самой науке».

Я не могу сказать, как работала Академия общественных наук при ЦК КПСС, поэтому говорю о том, как работал Аитов. Может быть, не к месту, но для примера: у меня 39 защитившихся кандидатов и докторов наук, и я продолжаю работать так же – занят исследованием, поиском путей разрешения

реальных социальных проблем, а они – эти проблемы – везде, где есть люди и их взаимодействие.

Не обижайтесь, но мне несколько странно от вас получать интенции о возможностях «откликаться на новые теоретические и методологические веяния». Разумеется, это Ваше право: «с высоты сегодняшнего» возможны разные варианты оценки времени и разные варианты оценки результатов работы Аитова в социологии. Но я говорю о том времени, когда я работал над своими диссертациями под его научным руководством и его консультацией, когда «новыми теоретическими и методологическими веяниями», о которых Вы пишете, может быть, не всегда (это я из уважения к памяти ушедших), но, как мне казалось, выступали переводы работ западных социологов, переработанные на советский/российский лад. Я говорю еще и о том времени, когда Аитову на заседании бюро обкома КПСС задавали вопрос «Какое Вы имеете право допрашивать советский народ?»

Кстати говоря, при всем уважении к В. А. Ядову я и сегодня не могу согласиться с его утверждением, что «социальные науки в нашем обществе освободились от оков идеологического и теоретического униформизма» (Ядов В.А., 1995). Во всяком случае, в России философия, которую Бердяев считал «не наукой... и в принципе не должна быть наукой...», преподается во всех вузах и в аспирантуре как обязательная дисциплина, а она у нас в сущности своей остается марксистско-ленинской, источником которой была классическая немецкая философия. Но социология может преподаваться, а может и нет, она оставлена на выбор студента.

Вас очень заинтересовала моя фраза: «... я пришел к Аитову со своей схемой исследования по теме диссертации». И Вы эту фразу поняли почему-то так, что кафедра была фактически «фабрикой» диссертаций; что «такой порядок работы не позволял соискателям искать новые темы...». «Это так?»-спрашиваете Вы.

Нет, это не так. Я даже не понимаю, что Вас привело к такому выводу. Ведь выше я говорил о том, что:

- «... я изучу литературу...»;
- «... я разберусь...»;
- «... я выявлю систему проблем...»;

- «... я выделю часть из них, которые будут относиться к моей кандидатской диссертации...». Понятно же, многократное повторение «Я» не обеспечивает необходимый уровень квалификации. С другой стороны, я же не мог рассказать в рамках интервью все, что я делал за это время, за эти годы.

Далее Вы говорите о работе над Вашей докторской диссертацией в тех замечательных командах..., в качестве которых я несколько не сомневаюсь. Но моя докторская не была поиском «новых проблем» в науке. Она была полностью направлена на поиск путей решения уже обнаруженных мной проблем, по которым так же, как и другие коллеги, пришлось много раз выступать на методологических семинарах (не всегда удачно), которые велись Аитовым, и на других научных мероприятиях. Она защищена в Совете Ленинградского университета в июне 1991-го года, где 18 членов совета из 19 сочли, что полученное Вашим покорным слугой – серьезный научный результат. Правда, один член Совета не согласился с этим. По-видимому, счел, что полученные мной результаты в серьезности уступают его результатам. Хотя, например, уважаемый в научном сообществе Марат Николаевич Межевич, после ознакомления с диссертацией пригласил меня к себе и с 10 часов и до обеда обсуждал со мной ее содержание на предмет научной новизны, методологии и методики исследований, проведенных по теме, а потом уже, но еще до защиты, дал высокую оценку результатам работы, сказав, что такой работы еще не было. И ВАК, признав научную новизну диссертационной работы, 13 декабря 1991 года присудила мне ученую степень доктора социологических наук, выдал диплом за номером ДТ № 011408.

Но в той среде, где я готовил диссертацию, не было принято «подпрыгивать» от результатов своей работы. Одним из часто повторяемых

нами высказываний тогда о науке в целом, и о социологии, в частности, было: «...социология так же, как и любая другая наука, может только то, что может сегодня...». Соответствующая вакцина против самолюбования в моем исследовательском организме уже была: как бы мы ни старались качественно измерить социальное, погрешность остается; в каких бы замечательных командах ни создавал свой научный продукт, всегда есть куда повысить его качество.

А фраза, которая Вас заинтересовала, относится к тому этапу работы над кандидатской диссертацией, когда мы обсуждали с моим научным руководителем именно «схему» моего исследования, то есть маршрут моего движения к моей цели. Это даже не программа исследования, а именно первоначальные представления еще достаточно далекого от социологии соискателя о будущей программе предстоящих исследований по своей теме.

От обсуждения следующей части Ваших суждений о серьезных результатах докторских диссертаций Б.А. Грушина, А.Г. Здравомыслова, Б.М. Фирсова, В.А. Ядова, с каждым из них, конечно, мало, но общался, с работами которых (не со всеми, конечно, я хорошо знаком; специально не пишу «знаю»), прошу меня освободить. Мы можем вернуться к этому разговору, когда Вы прочтете хотя бы автореферат моей докторской, поскольку многих докторов наук, подготовленных на кафедре, к сожалению, уже нет в живых и не смогут с Вами полемизировать о серьезности результатов своих исследований. А я смогу за себя постоять. Хотя бы потому, что уверен: стремление «построить всех» в рамках одной какой угодно «единственно правильной» схемы получения «серьезных» научных результатов нельзя воспринимать всерьез ни практикой, ни теорией познания ни в социологии, ни в любой другой науке (Ядов В.А., 1995).

Равиль, приятно видеть Вашу равнодушность, конечно, мы обсуждаем очень сложную тему. Я согласен с Вами, действительно, Н.А. Аитов видел свою задачу в подготовке квалифицированных социологов для

республики и страны. И делал это с полной отдачей сил. В каталоге Российской национальной библиотеки в СПб я нашел библиографическую карточку на Вашу кандидатскую диссертацию «Социальные проблемы профессиональной мобильности специалистов с высшим образованием» (Казань, 1980 г.), но не нашел в интернете темы Вашей докторской диссертации и времени ее защиты. Пожалуйста, восполните этот пробел в моих знаниях... В какой мере Ваше докторское исследование продолжало, развивало выводы кандидатской диссертации, на какие новые горизонты Вы вышли?

Думается, будет полезно внести небольшую ясность в наш разговор в части особенности работы кафедры вуза в науке, в том числе и в социологии. В общем плане это, разумеется, известная «проблема с бородой» (помним А. Шопенгауэра) - любой ученый-исследователь академического института скажет, что «работа в науке есть работа в науке», но кто-то в науке «по любви», а кто-то относится к ней «как к дойной корове». В то же время в вузе жизнь протекает по своим законам и правилам: и при Аитове, и после его отъезда, и сегодня мы стремимся оптимально вписаться своей научной работой в учебно-воспитательный процесс. Функционирование и развитие кафедры как учебно-научного подразделения вуза с неизбежностью предполагает участие преподавателей в научных исследованиях, защиту полученных результатов в виде диссертаций, ознакомление научного сообщества и студентов с полученными результатами через публикации. Понятно, что защите диссертации, особенно докторской, предшествует многолетний интенсивный, тяжёлый труд, который далеко не каждый способен выдержать как умственно, так и физически. В то же время, каким бы способным ни был человек, сегодня одному практически нет возможности осилить организацию и проведение исследований необходимого уровня, особенно в социологии. Нужна хотя бы группа людей с соответствующими знаниями и навыками научной деятельности. Доктор наук, как правило, ведет аспирантов, консультирует

докторантов, иногда всё это способно превратиться в научную школу. Когда, например, разговор заходит о социологии в Башкортостане, говорят об Аитовской школе социологов, и это соответствует действительности. Но «подготовка для республики и страны квалифицированных социологов» – это для него не была первоочередной задачей. Приоритетной была все же научная работа, исследование социальных процессов и противоречий, а защита полученных результатов в виде диссертаций, **признание научной новизны этих результатов Высшей аттестационной комиссией при Совете Министров СССР, читай - высшим уровнем научной экспертизы в стране - было одним из условий его жизни и работы в науке.**

С другой стороны, защиту докторской диссертации можно рассматривать завершением одного и началом другого, качественно нового этапа в жизни человека науки, когда вполне закономерно появляются новые потребности и, соответственно, новые планы в организации научных исследований. Но далеко не всегда желаемое становится доступным. Здесь особо важную роль начинают играть внешние факторы. Имеется в виду способность социума к самопознанию, готовность социальных институтов, организаций и их руководителей осознавать и понимать необходимость исследования происходящих явлений и отслеживания динамики социальных процессов. Если, например, Н.А. Аитова тогдашний ректор института - один из выдающихся организаторов советской высшей школы Р.Р. Мавлютов поддерживал «на все сто», то у меня с последующими двумя ректорами отношения были, мягко говоря, натянутыми: один – аннулировал приказ В.А. Ядова об открытии филиала Института социологии РАН на базе моей кафедры; второй – добился закрытия Совета по защите докторских диссертаций по социологическим наукам, который я открыл в УГАТУ и был его председателем, и который без единого замечания со стороны ВАК работал 13 лет. Сегодняшний ректор, в отличие от своих предшественников, хотя и тоже «технар», но имеет более основательное и более продвинутое представление о подготовке специалистов

в вузе. И результат налицо: университет начал восстанавливать свои позиции в оценках заказчиков и авторитетных рейтинговых агентств.

Не могу не сказать еще о том, что самым жёстким образом отразилось на нашей работе: развал СССР привёл к разрыву связей между социологическими группами и школами бывших Союзных Республик. Люди, прорвавшиеся к политической власти, на длительное время мобилизовали себя на то, чтобы очередной раз «...разрушить до основания...» всё, что попадалось под руки, и им было откровенно не до социологических исследований. Подавляющее большинство руководителей предприятий, вдохновлённое приватизацией государственной собственности и занятое набиванием собственных карманов, естественно, в принципе не могло думать о социологии.

В то же время новая эпоха очень скоро засверкала такими своими гранями, понимание которых объективно не могло обойтись без социологических исследований. Например, еще в 1993 г. из Москвы меня попросили принять исследовательскую группу из британского «Гэллапа» во главе с Гордоном Хилдом, работающую в рамках исследовательского проекта «Референдум», помочь им организовать фокус-группу. Им было интересно отношение населения «глубинки» к президенту, к коммунистам, мне было интересно посмотреть на деле, как работают исследователи известной в мире научно-исследовательской организации (*тогда не было разговоров о вмешательстве ни в ход выборов, ни во внутренние дела, поскольку «дела» в сущности были, видимо, внутренними и для тех, и для других. Сегоднешний шабаш в США с обвинениями в адрес России, которая, якобы вмешивалась в процесс выборов, расценивается нашими специалистами и руководителями как обострение внутренней борьбы между двумя партиями у них. Но мне почему-то кажется, что Конгресс готовит почву для реального вмешательства в ход будущих президентских выборов в России. Чтобы оправдать свои «меры» в будущем, им нужно убедить и население свое, и мировое сообщество в законности своего «зеркального ответа» на «вмешательство» России в ход выборов в США).*

Начала развиваться система грантов, некоторые руководители предприятий почувствовали, что без научных исследований процессов, происходящих в обществе в целом и в тех коллективах, которыми они руководили, невозможно получить достойных результатов. Мы начали получать заказы на исследования от самых разных предприятий и от государственных учреждений.

Моя кандидатская диссертация, над которой я работал с 1975 по 1979 год, посвящена исследованию социальных проблем профессиональной мобильности специалистов с высшим образованием. Проблема в том, что государство направляло на подготовку специалистов с высшим образованием большие средства, а многие из них заняты потом не по своей вузовской специальности. Получается, что в обществе, где все построено на плановом распределении, государство не способно обеспечить эффективное использование трудовых и финансовых ресурсов. В экономике, где специалистов готовят в соответствии с всеобщим планом, так же, как и, например, производство гвоздей, затем их распределяют так же, как и гвоздей, и вроде бы «вбивают» туда, куда предусмотрено государством, однако по разным профессиональным группам до 70 проц. выпускников очень скоро меняют свою вузовскую специальность на другую. Мы попытались выявить так называемые причинно-следственные связи, находящиеся в основе этого явления путем анализа большого массива документов на предприятиях и организациях, опроса специалистов в них:

- часть из этих изменений является следствием развития разделения труда; с появлением новых специальностей, которые всегда создаются неспециалистами, т.е. специалистами из других профессиональных групп;

- часть изменений выступают именно по причине попыток государства запланировать, планомерно управлять всеми явлениями и процессами;

- часть изменений связана с личностными проблемами и изменениями и т.д.

Работа над этой проблемой привела меня к пониманию того, что исследуемое явление - это важная, но только одна из сторон более сложного процесса - движения и развития совокупной рабочей силы и населения в целом. Так была сформулирована тема докторской диссертации – «Движение населения как социальный процесс». Диссертационная работа фактически является обобщенным результатом исследований, проведенных в течение 15 лет социологической лабораторией при непосредственном участии автора.

Не было недостатка в литературе, посвященной исследованию проблем различных видов движения населения. Однако в этих работах движение населения и различные формы его проявления рассматривались через призму отдельных форм его проявления. При этом процессы миграции исследовались преимущественно экономгеографами, естественное движение - демографии, социальные перемещения- социологами, трудовая мобильность – экономистами. А общим для всех, за редким исключением, является методологическая ограниченность, связанная в том числе и с тем, что анализ строится на априорном противопоставлении исследуемых явлений в нашей, якобы, социалистической, стране, аналогичным явлениям, протекающим в, якобы, капиталистических, странах и прежде всего с точки зрения того, что при социализме эти явления выступают только с положительным знаком, заранее «обречены» только на то, чтобы расти и двигаться вперед. Сложившиеся традиции в исследовании движения населения не только не могли вывести к значительным научным результатам, но и, по-видимому, легли в основу формирования представления о том, что население можно рассматривать исключительно в качестве источника рабочей силы и объекта управления со стороны государства. Исследование движения населения как социального процесса позволило обосновать вывод о том, что население само одновременно выступает в качестве и объекта и субъекта управления его развитием. **Существующая система управления, функционирующая по схеме «сверху-вниз», должна быть дополнена с учетом разнодействующих сил, направленных «снизу-вверх», системой, построенной на использовании**

внутренне присущих движению населения законов и механизмов самодвижения и саморазвития, на формировании активного отношения населения к самому себе. Представление о том, что какая угодно партия и какое угодно государство могут управлять в обществе «всем и вся», должно быть заменено пониманием того, что что-то в социальных процессах и явлениях поддается управлению, что-то поддается управленческому воздействию лишь частично, а какие-то явления можно направлять в нужную сторону лишь путем создания необходимых условий. Кроме того, в основе существующей системы управления движением и развитием населения заложены противоречия между отраслевым характером этой системы и территориальным характером социально-демографического воспроизводства.

Да, в такой интерпретации категории «движение населения» может дать многое для понимания обозначенного Вами «букета» социальных процессов. Вы защищали докторскую диссертацию на Совете факультета социологии Петербургского университета, одного из классических центров российской социологии, в 1991 году в период «Белых ночей». Конечно, очень памятно... однако, Равиль, с тех пор прошло более четверти века. Не могли бы Вы сказать, какие из рассмотренных Вами трендов наблюдаются и сегодня, что пошло совсем не так, как думалось... Это очень интересно.

У нас, когда получают подобные вопросы, принято про себя восклицать: «Во, дает!»

Для начала хочу уточнить: я защищал докторскую не «на Совете факультета социологии Петербургского университета», а на Совете по защите докторских диссертаций по социологическим наукам при Ленинградском государственном университете, в составе которого были специалисты из других вузов города. Разницу вижу, потому и уточняю.

Согласен с Вами – попытаться определить то, «что пошло так, а что не так» - это завораживающе интересно, однако настолько же и сложно. Может, и самая объемная, масштабная задача, которую вряд ли можно решить в интервью, не впадая в эклектику, в схематичность, вместо системности; в поверхностность, вместо глубокого и глубинного в анализе. Очевидно же, нужно, чтобы и время прошло - четверть века для таких выводов совсем не срок; нужны специальные исследования, нужны ресурсы... Ни того, ни другого у нас с Вами нет, а ответственность неизмерима.

Помните, один российский, умный не по годам, исследователь, проанализировал развитие капитализма в России незадолго до революции 1917-го года. Хорошо проанализировал. И то ошибся. Пришел к неверным выводам. Осознав это, тяжело заболел. А страна, совершив очередной кульбит, надолго закопала замечательную мечту человека. Оно нам надо?

Читал как то, что однажды король Пруссии подарил нашему царю-батюшке янтарную комнату, который в ответ - полсотни своих гренадеров. Людей вместо камушек. Как много изменилось за эти столетия? Завораживает, конечно. Фундаментальный для России «тренд», который, хотелось бы, чтобы «пошло так» - это изменение отношения человека к самому себе: разумеется, «человек в обществе»; разумеется, «общество в человеке», но ведь, что-то подобное можно сказать и в отношении других видов живых существ. Однако в Космосе, который мы называем Человеком, должно оставаться место и для человеческого.

Понимаю Вас, Равиль. И все же, будет у Вас возможность, попробуйте обратиться к академику Г.В. Осипову, под его руководством уже много лет проводится мониторинг жизни российского общества. Много материалов на эту тему и во ВЦИОМе.

Академик Осипов Г.В. со своими коллегами не только ведут эту замечательную «Летопись реформирования России», но и создали не менее

замечательные возможности, чтобы уважающий себя социолог читал эти публикации без особого обращения к академику (а я отношу себя к этой категории социологов). В моей библиотеке есть и другие его работы, в т.ч. и подаренные им. Выше, когда я говорил о первых книгах по социологии, которые я читал, когда был студентом и учителем сельской школы (Левада, Шубкин, Аитов), я имел в виду те книги, которые «попадали» ко мне по воле случая. А Г. В. Осипова и многое, что издавалось в Москве, в Ленинграде, в других городах мы в лаборатории читали уже по рекомендации Н. А. Аитова для обеспечения своего профессионального уровня в социологии и обсуждали на проводимых им методологических семинарах. Кроме того, жизнь заставляет быть в курсе того, что делается и издается в стране. Реже - в других странах. Это я к тому, если Ваш совет «обратиться академику Г.В. Осипову» родился из созданного интервью впечатления, что я читаю только то, что написано мной.

Как говорится, «лицом к лицу лица не увидать». Работа академика Г. В. Осипова и ИСПИ РАН еще не получила должной достойной оценки. Остается опять верить, что время все расставит по полочкам, и будущие поколения будут читать «Летопись...», удивляться (по нашей традиции) и задаваться вопросом: «как же так, были коллективы таких ученых, проводились такие исследования, писались и издавались такие работы, а страну мучительно трясло...»

Тем не менее, наверное, какие-либо наблюдения, рассуждения по поводу трендов, изменений в жизни российского общества, населения, человека у Вас есть. Пожалуйста, поделитесь...

Есть, разумеется. Но это как глубокая открытая рана на моем теле, которая продолжает кровоточить и при любом касании вызывает почти непреодолимую боль. Эта боль не даст объективно описать ни себя, ни то, что ее породило.

С одной стороны, продолжать жить той жизнью, которую я на примере собственной биографии описал выше - конечно, было нельзя. Понятно, что «мои предки, старшие поколения» мечтали не о таком обществе. Понятно, что нужны были реформы. С другой стороны, случилось то, что и должно было случиться **по «закону Рапиля»: в социальной системе результаты управленческих решений никогда не совпадают с поставленными целями. Причем, чем выше в социальной иерархии зона принятия решений, тем шире зона отклонений как в социальном пространстве, так и в социальном времени.** Многочисленные подтверждения тому мы увидели воочию «вчера», что-то переживаем «сегодня», но о том, с какими последствиями столкнутся следующие поколения «завтра», об этом может только рассуждать человек с очень умным видом всезнающего (к коим я себя не отношу). Могу только констатировать то, что система политической власти изменилась, при этом с огромным удовлетворением отмечу, что худо-бедно, но удалось избежать открытой братоубийственной гражданской войны, наподобие той, что было пережито после революции 17-го года прошлого века в России по результатам решений, принятых в головах людей с самими добрыми намерениями.

Что касается того, есть ли у меня *«какие-либо наблюдения, рассуждения по поводу трендов, изменений в жизни российского общества, населения, человека»*, разумеется, есть. При этом хорошо бы договориться, что в данном случае это не результаты моих конкретных исследований, а именно «рассуждения» на основе «наблюдений» реальной жизни. Это близко к «знанию понаслышке» Спинозы. А надо бы, чтобы системно, глубоко и обстоятельно проанализировать:

- а) то, что уже изменилось;
- б) то, что меняется очень медленно, в ущерб развитию;
- в) то, что меняется в «худшую» сторону для развития системы в целом, если даже «плохое» для одних может показаться «хорошим» для других;
- г) о том, что практически не изменилось и в ближайшее время не изменится.

Здесь же получается сплошная эклектика - все «четыре в одном» - в ущерб качеству и глубине анализа. Но попробуем на примерах.

Наблюдение первое: не часто, но бывало, что при встрече говорили, что я в каком-то интервью о чем-то «здорово сказал». Хотя и не уверен, что социолог должен о чем угодно так «здорово сказать» публично. Лично я пытаюсь говорить о результатах своих исследований. И то... Считаю, что в эфире, что в аудитории, что в интервью в печати, если даже говоришь о результатах своих исследований, надо иметь свой внутренний контроль. Нужно знать и помнить, что:

- **во-первых**, если ты говоришь даже об очень важных вещах, далеко не факт, что тебя слушают;

- **во-вторых**, не факт, что доходит до зрителя то, о чем ты говоришь, именно так, как ты хотел. Например, надолго запомнился один эпизод: пригласили меня в Школу молодого политика. Выступаю на заданную тему «Социология и власть». Опыт настаивает на том, что сперва аудиторию нужно озадачить. Начал с вопроса о том, какое событие французы отмечают как национальный праздник. Назвали. Где был король в этот день? Подсказал – на охоте. Король вел дневник, как думаете, что в конце этого дня король написал в своем дневнике? После разных вариантов подсказываю: «Ничего интересного». Затем поговорили о последующих событиях и о том, что через некоторое время королю на площади публично отрубили голову и т.д. Это случилось в 1789 году. Если перевернуть последние две цифры, то получим год рождения человека, который «основал социологию» и т.д. Потом в течение часа о социологии и власти. Излагаю несколько актуальных для нашего времени идей:

- а) власти нужно научиться строить разумные отношения с социологией и социологам – с властью, помня, что одни – «слуги научной истины», вторые – «слуги народа»;

- б) всем известно, что социология может давать и объективные и «заказные» данные, говорю о методах манипулирования;

в) нельзя в разработке политических решений ориентироваться только на мнение большинства, поскольку мнение большинства – это только торжество мнения большинства, а не торжество истины.

Каково было мое удивление, когда на другой день одна из слушателей школы написала в «живом журнале» следующий текст: «Вчера у нас был профессор Насибуллин, поведал историю о том, что королю Франции отрубили голову, потому что у него не было социолога». Как говорится, без комментариев. Но ведь она сейчас - «слушатель школы молодого политика», но ведь очень скоро она станет «взрослым политиком»... А каковы шансы, что она станет «умным политиком», понимающим то, что говорят социологи... Сможет ли она отличить чисто работающего социолога от «социолога с большой дороги» или будет сидеть и раздавать госзаказы на исследования по принципу «...тебе половину и мне половину...»

в-третьих, не факт, что все, кто слушает и понимает, хотели бы тебя видеть и слушать.

в-четвертых, тебя слушают не только те, для кого ты говоришь, а может случиться, что и совсем не те, кто готов «открыться» только по тому, что ты хотел бы до него «достучаться». Пример: есть у нас в республике одна деревушка чуть больше 30 домов. В годы Великой Отечественной войны эта деревня дала трех Героев Советского Союза. Однажды я написал очерк об этой деревне и его опубликовали в республиканской газете. Заканчивается очерк примерно так: «...настоящий кураист, найдя нужный стебель,... чтобы создать музыкальный инструмент..., никогда не вырвет его с корнем, а срежет аккуратно и по мудрому обычаю, разрыхлив землю вокруг, тут же бережно посеет его зерна на этом же месте... Так продолжается жизнь, так продолжается песня. А у войны другие законы. Она с корнем вырывает все живое, превращая в огонь и пепел...»

Вскоре редакция начала получать отклики читателей, среди которых оказалось письмо от парня из этой деревни, сидящего в то время в тюрьме (не могу сказать, за что). Он написал просьбу: «...передайте, пожалуйста, автору,

что в старину не только рыхлили землю вокруг срезанного стебля и сыпали зерна курая, но и... мочились там же, чтобы быстрее взошли семена...»

Наблюдение второе: несколько лет назад правительство республики заказало мне исследование проблем молодежи. В выборку попал крупный магазин в г. Стерлитамак, где работает много молодежи. Приехали мы туда с опросом, а моих сотрудников не пускают в магазин, говорят, что частная собственность, без разрешения хозяина не можем пустить. Хорошо, говорю, пропустите меня к хозяину, я попрошу разрешения, вот мои документы, договор... поскольку у меня заказ правительства, я не могу его не выполнить. Мне говорят, не можем, хозяин живет в Москве.

Вы, наверняка, помните, в последние годы перестройки появились серьезные проблемы с заполняемостью магазинов товарами первой необходимости. В те годы некоторые остряки в СМИ писали, что в магазинах «...только Милка в халате, да банки в томате...» Здесь многое изменилось: сегодня тех проблем практически нет. Но появились другие – население и его рабочая сила здесь товарами практически обеспечены, но денег на их приобретение нет, они у хозяев, а те – в Москве... Мне говорят, что хозяева платят налоги. Да, возможно и платят, однако эксплуатируют рабочую силу, на воспроизводство которой не потратили ни копейки... Но смысл сказанного в том, чтобы меня в советское время с исследованиями не пустили в какой-то магазин - такого не могло быть в принципе. Что пытаются скрыть от социолога «новые хозяева»?

Наблюдение третье: если перефразировать наших сатириков, можно сказать: в годы перестройки нас упорно убеждали, что если КПСС и социализм уйдут, придет счастье; КПСС с социализмом ушли, но счастье не пришло... В годы «перестройки» у нас на кафедре шли нешуточные баталии: мы жарко спорили вокруг постулата «либеральных реформаторов» о том, что все беды от отношения собственности - общественная собственность порождает бесхозность, а отсюда - воровство, приписки, низкая производительность и т.д. Да, много было воровства на «микроуровне»: кто где работал, там и старался

что-то с собой утащить домой - в карманах, за пазухой, на руках. Здесь тоже многое изменилось, например, воровство перешло на «макроуровень»: то губернаторы проворовались, а недавно осудили бывшего теперь уже руководителя Федеральной службы исполнения наказания, т.е. с институтами, которые должны навести порядок внутри страны, возникла ситуация, когда «вор на воре сидит...». Еще бóльшие трагические изменения произошли в институтах, которые должны обеспечить охрану страны от внешних опасностей: выделили огромные средства генералу с поручением укрепить границы государства, а потом его долго искали и поймали уже за границами Отечества... Но вернул он или нет миллиарды украденных из этих средств денег, не сказали. Писали, что создают новую финансовую систему, оказалось, новизна заключается в том, что банкиры с нашими деньгами могут обустривать только свою безбедную жизнь исключительно там, где ни Отечеством, ни дымом Отечества и не пахнет.

Наблюдение четвертое: после защиты докторской диссертации, почувствовав себя полноценным социологом, способным принести пользу своему многострадальному населению, я добился приема у высокого во властной иерархии человека в республике. Успел только сказать о социальных проблемах, о том, что «я –доктор социологии...», он меня остановил: «...извините, Равиль Талибович, мы социализм уже не строим...»

Сегодня здесь в понимании проблем общества и управления многое изменилось, цитируют Ж.Тощенко., П. Друкера, Э. Деминга, много говорят о социальном и делают немало, в том числе и над созданием привлекательного инвестиционного климата в республике, в стране. Хотя основной инвестор - большая часть населения страны - начисто лишен возможности инвестировать в экономику страны, поскольку «проедает» все, что зарабатывает. Но система управления осталась. Во многом еще и потому, что сильны в сознании населения этатические ожидания, которые еще с незапамятных времен. Помним и не скоро забудем: «придет барин и рассудит».

Наблюдение следующее: «в мою последнюю поездку в Штаты» (это было аж в 90-е годы) на одной из встреч мне задали вопрос: «Тут в СМИ пишут, что у вас там задерживают месяцами зарплату, это правда? Если бы здесь было такое, Белый Дом разобрали бы по кирпичикам...» Мне пришлось признать, что «...у нас годами и веками не платили зарплату: не платили ее в условиях крепостного права, не платили ее в колхозе... Поэтому в свое время не только свой Белый Дом, но и всю власть разобрали по кирпичикам... Но теперь вот опять... случаются задержки... Значит, «разбор Белого Дома по кирпичикам» не решает проблему...»

Беда в том, что и сегодня у нас многие работающие люди продолжает оставаться в состоянии бедности. И эта ситуация меняется крайне медленно, она не способствует ни развитию экономики, ни улучшению социально-психологической ситуации в обществе. Разумеется, это не только раздражает людей, но во многом подводит их к мысли о том, что упорным и добросовестным трудом обеспечить себя жизненными ресурсами в стране становится все сложнее. И это происходит на фоне противоестественного социального расслоения общества.

Почему такие «мелко-бытовые» проблемы в таком серьезном разговоре двух серьезных социологов может задаваться вопросом кто-то? Отвечаю:

во-первых, примерно то же самое и с самыми крупными предприятиями;

во-вторых, в социальной системе «шурале» прячется не в Большом адронном коллайдере, а в мелко-бытовых проблемах. Именно с таких «мелко-бытовых» проблем начались у нас, на 1\6-й части Земли изменения в 80-е - 90-е годы, которых сегодня называют «лихими». Именно в те годы появился анекдот, который однажды рассказал первый и последний Президент СССР М.С. Горбачев: «В Москве недалеко от Кремля огромная очередь у магазина за водкой. Один мужик настолько устал толкаться в очереди, что ушел со словами: «Пойду, убью этого Горбачева». И очень быстро вернулся. Его удивленно спрашивают: «Что так быстро?» Он говорит: «А там очередь еще больше».

По моим наблюдениям, недовольных «той жизнью» в «мелкооптовой части» в те годы было гораздо больше, чем этой жизнью сегодня здесь. Может, поэтому и таких анекдотов про В. В. Путина нет. Если завтра состоятся выборы президента России и если он будет баллотироваться, ему альтернативы, во всяком случае в нашей Республике Башкортостан, не будет. По сравнению со своим предшественником он выглядит гораздо более убедительным и надежным,

во-первых, тем, что стал за эти годы «матерым» государственным деятелем и, если даже только пообещает навести порядок в проблемах, названных выше, за которыми наблюдаю не только я, получит поддержку подавляющего большинства избирателей;

во-вторых, он не замечен в развязном, осуждаемом нашим населением, состоянии: не будет дирижировать военным оркестром того, кому «сдает» позиции страны; наоборот, те поймут, что страна становится другой;

в-третьих, в населении еще большинство составляют люди, которые жили во времена повального дефицита товаров первой жизненной необходимости, затем в период непродуманных реформ и, несмотря на то, что многие говорят об упущениях в управлении страной, эта часть населения видит и чувствует, что наряду с большими потерями есть и немалые приобретения в жизнеобеспечении людей, лишение которых тоже счастья не прибавит;

Безусловно, здесь – клубок проблем. Может быть, назовете одну из важнейших?

На мой взгляд, одна из самых серьезных потерь здесь - падение общественной ценности труда. Нужно отойти от наукообразной казуистики и понять, что «социальная сфера» и «трудовая сфера» - сообщающиеся сосуды: не может социальная сфера и общество в целом нормально развиваться, если идет разложение в трудовой сфере.

Проблема эта носит фундаментальный характер и заключается в следующем: в советское время ценность труда, с одной стороны,

поддерживалась всеми средствами влияния на общественное сознание под лозунгом «труд - основа благосостояния общества и человека». Хотя доля зарплаты находилась в районе 20 процентов в себестоимости продукции, бесплатное образование, бесплатное здравоохранение и т.д. давало возможность держать жизнеобеспечение населения на определенном уровне, имитируя даже «неуклонный рост благосостояния советских людей». Но «новые хозяева жизни» отменили советскую систему обеспечения общественного благосостояния, параллельно еще ниже опустили долю зарплаты в себестоимости продукции. Работающий человек таким образом оказался обреченным на бедность, о чем цинично признаются государственные деятели, занимающие высокие должности в системе государственного управления, называя даже численность людей, оказавшихся ниже уровня бедности. Ситуация здесь продолжает усложняться, умножая число недовольных, одновременно подсказывая власти самый легкий, простой и надежный путь повышения доверия к себе со стороны электората.

Мне думается, несколько ущербным остается подход к пониманию развития. Составляются многочисленные стратегии развития отраслей, областей и т.д. Само по себе составление стратегий никаких возражений не вызывает. Вызывает настороженность подход к пониманию развития: вот, к примеру, в этом году построим один коровник, в следующем - два коровника и ... будет обеспечено развитие сельского хозяйства. Но это,

во-первых, по-прежнему рамки «экстенсивного развития» в представлениях;

во-вторых, это развитие в лучшем случае «отрасли» и экстенсивное развитие вместо интенсивного;

в-третьих, еще более важным представляется решение задачи обеспечения комплексного развития общества как социальной системы.

А в нынешних условиях особенно актуальной становится программирование социально-экономического развития с ориентиром на

социально-демографическое состояние населения. Если хотим, чтобы рождались дети, нужно стремиться создавать необходимые условия:

- работа матери по рождению и воспитанию ребенка должна признаваться общественно-полезным трудом, т.е. оплачиваться;

- дети должны обеспечиваться в нужное время детскими учреждениями, а их родители должны знать, что рождение ребенка не приведет к ухудшению жилищных условий и материального состояния их семьи;

- с момента зачатия мать и дите должны быть в центре внимания системы здравоохранения и социально-правовой защиты;

Можно было бы и продолжить. Но сказанного, по-моему, вполне достаточно, чтобы представить себе понимание интервьюируемым того, что и как происходит в стране. Читателю интервью ведь, насколько я понимаю, это нужно. А более полное представление о происходящем в стране и в мире он может получить в трудах социологических коллективов РАН: ИСПИ, ИС, ИСЭПН и др.

Моя не социологическая, а человеческая сущность, формировалась именно этой землей, людьми, которые жили на этой земле и ушли в эту землю навсегда. Это сидит в каждой клетке моих мозгов, активно участвует во всем, что формирует мое отношение к окружающей меня реальности. К самому себе в том числе. Вот, например, надо ли говорить о том, как я люблю эту страну. И не только потому, что она - моя. В самом деле это так – не любить ее невозможно: это уникальнейшая в своем богатстве страна, где живут удивительные люди. Как-то показывали по TV весеннее половодье на Дальнем Востоке: затопило деревню, «плывет» дом, а на крыше дома сидит мужик в куртке, в шапке-ушанке на голове. И собака около него. А на крыше, среди домашней утвари, транспарант с надписью «Русские не сдаются!». В моем городе-Уфе, уже в центре России, низменной части города ливнями затопило улицу так, что машины поплыли. Мужик выбирался из этой ситуации в своей машине, но увидел плывущую мимо детскую коляску, которую унес бурлящий

поток, свалив мамашу с ног, он бросил свою машину и... кинулся спасать ребенка.

Впрочем, не все, наверное, таковые. Вот я читаю, что наш очередной олигарх, который, так же как и все остальные, выбился «из грязи в князи», имеет несметное, якобы, богатство; якобы, у него связи в госаппарате «круче», чем у других и т.д... А он, оказывается, еще хочет что-то заполучить... Какой транспарант среди утвари этих олигархов может быть - «Такие русские тоже бывают»? Кто из них бросит свои миллионы и кинется за чужим ребенком в бурлящий поток? Но ведь они тоже продукт моей страны...

Впрочем, может, я и не читаю... В самом деле, в реальности такого быть же не может, не должно... Они ведь такие же существа, как и тот мужик на крыше своего дома... или, как тот, что бросив свою машину, кинулся спасать чужого ребенка... Раз так, значит, у них должны же быть мозги, которые должны отражать объективную реальность; они же учились в школе, в вузе - у них должны быть представления о мире, о природе живого, о конечности индивидуальной жизни... Может, и я, и они – мы с ними – якобы живем...

Это я задаюсь подобными вопросами, потому что вокруг много таких, кто искренне не понимает, почему к России такое отношение, что она сегодня, как и раньше, во времена Антанты, находится в таком агрессивном к себе окружении. Почему некоторые «там» так ненавидят то, как мы живем «здесь»... Почему, когда «пропустившие» перед обедом по бокалу своего вина муж и жена на улице Милана орут друг на друга благим ором в присутствии детей, называется «темпераментом», а когда выпившие мужики, довольные своей жизнью в России, поют на улице и если даже никого не трогают, это называется «дикостью»... То Россия называется «банановой республикой с атомной бомбой», то видят ее такой мощной, что, якобы, может назначить США президента...

Больше того, нас ненавидят, а мы видим в них друзей... Мы симпатизируем французам. О, да...Элюар...Мопассан...Бальзак...О, да... «Собор Парижской богородицы»,... Сент-Экзюпери...Лувр... Баррикады,

Марат, Робеспьер... Мы их полюбили не глядя... И только потом, побыв там, своими глазами увидев, удивляешься другому. Тому, что привокзальная площадь города Туймазы, оказывается, опрятнее площади у Эйфелевой башни. Хотя прекрасно осознаешь, что такой башни у тебя в городе Туймазы при твоей жизни точно не будет. Но не это даже проблема. Иногда не спится от того, что не могу найти ответа на вопрос о том, что же могло случиться с тем самым французом, с натуральным продуктом этой самой страны с такой богатой историей, с такой культурой? Анализ биографии по имеющейся литературе показывает, что профессиональная и служебная карьера складывалась - в 24 года генерал...; материальное состояние высокое; правда, семейное положение не совсем вписывалось в существующую систему отношений... Но ведь что-то случилось, его повело, он пошел захватывать страны соседние, а потом уже совсем произошло что-то: пошел войной на Россию... Миллионы людей заплатили за эту его затею своей жизнью... Видимо, биографическое исследование жизненного пути человека должно быть дополнено и соответствующим исследованием других факторов, чтобы получить более полный ответ на вопрос о том, что же случилось...

У нас нашей безалаберности противопоставляют немцев, их точность, четкость. Европейская культура... О, да... Гегель... Гете... Маркс... Дрезденская галерея... Однополые браки... Ну, был я там. Учился на курсах повышения квалификации. Не поверил бы, если бы не видел своими глазами совокупляющихся в парке пар ... Конечно, кривая усмешка - вот он, гниющий запад... У нас, если поискать, может, и не такое увидишь... Однако просыпаешься и опять мучаешься в поисках ответа на вопрос о том, что за продукт породила эта культура, человеком-то которого назвать язык не поворачивается... Он добрался до вершины власти, пошел завоевывать соседние страны, а потом уже совсем случилось что-то: пошел войной на Россию... Миллионы людей заплатили за эту его затею своей жизнью...

Давно, уже четверть века, не был в Европе, если и выезжаю из Америки, то только в Россию... Вы бывали в США, что скажете по отношению к этой стране?

Ну, это громко сказано, я ведь не даю оценку той или иной стране, это было бы не совсем корректно или совсем не корректно пытаться таким образом оценивать государства и народы. Куда полезнее было бы, если бы мы говорили о состоянии социологии в наших странах, но это само по себе огромный пласт проблем. Я говорю здесь о соотношении «научного знания», «знания понаслышке» и первого от того или иного явления «впечатления» в сознании человека (в данном случае в сознании социолога).

Я знаю, что у нас многие мечтают об Америке, о которой судят по толстым журналам. Америка с розовыми "кадиллаками", джинсами, свободой и рок-н-роллом... Счастье жизни. Да, был я там. Сами пригласили на чтение лекций в течение месяца на тему «Россия и российская социология сегодня» в своих университетах. Сами оплатили все расходы и заплатили гонорар. Да такой, что я за год у себя получаю такие деньги. Но ведь у них своих проблем тоже хватает. Хотя коллеги, с кем общался, мне, например, очень понравились. Даже так: по примеру доктора Аккермана, который пригласил нас с коллегой в гости в свой дом, вернувшись к себе, я купил земельный участок за городом и построил там дом. Думал, покажу ему, что, если приспичит – мы тоже можем как американцы (к сожалению, встреча не состоялась, я не успел).

Очень по-разному чувствовалось в самолете, когда туда и когда обратно: туда девять с лишним часов напряженной тишины... Оттуда - весь самолет как на свадьбе: сплошное веселье и радостное знакомство с новой и с прежней родней. Гордость в душе за своих... Хотя, если на деле, то нельзя, невозможно без раздражения смотреть на эту «вечную свадьбу» с тяжелым похмельем.

Я говорю о том, разве же можно хоть что-то сказать о человеке, о социальной группе, о социально-территориальной общности, тем более о стране и о ее населении по результатам того, что удалось пообщаться в течение

дня, месяца, года с ее представителями? Что-то, наверное, можно, но в сущности - ничего. Но ведь, сказываем. С другой стороны, можно прожить в течение всей жизни и не понять ничего, уловить что-то из сущностного за достаточно короткий отрезок времени.

Все, что написано выше - о «нашем» и «не нашем» - это пример попытки выставления достоинств «своего» на фоне недостатков в «чужом»- в культуре других народов - это и есть на 50% - крестьянское объяснение своей ограниченности через выпячивание того, что не соответствует представлению в других людях: другой деревни, городского образа жизни, жизни других народов, других стран. Вот «мое», каким бы оно ни было диким, оно мое-лучшее; вот «другое», каким бы оно ни было, оно – не мое, значит, худшее, значит, то, что не имеет право на жизнь. Я тоже всегда в этом «другом» найду такое, что не будет устраивать меня, мою родню, моих «односельчан», которые поддержат мое мнение, мою оценку. Каким бы оно ни было замечательным, я всегда найду то, что не соответствует моему представлению о прекрасном, о том, как «должно быть». А остальные 50% - это система социальных регуляторов, социальных институтов, включая государство, со своими «политиками», которые способны и сохранить это хрупкое равновесие между «понимаю-не понимаю» в удобоваримом виде и накалять обстановку до белого каления.

Потому, видимо, что мы – каждый из народов, проживающих по обе стороны Земли, достигли многого. Но **мы так мало сумели в познании социального, в управлении социальным, в результате чего в социальных системах качества субъекта, т.е. управляющей подсистемы, продолжают «безнаказанно» передаваться и переходить на объект управления, т.е. на управляемую подсистему: если управляющий - «кретин», то очень скоро над объектом управления начинает господствовать «кретинизм», внося в жизнь социального все больше кретинизма.** Именно в силу этого мы с вами не так далеко ушли от сельско-крестьянской цивилизации, когда все силы человека направлены на то, чтобы преобразовать природу для удовлетворения

своих потребностей. То, что в процессе исторического развития сельское население переходит, переезжает, переселяется в город, это далеко не значит, что оно создало другую цивилизацию- научилось преобразовывать себя. В лучшем случае оно переселилось, поменяло свою пещеру одного типа на пещеру другого типа. Никому ведь еще не удавалось «другого живого» превратить в человека; однако вернуть его в состояние животного, кажется не так сложно. Во всяком случае, приведенные выше примеры говорят, кажется, об этом. Единственно, что может спасти человека от его неминуемого возвращения к своему первобытному состоянию, это то, что он должен будет успеть создать новую цивилизацию, когда разум будет работать на сохранение природы, на преобразование человеком самого себя, на преумножение человеческого в человеке.

Равиль, выше Вы сказали: «...я официально “заключил законный брак” с социологией 13-го августа 1974», значит, более полувека назад. Срок немалый. Давайте поговорим о науке, которой Вы посвятили годы жизни, а проще – всю жизнь. Были ли прошедшие годы временем постоянного, пусть, не очень заметного, быстрого развития советской / российской социологии или Вы наблюдаете как позитивные тренды, так и негативные?

Да, умеете Вы задавать вопросы...

С одной стороны, очень интересный вопрос. И большой настолько, что ответ на него должны искать исследовательские институты, а по итогам работы тома должны быть написаны. И надо бы что-то подобное сделать. Мне кажется, что мы, вынужденные сегодня полностью отдаваться повседневности, упускаем что-то очень уж важное для науки в целом, и для социологии в частности.

Здесь очень много проблем; если бы Вы не спросили, я бы даже и не брался за этот вопрос, ведь «заключение законного брака», как мне подсказывает опыт, совсем не говорит о том, что мы понимаем все нюансы

брака. Поэтому я в принципе готов услышать продвинутого читателя: «...лучше бы ты не взялся...». Но вопрос задан, на него нужно отвечать.

Я застал период развития социологии в СССР, когда она еще была «многополярной» в территориальном плане, оставаясь фактически «однополярной» с точки зрения методологии, методики и техники. Помню, как перед очередным большим научным мероприятием в Москве Н. А. Аитов, Л. Н. Коган и некоторые другие пришли в ИС РАН. Крупный (не только телесно, но и интеллектуально) Коган, в пол-приемную директора, и небольшого роста, (но крупный в интеллектуальном плане) Аитов заполнили приемную, поздоровавшись на ходу с секретарем, открыли дверь к директору, и Коган говорит: «... вот, видишь, Нариман, завтра такое мероприятие, а он сидит и ковыряется в своих бумагах... бюрократ...» Это он про Ядова... Здороваются, обнимаются, как лучшие друзья и начинают обсуждать проблемы социологии. *(Кстати, я там тоже был и многозначительно молчал все это время, но Ядов, когда, редко, но встречались, всегда обращался ко мне на «ты», как к старому знакомому. Может, и к другим так же обращался, не настаиваю. Однажды мы сидели в какой-то комиссии, говорили о преподавании социологии в вузах и в школах. Я, по своей привычке вступать, сказал: «...У нас нет учебников социологии... Вы бы написали учебник...», он почему-то взорвался: «...да не хрена я уже не напишу... вы вот молодые... ты и напиши...». Все заметили – а мне каково(!) – сам Ядов ко мне на «ты». Я приехал домой и мы, кафедрой, дописали уже почти готовое учебное пособие и издали ее; это было в 1992 году).*

В то время социология развивалась усилиями ученых-исследователей, представляющих разные «школы», в Москве и в Ленинграде, в Свердловске и в Уфе, в Таллине и в Красноярске, в Новосибирске и в Перми... Однако продолжающийся процесс институционализации социологии был направлен на то, чтобы Москву определить в качестве центра отечественной социологии с соответствующими установками. С какой целью? Если это «сделано» и сделано для того, чтобы управлять социологией так же, как и всей экономикой,

культурой, образованием, семейными отношениями и т.д. из единого центра, то цель достигнута, задачи решены: там, в Москве, определяется, когда, кого и как опрашивать, что и как преподавать, какому вузу сколько человек разрешить принять в аспирантуру и как их готовить, каково качество диссертаций... Уже и не замечая, какой это нонсенс, аспирантов посадить за парты после вуза еще на следующие 3 года доучивать три закона диалектики. Единым центром, например, проводятся опросы общественного мнения, репрезентативные для России в целом. А кто меня убедит в том, что во всех уголках великой страны вся читающая публика думает так же, как и Вы - «социологию нельзя сводить только к опросам общественного мнения». А я своим многолетним опытом провинциального социолога скажу: можно! Еще как можно. Она у нас уже сведена. Особенно, когда это мнение превращается в научно-теоретическую демагогию и начинает крутиться около власти. Как бы то ни было, порядок сложился. Больше того, незаметно переметнулся на сегодня и... завоевывает новые позиции. Но он, этот порядок, на мой взгляд, не совсем естественный для науки. Да, появились институты, работали и работают люди, проводились и проводятся исследования, выходят толстые монографии и научные статьи в большом количестве... Безусловно, к показателю развития социологии нужно отнести еще и то, что начали готовить специалистов: научных работников, преподавателей социологии в вузах и т.д. Поэтому, если развитие социологии измерять в количестве подготовленных в вузах преподавателей социологических дисциплин, опрошенных людей и в листаже изданной продукции, рост очевиден. Однако от того, что социологию, обеспечив ресурсами, попытались превратить в «партийную» науку с центром в Москве, способную противостоять такой же партийной науке с центром на Западе, она не стала ни московской, ни западной, ни социалистической, ни капиталистической. Так же, как алгебра, от того, что ее создали и развивали когда-то арабы, не стала и не может стать арабской.

Что произошло:

а) интеллектуальный и эвристический потенциал социологической науки в так называемых «капиталистических странах», тратился на низвержение идеи социальной справедливости в социалистической системе;

б) интеллектуальный и эвристический потенциал социологической науки в так называемых «социалистических странах», тратился на то, чтобы отстаивать эти идеи за счет поиска нужных аргументов из партийных документов.

Все это ни на йоту не приблизило научную мысль к ответу на вопрос о том, для чего Природа наделила одну свою часть разумом, и как должна быть организована социальная система, чтобы эта часть природы получила бы развитие, соответствующее высокому назначению Человека.

Вместо того, чтобы объединить свои усилия в поиске ответа на этот вопрос, социологическая мысль обоих полушарий Земли фактически была вовлечена в оправдание развития не человеческого, а животного в человеке - жить, чтобы есть.

Социология, как и любая другая наука, может развиваться только как планетарная и только в этом направлении. В обратном случае социологи, как приматы, так и будут продолжать копать в своих покровах, считая наукой все, что поймают.

Есть еще другая сторона проблемы: любое развитие идет через преодоление противоречий, и социология здесь не может быть исключением. Например, социология преподавалась в вузах, когда не было преподавателей с высшим социологическим образованием, а когда их начали готовить в университетах, оказалось, что поле преподавания социологии сужается катастрофически. Одно из главных причин этого печального явления - в ошибочном (надеюсь) определении приоритетов в гуманитарном составляющем модели специальностей и направлений подготовки специалистов, что отразилось на составе обязательных дисциплин федерального компонента учебных планов. Там социология в числе дисциплин по выбору студентов. Очевидно, кому-то показалось, что нашим специалистам

с высшим образованием в России вовсе необязательно знать закономерности развития социальных систем ни на уровне организаций, ни на уровне общества. Им не нужно думать и о социальной сущности управленческих отношений, о социальной мобильности, социальной стратификации, о социальных институтах и т.д. Им, будущим специалистам, врачам и инженерам, агрономам и учителям, незачем думать об институте семьи... о социальной информации... Но проблема гораздо глубже - она в подготовке специалистов, способных конкурировать на мировом рынке труда. **Понятно, что было время, когда нужно было всех специалистов вооружить постулатами марксистско-ленинской философии, вогнать их мировоззрение в железобетонные рамки классической немецкой философии.**

Представить только - население России, состоящее из русских и людей сотни разных национальностей, и у всех, у кого среднее и высшее образование, у всех научных работников - естественных ли, гуманитарных ли наук, у физиков и у лириков - у всех мировосприятие, мировоззрение формируется фактически на основе марксистско-ленинской философии, источником которой является классическая немецкая философия, обязательная для изучения практически во всех учебных заведениях страны. Но реальность российская, мир российский - он не немецкий, а евразийский. Потому формируемое «мировосприятие» и «реальный российский мир» находятся в постоянном, мягко говоря, внутреннем противостоянии.

С другой стороны, и на дворе, констатируем осторожно, несколько иное время. Новое время не только открывает новые возможности, но и порождает новые проблемы, которые предстоит преодолевать. Хотя и не вызывают на заседание бюро обкома (пока, во всяком случае), сегодня в развитии социологии внутренние проблемы, как мне представляется, выходят на первый план среди факторов, тормозящих развитие как отечественной социологии в целом, так и социологии в Башкортостане. Их много, этих проблем. Остановлюсь только на одной из них.

Нужда в социологической информации объективно громадна и это, вроде бы, осознается все большим кругом пользователей, отсюда тяга к социологическому знанию – люди тянутся к ней. Обнимают социологию, вроде бы. А она задыхается... Но отсюда и другая сторона этой тяги - как грибы после дождя растет число социологов, а среди них оказывается много грибов-«поганок». Очень часто социологические исследования сводятся к опросу общественного мнения, проводятся «под заказ», когда результаты «рисуются» в угоду интересов заказчика. Даже приблизительно подобную работу нельзя считать исследованием: мы здесь имеем дело с «погаными» - результатами, которые служат единственной цели – получить деньги, прикрываясь ученой степенью. Дело еще в том, что эти «результаты» щедро оплачиваются заказчиками. А если Полани прав и если в соответствии с теорией, кто имеет больше денег, тот и доминирует, то получается, что таким образом создаются финансовые условия для доминирования социологии, создаваемой «поганками». В свою очередь, доминирование придает вид легитимности, хотя бы в этих кругах, ложь начинает восприниматься как правда. Во-вторых, такая социология превращается в инструмент манипулирования общественным мнением со всеми отсюда вытекающими последствиями. Например, во время выборов, когда эти «результаты» используются для того, чтобы «нарисовать» динамику роста или падения популярности соответствующего кандидата и получить уже вполне реальный результат в виде прохождения во властные структуры людей с соответствующим багажом решения своих проблем. Здесь речь идет не только о присвоении чужого, чужой собственности как таковой, а о присвоении чужой собственности особой природы - знания. Особенность здесь не только в том, что оно добыто чужим трудом. Это такая собственность, которую невозможно отобрать у присвоившего и вернуть хозяину как украденную материальную ценность. В силу своей природной особенности, Знание постоянно находится в процессе конвертации в другие формы существования и легко может обрести

ту или иную форму:

- может превратиться в источник материальных благ;
- легко превращается в социальный капитал, способный изменить социальное положение человека в обществе;

- способно стать приращением политического капитала. Этим, судя по СМИ, охотно пользуются государственные деятели, депутаты разных уровней и не только. «Поганая» часть социологии стала сегодня настоящим «троянским конем» для социологии, которая имеет огромную потенциальную разрушительную силу, представляющую реальную опасность не только для социологии, но и для самой социальной системы. Это уже больше, чем обман и бьет прежде всего по самой социологии: как один из информационных ресурсов, такой продукт начинает формировать обывателя нового типа с соответствующим мнением о социологии как о «продажной науке», взамен прежнего типа, считавшего социологию «буржуазной лженаукой».

Ситуация в данном случае меняется принципиально: если в свое время противостояние мнению о «буржуазной лженауке» требовало от ученых, занимающихся социологическими исследованиями, одни качества, то противостояние общественной практике продажности социологов и соответствующему общественному мнению требует другие качества - оно переходит преимущественно в область нравственных ценностей. Социология, которая сумела выстоять и развиваться в условиях, когда находилась под воздействием внешних тормозящих факторов, должна будет всерьез заняться созданием силы, способной противостоять тому, что происходит у себя внутри.

Равиль, Вы понимаете, я специально задал вопрос столь общего характера, кому как не нам, давно работающим в социологии, рассуждать на эту тему? Я не знаю, насколько масштабно то явление, о котором Вы пишете – поганая социология и поганные социологи, но хотел бы не согласиться с Вами в ряде Ваших выводов. Во-первых, к настоящему

времени я опросил более 150 социологов, работающих в разных городах России. Есть те, кто работал еще в СССР, есть – начавшие активно работать лишь в новой России. Среди них есть люди с докторскими и кандидатскими степенями, есть – без степеней. Есть те, кто обучался социологии в Москве и Петербурге, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Поволжье, есть – прошедшие подготовку в Англии, Америке, Испании, ряд из них имеет зарубежные научные степени. Все серьезно, озабоченно рассказывали о своих исследованиях, о теоретической проработке, об эмпирической части, о результатах. И это говорит о массе настоящих ученых, серьезных преподавателей. Во-вторых, не стоит сводить социологию к опросам, к изучению общественного мнения. Тем более, что Вы знаете, в Германии, в США, в Скандинавии опросы общественного мнения вообще не рассматриваются как раздел социологии.

Перестройка, освобождение от идеологического марксизма (сам марксизм – одна из величайших философий), открытие границ, развитие новых компьютерных технологий сбора, анализа и хранения социологической информации – разве это не положительные тренды нового времени?

В своих ответах выше я уже высказывался и по поводу марксизма, и о перестройке, говорил и о том, что социологию нельзя сводить к опросам... Готов принести свои извинения, если задел какие-то струны Ваших профессиональных чувств. Работа социолога - это большой гражданский подвиг, ежедневно совершаемый особой категорией людей, выбравших свой специфический путь служения Отечеству, способных принимать как свою личную боль и личную радость все, что происходит в обществе, варясь в одном котле социальной реальности со своими согражданами. Нередко оказываясь в ледяном плену непонимания, они находят силы снова и снова возвращаться к поиску научной истины во имя социальной справедливости. И пишу я не о «поганой» социологии, а о тех людях, которые

поганят социологию, воруя чужие исследования, продавая заказчику ложную информацию или ту, которую желает заказчик. Пишу о том, что число таких людей растет как грибы после дождя. Но это, **как грибы-поганки**, смертельно опасны для социологии.

По поводу того, что «...не знаете, насколько масштабно это явление...», обращаю Ваше внимание на темпы развития целого направления в программировании, где профессионально занимающиеся специалисты создали и совершенствуют «Антиплагиат». Может, у Вас такого нет, но у меня в компьютере постоянно всплывают объявления (с телефонами) с предложениями об услугах в подготовке подобной заказной продукции.

Разумеется, не все социологи промышляют этим. Много социологов, честно работающих в науке как в Башкортостане, так и в Российской социологии. «Грибов-поганков» меньше, но они меньшим числом наносят большего вреда не только науке, но и жизни людей. Чтобы было более понятно, как это выглядит на деле, приведу в качестве примера продукт, названный социологом-«поганкой» монографией, якобы написанной им на грант, выделенный государством. Здесь слово в слово переписаны результаты исследований, полученных академиком Т. И. Заславской еще в 90-е годы, преподносятся они как результаты исследований, проведенных лично автором в Башкортостане уже в наше время.

Для полноты ощущений можете представить себе, что какой угодно заказчик примет какие-то управленческие решения, касающиеся Вашей жизни, основываясь на подобных «результатах социологических исследований»... и тогда Вам легче будет понять основания моих возмущений; может быть, даже согласитесь со мной.

Что касается «...*развития новых компьютерных технологий сбора, анализа и хранения социологической информации...*» разумеется, это все очень здорово. Когда я пришел на работу в социологическую лабораторию Аитова, основными инструментами, с помощью которого осуществлялись расчеты, были деревянные бухгалтерские счета, калькуляторы и пара

приспособлений, отдаленно напоминающие электронные счетные машины. За годы моей работы в вузе сменилось пять поколений электронно-вычислительной техники. Но и здесь я рассматриваю проблему не только с технико-технологических позиций, а опять же - с точки зрения социального, в человеческом измерении, с позиции взаимодействия людей. Обилие информации, постоянно растущая мощность информационных потоков обостряет **проблему превращения информации в знание**. Появилась и дальше будет обостряться такая «болезнь информационного общества», такое социальное явление, как «псакизм», когда людям, независимо от уровня подготовленности, приходится иметь дело с необъятным потоком информации при ограниченных временных и/или интеллектуальных ресурсов и возможностей, когда людям приходится оперировать информацией, не в полной мере понимая предмета разговора или смысла и сущности происходящих явлений и предметов. К тому же это может быть результатом и генетической предрасположенности или/и сложившихся в реальной жизни условий. В бытовых условиях безобидное, на первый взгляд, явление, оно способно превратиться в разрушительную силу, когда проникает в средства массовых коммуникаций, в аппарат управления, превращаясь в повседневную практику государственного управления, увеличивая опасность принятия управленческих решений на фоне искаженной информации, ложных смыслов и посылов. Причем, это касается не только социологов. Обращали, наверняка, внимание: то глава какого-нибудь государства перепутает Австрию с Австралией, то командующий огромными вооруженными силами начинает говорить о возможности отправлять военно-морской флот к границам Республики Беларусь, потом удивляется, узнав, что там, оказывается, моря... нет.

Вы руководите кафедрой социологии и социальных технологий Уфимского государственного авиационного технического университета с 1991 года, т.е. четверть века. Срок – очень большой, включающий

серьезные, коренные изменения в стране и в отечественной социологии. Пожалуйста, расскажите о Вашей кафедре... какова численность состава кафедры и каков жизненный, научный и преподавательский опыт Ваших коллег? Каковы главные исследовательские направления кафедры? Какие новые социальные технологии были созданы сотрудниками кафедры?

Как и любой элемент социальной системы, кафедра живет подчиняясь законам взаимодействия с внешней средой и внутреннего развития. За эти годы в стране появились и перестали существовать тысячи вузов с десятками тысяч кафедр. К такому, близкому к хаосу, динамизму внешней среды нужно приплюсовать изменения внутри кафедры с точки зрения того, что в человеческом измерении мы здесь имеем дело со сложнейшей био-психо-социальной системой. Когда я стал заведующим, на кафедре работало 12 человек: из них 2 доктора наук и 10 кандидатов наук, доцентов. Из этого состава сегодня на кафедре остался я один. В настоящее время на кафедре 10 преподавателей, из них 3 доктора наук, 5 кандидатов наук, 2 старших преподавателя без ученой степени. Они активно работают над своими диссертациями, один магистрант и два соискателя ученой степени кандидата наук. Старшему из членов кафедры - 75 лет, младшему - 19,5.

Одним из важнейших условий успешного функционирования кафедры является наличие интеллектуалов с высоким творческим потенциалом, стремящихся к обмену своими знаниями и умениями (особой духовно-физической субстанцией) друг с другом и с обучающимися и способных получать от этого духовное удовлетворение. Ученый-педагог, обладающий такими свойствами, искренне радуется, когда окружающие понимают ситуацию так же, как и он, и тяжело переживает, когда его надежды и ожидания в какой угодно форме не оправдываются, что неминуемо отражается на настроении остальных. Здесь каждый из сотрудников, обретая определенные профессиональные, деловые, нравственно-личностные качества, при соответствующем физическом, духовно-психическом здоровье, имеет

возможность пройти десять ступеней квалификационного и должностного движения от лаборанта до профессора. Но как только один из них, пройдя этот путь, возомнит, что он имеет в десять раз больше прав на умственные способности, или на истину в последней инстанции, механизм начинает давать сбои, так или иначе отражаясь на результатах работы кафедры в целом.

Представления о том, какой должна быть кафедра, складываются из многих факторов, и подходы к оценке могут быть самые разные у министерства, руководства вуза, работодателей, преподавателей, обучающихся. Особенно сегодня, когда все новые вызовы выдвигают на первый план проблемы, которые во многом оказываются общими для всех кафедр. В то же время каждая кафедра адаптируется в новых условиях по-своему, исходя из профессионального уровня и духовно-интеллектуального состояния своих преподавателей, накопленного ими жизненного опыта. Определение места кафедры в сложном научно-образовательном комплексе, каким является современный вуз, расставление акцентов в определении текущих и перспективных задач, обеспечение настроения коллектива кафедры на достижение общей цели, стоящей перед университетским коллективом, организация ее работы, направляя в нужное русло – задача не из самых легких. Достичь этого совершенно не реально, если не будет обеспечена хотя бы на уровне кафедры гармония в отношениях, взаимопонимание и взаимоуважение коллег – людей с разным жизненным опытом, разной судьбой, разными интересами и потребностями, разной психической и духовной конституцией – как важнейшее условие наполнения своих дел, поступков определенным смысловым содержанием. Таким содержанием, чтобы какой бы ни была ситуация, как бы она, эта ситуация, предательски не давила на настроение, мироощущение, самочувствие в данный конкретный момент, ни коллеги, ни студенты, ни на миг не могли усомниться в способности оставить это все за пределами кафедры и показать себя человеком такой силы духа, такой воли, таких интеллектуальных и психических возможностей, который призван замечательным образом выполнить все то, что он должен выполнить здесь и

сейчас. Особенно в наших условиях, когда события и процессы меняются с огромной скоростью, а конфигурация окружающих явлений напоминает примерно то, что происходит в калейдоскопе.

Подумаешь, скажет кто-то, каких-то 10-14 человек, как в нашем случае, какие тут могут быть проблемы. В том-то и состоит одна из проблем совместного освоения людьми социального пространства: у большого числа людей, находящихся на неограниченном пространстве, и небольшого количества людей в рамках ограниченного пространства, проблемы в отношениях друг с другом схожи на 90 %. Но оставшиеся 10 % различий способны превратиться в определяющие судьбу проблемы. Процесс восприятия нами человека продолжает происходить по социальной психологии той же «крестьянской цивилизации» - зеркально к социальному расстоянию: если «чужой» присвоил «наше», это воспринимается как зло, а если «наш» присвоил «чужое», то это воспринимается нами как благо, как будто оно не способно вернуться.

С другой стороны, кафедра объективно ограничена, так сказать, в возможностях развития вширь. Это Московский университет мог начинаться когда-то с четырех профессоров и вырасти до 10 тысяч кандидатов и докторов наук на сегодня. А кафедра, например, наша, за 50 лет численно осталась в тех же рамках, хотя число докторов выросло до трех, а в одно время докторов наук на нашей кафедре было пять. Это «стационарное» свое состояние она может украсить только развитием «вглубь»: углублением знаний за счет исследований проблем развития общества, социальных институтов, социальных организаций и процессов.

Невозможно, да и не нужно, наверное, повествовать обо всем, что было и что есть на кафедре, тем более пытаться предсказать то, что будет и что может быть. Таковы внешние и внутренние условия, которые и определяют границы возможного здесь.

Так получилось, что в 1988 г., на двадцать пятом году заведования кафедрой, проф. Н.А. Аитов уволился из УАИ и выехал в столицу Казахской

ССР в г. Алматы, возглавил там кафедру социологии ИПК при Казахском государственном университете. На его место приказом ректора УАИ был назначен один из преподавателей кафедры, который под руководством проф. Н.А. Аитова защитил кандидатскую и незадолго до этого назначения – докторскую диссертацию, проф. Р. Б. Камаев. В жизни кафедры наступил новый, характеризуемый особым внутренним драматизмом этап, который усложнялся еще и исключительным динамизмом внешней среды:

во-первых, кафедра к тому времени усилиями своего заведующего проф. Н. А. Аитова, руководства вуза и преподавателей была возведена в ряд известных на весь Союз научно-учебных коллективов и в этом качестве находилась в зените своей славы. Все преподаватели были кандидатами и докторами наук, активно участвовали в исследованиях и печатали свои труды. В основном это были ученики Н.А. Аитова, творчески настроенные и способные педагоги-исследователи со здоровыми научными амбициями, для которых единственным авторитетом был их научный руководитель и многолетний заведующий. Его уход вполне реально мог стать катастрофой для коллектива хотя бы в силу соответствующих очень высоких моральных и интеллектуальных требований к человеку, который мог бы претендовать на его место.

Во-вторых, научным руководителем социологической лаборатории стал заведующий кафедрой философии. К сожалению, лаборатория очень быстро потеряла былую славу, и ее закрыли.

В начале 1990 г. заведующим кафедрой был назначен Ваш покорный слуга *(та система отбора и назначения на эту должность работает и сейчас: вначале ректор назначает своего кандидата на эту должность своим приказом, затем, через какое-то время, он должен пройти процедуру избрания на кафедре, на Совете факультета, на Совете университета и по результатам голосования, если результат положительный, ректор своим приказом назначает его на определенный срок)*.

Сказать, что это было сложное время, значит, ничего не сказать: по всей

стране шли бурные шатания вокруг перестроечных процессов, направленных на строительство «социализма с человеческим лицом», что на практике напоминало состояние хаоса. Но мы активно работали над углублением теоретического уровня учебных курсов, совершенствуя методику применения социологической информации в учебном процессе, что приближало студентов к пониманию реальных проблем, превращая их в «соучастники» процесса познания изучаемых явлений. Кафедра, разумеется, сегодня это уже другая, но не изменилось одно – мы, несмотря на множество сложностей объективного и субъективного характера, стараемся активно проводить теоретические и эмпирические исследования самых разных сторон жизни общества в различных направлениях и формах. Мы быстро сумели адаптироваться в условиях отсутствия лаборатории, приспособились работать кафедрой: теоретические и эмпирические исследования, сбор и обработка данных, полевые исследования, анализ собранной информации – все это выполнялось силами кафедры. Основные направления исследований – социологические проблемы управления, социально-демографические проблемы; анализ накопленного в результате проведенных социологических исследований эмпирической информации, публикация их в виде монографий, брошюр и статей; участие во всевозможных научных конференциях, организация и проведение собственных конференций под названием «Аитовские чтения».

Опять Вам может показаться, что кафедра – фабрика диссертаций, но мы продолжаем проводить исследования и результаты защищаем в виде диссертаций, получая экспертную оценку Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ на предмет научной новизны полученных результатов: за последние 25 лет на кафедре подготовлено и защищено в среднем две кандидатские диссертации каждый год и одна докторская диссертация в два года.

Очередная докторская диссертация защищена в 2012 году.

Сегодня кафедра переживает, возможно, один из самых сложных периодов в своей жизни и не только с точки зрения организации и проведения

исследований, подготовки и защите диссертаций. Конечно, готовится к защите еще одна докторская и две кандидатские диссертации. Но это, как говорится, «не благодаря, а вопреки». Дело в том, что за много десятилетий своего существования система подготовки научных кадров в стране, как и все остальное, пережила целую череду попыток реформирования – в эпоху «диктатуры пролетариата», затем - «оттепели»; в эпоху «застоя», затем – «перестройки», но сохранила основные очертания, которые были обретены ею еще в начале тридцатых годов прошлого столетия: верхушка большевистской партии исходя из политической целесообразности определяла цели и задачи; используя, а чаще - подменяя государственную власть управляла и подготовкой научных кадров, и самой наукой. Это было время, когда «наш паровоз вперед летел» с публикациями «О марксистско - ленинской теории в кузнечном деле» и т.п., когда на очередном съезде единственной партии, победившей всех и вся, прозвучало указание хороших специалистов перевоспитать и привлечь на свою сторону, а от других освободиться; это было время, когда нужно было диктатуру установить и в науке. В этих условиях сложилась в самых общих чертах система подготовки научных кадров, которая представляет собой сегодня сложное, противоречивое, многоуровневое явление с причудливым переплетением процессов старого и нового. Осознание на всех уровнях управления наукой и образованием страны необходимости приведения системы в соответствие с требованиями времени привело к неожиданному результату: «наш паровоз» резко остановился и решил поехать назад, туда, где висели когда-то плакаты с требованием, что «в железнодорожных институтах должны учиться только железнодорожники». Нашему университету за то, что он – технический, перестали выделять бюджетные места в аспирантуру по социологии, если даже тут есть необходимые ресурсы, 50-летний опыт подготовки высококвалифицированных кадров и т.д. то есть мы «по происхождению» и «по принадлежности» не сможем теперь готовить научные кадры по социологии.

Мне кажется, такая постановка дела спорной. А, собственно, почему авиационный технический университет в нынешних условиях должен готовить кадры для социологии? И может ли он эту задачу решать? У вас есть специалисты, разрабатывающие современные социальные проблемы на базе передовых социологических концепций и методов? Ваша библиотека обеспечит студентов и преподавателей современной отечественной и зарубежной литературой? Вы сможете в ближайшее время заключить договоры с ведущими зарубежными университетами, чтобы обеспечить студентам и молодым преподавателям ознакомление с накопленным там опытом? Не лучше ли передать функцию подготовки социологов-ученых университетам, которые смогут обеспечить преподавание на нужном уровне социологии и всего комплекса гуманитарных предметов, необходимых будущим исследователям: философии, истории, социальной психологии, семантики, логики и методологии науки и пр.?

Я думаю, что этот вопрос несколько страдает в части этических норм, должных присутствовать в диалоге между двумя уважающими собеседниками. Такими вопросами может задаваться только человек, который подзабыл нашу вузовскую систему. Впрочем, примерно такое представление было и у прежнего «штаба» Минобрнауки, который, как мне показалось, руководствовался в принятии управленческих решений «теоремой Пифагора». Но стремление обеспечить рост интеллектуальных возможностей учебных заведений (кафедр) путем их механического соединения кроме демонстрации арифметического кретинизма мало что дает. У жизни социальных организаций своя логика. Это только в школьной геометрии сумма квадратов катетов дает квадрат гипотенузы.

Правда, успели создать и специальные структуры, которые профессионально занимаются оценкой необходимых условий в учебных заведениях; определены нормативы, требования, которым нужно

соответствовать и т.д. (однако правда и то, если бы подобные требования предъявлялись к учебным заведениям всегда, как сейчас, без учета уровня развития «центра» и «периферии» страны, в России и в мировой науке не только не появился бы Михайло Ломоносов, но и университетов наших не было бы; а если эти требования предъявлялись бы без учета уровня особенностей развития «периферии», мировое балетное искусство не получило бы Рудольфа Нуреева...)

Вам кажется спорной «такая постановка дела», а мне кажется спорной Ваша постановка вопроса. Разумеется, кафедра не может не подчиняться решению и ректората, и ученого Совета своего вуза, а вуз - решениям Минобрнауки. Но хотя бы себе кафедра имеет право задать вопрос – «...собственно, почему Уфимский государственный авиационный технический университет, который, наряду с подготовкой специалистов по естественным и техническим наукам, по экономическим наукам, по финансам, по менеджменту, который имеет полувековой опыт подготовки кадров по философии, и по научному коммунизму, а, условно говоря, с 1991 года и для социологии, вдруг «в нынешних условиях» должен перестать этого делать»? Какие это только Вам известные «нынешние условия», кроме рыночных, могут запретить или разрешить университету давать студентам университетское образование? Мне кажется, наоборот, во-первых, это определяет рынок труда: если выпускники востребованы работодателем, если их качество удовлетворяет работодателя, кто, почему и как может запретить или разрешить их готовить, не превращая проблему в абсурд. Во-вторых, «университет становится университетом не потому, что здесь преподают не арифметику, а высшую математику, а потому, что здесь преподаватель занимается наукой и результаты своих исследований доводит до студентов, вовлекая их в науку» Это был одним из главных постулатов отцов-организаторов УГАТУ. Уфимский авиационный этим и славился, что готовил специалистов высокого уровня квалификации с солидным объемом знаний по гуманитарным дисциплинам, в уверенности в том, что только такие специалисты и могут обладать соответствующим

уровнем компетенций: наш выпускник экономического факультета признан лучшим финансовым менеджером России, а другой выпускник – инженерной специальности входит в число ученых страны с самым высоким индексом Хирша. Одно другому не только не мешает, а наоборот: квалификация инженера определяется не только инженерными знаниями. Не буду же я утомлять Вас изложением того, что он, выпускник УГАТУ, имеет дело не только с математическими формулами, компьютерными технологиями или металлом, но и с людьми, он живет в обществе. Разумеется, нужно стремиться к оптимуму, разумеется, все должно быть в меру. Мера, (!) которая лежит, помним господина Гераклита, в основе мироздания.

Тут, может быть, нам нужно несколько уточнить содержание проблемы: что Вы имеете в виду, когда говорите «готовить кадры для социологии»? Мы не готовим из студентов социологов. Могу посоветовать найти время и походить по сайтам вузов России, чтобы убедиться, что даже в технических вузах с меньшим опытом, чем мы, готовят социологов: и бакалавров, и магистров, и с учеными степенями. А ко мне, когда были бюджетные места, поступали в аспирантуру выпускники Башгосуниверситета, учились у меня, участвовали в исследованиях, на полученных результатах готовили диссертации и защищались. Я их, между прочим, не зазывал, они сами приходили, писали заявление, сдавали экзамены и поступали в аспирантуру.

Мы преподаем курс социологии практически всем студентам УГАТУ, считая, что инженер должен знать и обязан понимать, что любые его технико-технологические деяния имеют человеческое измерение. Не подумайте, что я против математического моделирования и математических расчетов в социологии. Я говорю только о том, что все же не математика создала человека, а человек создал математику. Помним, что не нужно создавать себе кумира, но не можем не считаться с А. Пуанкаре, не все измеряется математикой.

Инженер должен понимать, что не только в социальной жизни, но и в природе не все поддается измерению. Пока, во всяком случае.

Я не очень понимаю Вас, когда спрашиваете «...*есть ли у нас специалисты, разрабатывающие современные социальные проблемы на базе передовых социологических концепций и методов?*» Может, этой частью вопроса Вы хотели меня, как говорится, «задеть», но я отвечаю: да, есть. Не считите за нескромность: на этой кафедре - это, например, я. И не потому, что мне нравится «якать». Я - заведующий кафедрой, доктор в моей науке, то есть профессионал уровня такой квалификации, которая соответствует сегодняшним требованиям времени. Уверен, что «завтра» будет и кафедра другая, и заведующий будет работать на базе других, «более передовых», как Вы пишете, социологических концепций и методов для своего времени. Без ложной скромности вынужден сказать, что я имею объем соответствующих теоретических знаний и практических навыков исследователя, которых недостаточно у других. Но у других есть такие компетенции, уровень которых выше, чем у меня. Плюс рядом еще два доктора наук. Плюс к этому профессора, работающие в составе других родственных кафедр. Мы - организация, т.е. мы имеем возможность дополнять друг друга в процессе работы. Когда ощущаю нужду, я призываю и других своих «выпускников», которых сегодня территориально нет рядом, но многие из них так же, как и я, в проблемах социологии. Когда нужно выполнить заказ, например, по анализу мнения населения республики по какой-то проблеме, мы можем одновременно выехать в 5-6 районов. Так и живем. Смысл управления кафедрой я как раз в том и вижу, чтобы получить требуемый эффект от «совокупного интеллекта», от развития и использования интеллектуального потенциала внутренней и внешней среды кафедры, являющейся элементом системы более высокого порядка.

Как заведующий кафедрой, я отвечаю за состояние дел на этом «участке фронта»: я «организовываю наступление», когда считаю, что это нужно и когда кафедра понимает это; я «организовываю оборону», когда считаю, что время пришло и кафедра воспринимает ситуацию так же, или примерно так же, как и я; иногда сижу в глубокой обороне... Но так расположились звезды: за 27 лет моей работы на этой должности вокруг нас, «во внешней среде», исчезло тысячи

кафедр, а моя кафедра живет и работает, слава Богам. Значит, она отвечает требованиям времени и по качеству работы, и надежностью методов, и полезностью полученных результатов. При этом обращаю Ваше внимание на то, что я продолжаю работать по заказу клиентов: они заказывают исследования, а я выполняю их заказ, я ищу ответы на их вопросы. А с современным заказчиком на уровне абстракций не обойдешься - ему нужна теория такого уровня, которая позволяет получить конкретный ответ на реальный вопрос, поставленный ему объективным миром, в котором он живет. Поэтому говорю, что я не «разрабатываю социальные проблемы», я провожу социологические исследования в организациях, в городах и селах по конкретным заказам, когда они сталкиваются с противоречиями и препятствиями на своем пути.

В качестве примера: недавно мы выполнили очень интересный заказ. Две организации - промышленного производства и учебно-научной сферы - выиграли грант государства, в котором была определена «большая научно-техническая проблема на не очень большую сумму». Задача состояла в том, чтобы создать продукт, который бы превосходил по качественным параметрам самые лучшие образцы, существующие в мире сегодня. У этих организаций был опыт совместной работы по традиционным видам деятельности, но не было опыта подобной предметной совместной работы, когда нужно соединить «ужа и ежа». Специалисты с необходимыми интеллектуальными возможностями и с разными компетенциями есть и у одних, и у других, но они на разных должностях и в разных структурах, с разными личностными особенностями, с разными интересами. Создание из этого «человеческого материала» единый творческий организм, способный решить поставленную грантодателем задачу, превратилась в отдельную проблему. Этот «организм» не вписывался в структуры традиционных отделов, кафедр, цехов и бригад, с которыми исполнители гранта привыкли работать. Тогда они пригласили меня, оформили соответствующий заказ на социологическое сопровождение проекта.

Желающих поработать в проекте было много, но при этом кому-то нужны были деньги, кому-то должность, кому-то имя, слава и т.д., а грантодателю

нужен был результат. Нам на начальном этапе нужно было помочь подобрать из большого числа людей специалистов с примерно с близкими целевыми установками, с интеллектуальным и творческим потенциалом требуемого уровня. А дальше задача состояла в том, чтобы помочь сблизить «их интересы» с «целью проекта». Известно же, что в подобных проектах цель всегда расщепляется. Продукт, создаваемый коллективом, в том виде, который нужен заказчику, никому из участников не нужен. Нужны возможности удовлетворить свои потребности.

Я создал свою исследовательскую группу, и мы помогли решить эти задачи. Поскольку цели грантодателя достигнуты, я считаю, что мы со своей задачей также справились успешно. Это я к тому, что имеющиеся в моем распоряжении «методы и концепции» позволяют решать и такие задачи, которые без натяжки можно отнести к новым.

Вы спрашиваете, ***«обеспечит ли наша библиотека студентов и преподавателей современной отечественной и зарубежной литературой?»*** Представьте себе, в сегодняшних условиях развития информационных технологий обеспечивает с лихвой. Есть же требования Минобрнауки России к этим показателям - к обеспеченности литературой, лабораториями и приборами в них, техникой и т.д. Когда надо, в библиотеке нашего университета студенты и преподаватели, а Ваш покорный слуга - не выходя из своего кабинета - спокойно могут работать в ресурсных базах многих зарубежных вузов. Есть по этому поводу соответствующие договоры.

Что касается ***«...передовых социологических концепций и методов...»***, о которых Вы спрашиваете, я в ответах на предыдущие вопросы частично уже касался их. Здесь только уточню один нюанс: выше я достаточно подробно описал свою жизнь в социологии. Если обратили внимание, я около 20 лет своей жизни работал в социологии на базе «самых передовых во всем мире» концепциях и методах, о которых Вы тоже, наверняка, помните и оспаривать эту «истину» не станете. Но вот ведь как получилось: однажды лег спать при этих «самых передовых во всем мире» концепциях и методах, а проснулся уже в

других условиях – львиную часть этого «самого передового» сдуло ветром истории. Поэтому я ко всему «передовому» отношусь, может быть, не с таким пиететом, как это чувствуется в Вашем вопросе, а более внимательно, почти так же, в какой степени почтительно отношусь ко всему «старому».

Жизнь научила.

Равиль, мы начали наше интервью 16 апреля, а сегодня – 15 сентября, таким образом, нашей беседе – точно 5 месяцев. Мы немного обсудили Ваш путь в социологию и направления Ваших исследований, Вы рассказали о развитии социологии в Башкортостане и о кафедре социологии, которой Вы руководите уже четверть века. Но мы совсем не поговорили о Вашей Республике, о ее истории и ее населении, религии и традициях. Конечно, было бы интересно обратиться к далекой истории, к становлению башкир как нации, но это – слишком далеко. Для меня главное - последние десятилетия – перестройка и последующие годы.

Много написано об истории Республики Башкортостан и нашими учеными, и учеными других стран. В частности, американец Алтон Доннелли написал книгу об **истории превращения Башкирии во «внутреннюю территорию» России**. Однако на самом деле башкиры **добровольно** вошли в состав России. Это произошло 460 лет тому назад: «**добрая воля**» была проявлена и со стороны батюшки-царя России, который после Казани не пошел «с огнем и мечом» захватывать земли башкирских племен; «**добрая воля**» была и со стороны этих самых племен, у которых хватило мудрости не вставать «в позу» и поехать в Москву со своими предложениями.

При большевиках Башкирия первой в стране уже в 1919 году получила автономию, и стала автономной советской социалистической республикой (БАССР). Много воды после этого утекло, много изменений произошло и в территории: она увеличилась, и в составе населения, и в социально-экономическом развитии, и в системе расселения населения и т.д.

Есть что почитать, и уверен, что читатель испытает истинное удовольствие от полученных знаний об истории Башкортостана любого периода. Совсем не потому, что «каждый кулик хвалит свое болото», меня, например, искренне занимает вопрос о том, как нашим предкам удалось остановиться в своем выборе на этой географической точке, где твой дом не разрушит землетрясениями и не смоет цунами, где есть в приемлемых пределах и зима со снегом, и лето со всеобщим цветением, и осень, как напоминание бренности всего, и весна, как пробуждение жизни... И находится Башкортостан на стыке двух материков - Европы и Азии, где, как говорится, соловьи по утрам поют для людей двух континентов. Очень удобное географическое положение - в центре России. Ее столица Уфа была в одно время даже столицей России. Идеальное место с точки зрения логистики: вам и железная дорога, и автомобильные, и водные, и воздушные - с аэропортом, который перестроен к саммитам ШОС и БРИКС в 2015-ом году, и теперь может принять и тяжелые воздушные суда разного класса, так что, передвигайтесь, на чем желаете....

Население более 4 миллионов, которое занимает территорию в три раза большую, чем Королевства Дании. Здесь по последней переписи проживают представители более 100 национальностей и этнических групп - русские, башкиры, татары и много других. У нас есть своя Конституция, Глава Республики, Правительство, Государственное собрание-Курултай, муниципальные органы власти. Здесь все как у людей.

Вы говорите, что Вас интересует Башкирия после перестройки. Мы так же, как и Россия в целом, и до, и после перестройки продолжаем блуждать в «четырех соснах»: работа, власть, собственность, совесть. Хотя, разумеется, за «перестроечные» и «постперестроечные» годы изменилось очень многое, но большинство у нас работать по-настоящему так пока и не научилось: подушевой ВРП у нас в несколько раз меньше, чем в той же Дании. С властью, примерно, то же самое: перестройка, которая была нужна, как Вы помните, закончилась развалом СССР, на самом краю оказалась и Россия. После того,

как организаторы «Беловежской пущи» доложили Президенту США (раньше, чем Президенту СССР) о том, что СССР, как субъект международного права, больше не существует, пришло время России. Видимо, о том, что это будет так, никто заблаговременно не думал, некому было рассчитывать и возможные последствия решений, касающихся судебных миллионов людей: как говорят, бумаги писались «в кустах» и подписывались «на коленях». Хотя, интерес за пределами страны, конечно, был: даже до Уфы доехал сам господин Петерсон, брал здесь интервью (в том числе и у меня) с вопросами о том, вернутся коммунисты или нет, развалится Россия или нет. Но она – Россия - это «Бермудский треугольник» для самых заманчивых идей любого масштаба, для самых грандиозных авантюристических планов и устремлений по ее захвату, по ее уничтожению в том числе.

Вслед за развалом Союза прошел очень даже реальный «парад суверенитетов» автономных национальных республик, которые приняли декларации о государственном суверенитете. Особенно четко чувствовался «запах гари» после заявления президента России в Уфе: «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». На исторически сложившемся и наличествующем уровне политической культуры, культуры организации труда и управления этот принцип государственного устройства, повалившись в местной вязкой грязи, очень скоро превратился в собственную противоположность. Дело в том, что словосочетание «берите суверенитета столько, сколько проглотите», если это продукт трезвого ума, возникший в соответствующих условиях, может быть воспринято как стремление к обеспечению принципа социальной справедливости в производстве, распределении и потреблении общественного богатства между «центром» и «периферией» социальной системы. А если иначе, если это продукт не очень трезвого ума и попадет в не очень трезвую голову, может стать источником разложения социальной системы, подтолкнуть и к тому, что называется сегодня экстремизмом. А последних, хотя и не так много, но можно найти в

любом обществе и, если организовать, можно их руками наломать немало дров.

Политико-административные и финансово-экономические ресурсы страны в те «предперестроечные» годы распределялись, условно говоря, в пропорции 70 на 30 в пользу центра, т.е. ресурсы накапливались в центре, а нерешенные жизненные проблемы населения накапливались на местах, на уровне местных муниципалитетов и региона, где люди работают, где справно платят налоги, но им постоянно приходится сталкиваться с необходимостью решать насущные проблемы выживания.

За годы «суверенизации» это соотношение дошло примерно до 80 на 20 в пользу периферии. Это было бы здорово, если бы средства пошли на создание высокотехнологичных рабочих мест, на развитие рабочей силы и труда, на развитие предпринимательства и на формирование соответствующей системы управления... К великому сожалению, жизнь страны пошла по пути формирования олигархии со всеми отсюда вытекающими социально-экономическими, политическими и духовными последствиями. По-другому и не могло быть в силу множества обстоятельств и факторов, как говорится, объективного и субъективного характера. Для краткости остановлюсь только на двух из них.

Во-первых, эти процессы, как переход целого государства «от капитализма к социализму», а затем обратно – «от социализма к капитализму» - в сущности своей происходили впервые в истории страны: никто не додумался даже примерно расписать, как это все может протекать, с какими проблемами общество столкнется и как эти проблемы должны будут решаться; никто и не пытался изначально попробовать, как это модно говорить, смоделировать, хотя бы на уровне жизненных ориентиров, прежде чем начинать крушить все подряд. Разумеется, как это постоянно происходит, многие начали рассуждать «задним умом» о том, кому и как надо было бы поступать. Но все это было уже *post faktum*.

Во-вторых, может быть, самое главное и заключается в том, что все происходящее «упало на головы» людей, привыкших во всем жить по указке власти, которые в большинстве своем почти на генетическом уровне готовы были безмолвно принять любые «указания партии и правительства». Совершенно не продуманное (или, наоборот, слишком хорошо продуманное) решение о необходимости перестройки спустилось «сверху вниз» именно как указание партии. Среди высшего руководства были люди, которые видели главной целью своей жизни борьбу против этой самой партии и государства, не выполнить которого было нельзя по определению. И все дружно ринулись. Но поскольку прорабы перестройки всевозможными методами внедряли в сознание граждан представление о том, что все беды от общественной собственности и от КПСС, все начали растаскивать эту партию (а другой просто не было) и это «всеобщее зло» - общественную собственность, которая фактически была государственной. Последнее и облегчило возможность, с одной стороны, воровским кланам и жульническим группировкам легализовать годами подпольно накопленные ими средства в качестве начального капитала под общим лозунгом «куй железо, пока горячо - делай деньги, пока Горбачев»; с другой стороны, государственные служащие, руководители государственных предприятий и организаций получили «законную» возможность самыми разными способами овладевать этой собственностью или передавать ее членам своей семьи, родственникам и друзьям.

Все это затем привело к самому опасному для страны явлению - основным источником богатства человека и общества стал не труд, а связи с властью имущими и воровскими кланами.

Когда состоялся парад суверенитетов в России, мне помнится, одна из самых острых ситуаций была в Татарстане. Это верно? Если это так и было, то в чем причина той ситуации? К настоящему моменту эта проблема «рассосалась» или в республике есть заметные политические

движения, выступающие за выход из РФ? А как дело обстоит в Башкортостане?

Это верно, если не принимать во внимание того, что было в Чечне и на некоторых других территориях. Условия во всех автономных образованиях были примерно одинаковы и созданы они были несколькими факторами. Представитель каждой науки обрисует это по-своему исходя из предметной области своей науки. С позиции социологии назову (разумеется, опять схематично и без деталей) только некоторые из них.

Во-первых, исторически СССР был создан как союз иерархически выстроенных национальных территориальных образований: в нем на «высшем» уровне находились «союзные республики», этажом ниже – «автономные республики», затем «автономные области» и т.д. Это отражалось в распределении общественных благ. Союзные Республики оказывались здесь в более выгодном положении, и это заметно проявлялось во всем, особенно остро в уровне жизни людей, в распределении продуктов питания (*когда, например, у нас в Уфе складывалась сложная ситуация с обеспечением мясными продуктами, я лично возил домой мясо из Москвы, из Риги, из Киева и т.д., хотя у нас в Башкортостане оно производилось и поставлялось в закрома государства в немалых объемах. Запомнился эпизод в Риге: я пришел в магазин, а там мясо на выбор свободно лежит на прилавке и всего пара покупателей – небывалая в Уфе ситуация.*

Подошел к продавцу, и у нас получился такой диалог:

- ...мне, пожалуйста, мяса...

- ...сколько вам? Какого?

- ...10 кг., пожалуйста...

- ...ой...пожалуйста...но... ..зачем столько мяса?

- ...мне домой надо вести, в Уфу...

- ...в Уфу...а что, там нет мяса? По телевизору показали же недавно, что у вас там лошади табунами ходят, ...коровы...

- ...не ходить же им по Риге...

«...Конечно», - сказала она, понимая кивнув. Видимо, довольная тем, что по Риге не ходят коровы из Башкортостана, завернула мне упакованного мяса, и я поехал в аэропорт.

Еще интереснее получилось в Вильнюсе. В такой же ситуации на аналогичную мою просьбу удивленная продавщица высказалась: «Как так... оттуда же к нам поставляют мяса...»

Разумеется, нельзя все сводить к мясной продукции и даже к продуктам питания. Проблем было много. Поэтому, условно говоря, на первом этапе требование автономных республик заключалось в том, чтобы получить равные права с союзными республиками. Эта простая, понятная и близкая к социальной справедливости формула и была поддержана практически всеми слоями населения в автономных республиках. Социальная справедливость - это закон всемирного тяготения в социальной жизни.

Во-вторых, это результат гипертрофированного стремления «центра» осчастливить население путем единственно правильного управления буквально всеми процессами во всех периферийных социально-территориальных общностях людей, заселяющих эту огромную территорию, в условиях ограниченных материальных и интеллектуальных ресурсов. На деле это выглядело как принудительное складирование ресурсов, выкаченных из «периферии» в «центр», и распределение их в обратном направлении по усмотрению чиновников по только им известным основаниям.

На практике это происходило так: из общего богатства СССР, создаваемого всем населением, сначала куски из «общего пирога» выделялись на Союзные Республики, затем эти куски в Союзных Республиках делились Автономным Республикам в них; затем куски автономий делились следующим территориальным образованиям этажом ниже. Помните, наверное, время от времени в стране происходили «громкие дела» такие, как, например, «хлопковое дело», «Елисеевский магазин» и т.д., которые отражали ситуацию, когда большая часть выделенного на республику «пирога» доставалась

чиновникам и некоторым другим представителям «элиты» сначала в «центре» республики, затем в «центре» области, затем в «центре» района и т.д.

Ситуация была практически одинаковой, а «острота ситуации» зависела от того, как заинтересованная сторона умело маневрировала между «молотом» и «наковальней», манипулируя сознанием и «верхов», и «низов» в интересах узкого круга людей, действующих от имени населения и называемых «элитой». Наиболее сильнодействующим аргументом здесь выступала идея суверенитета, которая в «нужное время» и «на нужное время» была реализована в «национальных республиках». Но не только. Активно муссировалась, например, возможность создания Уральской Республики с центром в Екатеринбурге. Почему бы нет? Местная «элита во главе с губернатором», когда-то вскормленная и взращенная для службы народу, наевшая на этой «службе народу» необходимого сальца и набравшая хамства, почувствовавшая свое превосходства над «чернью», становится полноправным хозяином «собственного суверенного государства», «субъектом международного права», начинает участвовать в международных мероприятиях наравне с королями, президентами... То есть, «суверенное государство» становится собственностью местной элиты. Раньше он, предводитель этой элиты, с протянутой рукой ходил в «центре», а теперь его там будут принимать как «главу суверенного государства». Очень даже заманчиво... А что со страной, с его многострадальным народом? Кого это волнует? Вышли же из СССР республики и стали суверенными государствами со всеми вытекающими отсюда последствиями для местных элит, вопреки мнению народов этих республик, которые проголосовали на референдуме против выхода из СССР. Никто в мире «ни сильные мира сего», ни «слабые» даже пальцем не пошевелили в адрес покушавшихся на единство государства, даже виду не подали, ни то, что в случае с каталонцами сегодня. Можно было предвидеть результат - ни одна из этих «субъектов международного права» не достигла за эти годы доперестроечного уровня социального развития... Нет и обещанных темпов развития уровня валового продукта на душу населения ... А кто будет

смотреть на эту «душу?» Из тени бы суметь вывести хотя бы половину экономики, и то стало бы легче жить...

В-третьих, в условиях паралича прежней политической власти в стране, который неминуемо потащил за собой сложности в системе экономических отношений, все проблемы регионов свалились на плечи региональной власти, а вместе с проблемами упала в руки и вся полнота власти: своя Конституция, законодательные и исполнительные органы, своя экономика, своя политика, свои силовые структуры, свои же бандформирования, свои проблемы и свое видение способов их решения. В этих условиях «грех» было бы региональной власти не использовать весь этот арсенал возможностей в определении отношений с чиновничеством центра, которое и не умело, и не имело желания заниматься решением проблем населения регионов.

Здесь нужно очень внимательно отнестись клубку проблем фундаментального характера - к противоречиям между «вчерашним», «сегодняшним» и «завтрашним» в социальной системе. Это почему-то игнорируется всегда, когда пытаются анализировать сегодняшние проблемы, будь это на уровне страны, региона, отдельной семьи или даже человека. Разумеется, их нельзя отождествлять. Но принципиальное общее нельзя игнорировать тоже. Наше «сегодняшнее» - это отчасти наше «вчерашнее», а в этом «сегодняшнем» ростки нашего «завтрашнего». Какие бы мы ни взяли процессы или явления социальной жизни, мы найдем эту «триаду». В системе управления, например, сегодняшние чиновники пытаются разруливать то, что было «заложено» (или подложено) их предшественниками «вчера»; плодами того, что будет заложено сегодняшними, будут «кормиться» следующие поколения на самых разных уровнях управления.

Причем, «плоды» эти могут быть и «горькими», и «сладкими». Например, решением властных структур однажды было совершено грубое вмешательство в ход исторического развития села в стране, была произведена коллективизация крестьянских хозяйств в целях беспрецедентной их эксплуатации государством. Со временем следующим поколением власть

имущих было принято еще более «грандиозное» решение - издан Указ президента России, в соответствии с которым колхозы срочным образом должны были быть распущены. Эти хождения «слона в посудной лавке» привели не только на селе, но и во всем обществе к таким социальным последствиям, организация преодоления которых легла на плечи следующих поколений чиновников. Если им, этим поколениям чиновников, удастся найти требуемые формы организации жизни и деятельности людей, в лучах славы по их положительным результатам будут греться уже те, кто придет им взамен «завтра». А если и вправду «история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй - в виде фарса», это могут быть и те, кто спит и видит себя у власти, и использует сегодняшнее состояние дел здесь в качестве благодатного основания для обвинений сегодняшних чиновников в развале аграрного сектора экономики. Хотя процесс развала запущен непродуманными управленческими решениями предыдущих руководителей еще «вчера» и «позавчера».

В-четвертых, это «третьи силы», которые активно поддерживали соответствующие настроения извне финансами, «консультантами», «советниками», оружием, продуктами, необходимой литературой и т.д. Недополученное со стороны «своего центра» внимание компенсировалось усиленным вниманием со стороны «зарубежных центров» в самых разных и разноцветных упаковках, пропитывая подготовленную почву. В горах Кавказа, например, регулярно находили укрепленные по всем правилам военного времени базы боевиков, где хранился целый арсенал оружия, боеприпасов, продуктов, рассчитанных на многочисленные отряды, до сих пор в разных уголках страны находят незаконно существующие оружия и т.д.

Сегодня ситуация в стране во многом отличается от ситуации тех времен. Какие-то проблемы страны решены, какие-то проблемы решаются, в том числе, используя Ваше выражение, «*рассосалась*» и проблема «суверенизации» территорий внутри страны, поскольку в основе основ находилась объективная возможность, которая превращалась в реальность с активным использованием приемов банальной ситуационной спекуляции вокруг принципов социальной

справедливости и равенства, игнорируя элементарные законы существования социальных систем, где не может быть полной независимости, как и нет и не может быть полной зависимости элементов. (У нас, на многие годы заикленных на проблемах классового неравенства, не хватило внимания на анализ других видов неравенства, которые в обществе объективно появляются под воздействием множества других факторов, в том числе, например, территориального разделения труда. В отечественной социологии соответствующие работы социологов начали появляться в 70-е годы прошлого века, а официально необходимость выравнивания социальных различий в территориальном плане была признана, если мне память не изменяет, только на 26-м съезде КПСС.)

Есть взаимозависимость людей, вызванная объективной необходимостью взаимодействия, эффективность которого напрямую зависит от оптимального соотношения «независимости и зависимости», к которому и нужно стремиться. Трудно себе представить, находясь в здравом уме, «не зависимую» в чем-то социально-территориальную общность людей, находящуюся внутри целостного государственного образования, где объективно существует взаимодействие социально-территориальных общностей людей во всех областях хозяйственно-экономических, политико-правовых, духовно-культурных и социальных отношений, независимо от этнических ли, конфессиональных ли, социально-демографических ли особенностей.

Больше того, мы сегодня, живя в Башкортостане, как я уже говорил, в центре России, едим бананы из Африки, ели даже «ножки Буша» из США, катаемся на автомобилях из Японии, Германии, пользуемся электроникой из Китая и Кореи, носим обувь из Италии, пьем вино из Франции, носим шубы из Турции, из ОАЭ, пьем чай из Индии, одариваем любимых цветами из Голландии, читаем издания и смотрим каналы из многих стран мира и т.д. то есть активно пользуемся «плодами» взаимодействия людей на уровне разных государств из разных континентов. Правда и то, что некоторые из этих «плодов» оказываются с определенным «запахом». Это уже другая проблема.

Знаем и помним, что всегда у всех народов есть свои 1-2 процента людей, которым нравится возможность «выбиваться» из ряда, им нет разницы, на каких проблемах «выезжать», лишь бы платили деньги. И всегда есть люди, готовые их использовать в своих корыстных интересах. Нет-нет да читаю сообщения в СМИ о том, что в каком-то городе какие-то молодые люди распространяли литературу «экстремистского толка», где-то у кого-то обнаружили незаконное хранение оружия и т.д. У нас в Республике тоже были и есть национальные и национально-культурные объединения разных народов, есть Ассамблея народов Башкортостана и Конгресс башкирского народа. В разной степени успешности они использовались в те годы, когда нужно было «центру» демонстрировать то, «как тяжело власти на местах справляться с ситуацией, когда люди стремятся получить национальный суверенитет» и как мудро поступает руководство здесь на уровне республики, отстаивая единство России. Но все это закончилось тем, что финансовые потоки практически от всех основных производственных мощностей правдами-неправдами «ушли» из-под влияния Республики, и контролируются, в основном, силами из «центра», создавая совершенно другие проблемы. Новые хозяева основных средств производства, например, топливно-энергетического комплекса, находятся за пределами республики (кто в Москве, а кто и далече), доверив своим ставленникам здесь управление финансовыми потоками. Мне говорят, что они платят налоги, выполняют какие-то программы социальной направленности и т.д. Верю, что так оно и есть. Но есть и другое: зачастую прибыли и сверхприбыли получают за счет эксплуатации дешевой и пока еще квалифицированной рабочей силы, на воспроизводство и на развитие смены которой они тратят средства, не покрывающие даже незначительную часть из того, что нужно для обеспечения, требуемого «мировыми стандартами» уровня.

Живя в окружении людей, озабоченных качественно новыми проблемами, я не могу припомнить сегодня наличие в Башкортостане каких-либо «заметных *политических* движений, выступающих за выход из РФ». Но это не говорит о том, что нет никаких проблем.

Повторюсь, только в качестве примера: в последние годы мы ищем ответ на вопрос заказчика (правительства республики) о том, условно говоря, почему из бюджета государства приходится тратить большие средства на здравоохранение, а смертность по каким-то группам болезней снижается, но по каким-то группам, наоборот; в каком-то городе снижается, а в каком-то нет... Какие социальные факторы в какой степени «определяют погоду» здесь и т.д. Как известно, в стране в целом, и в нашей республике в частности, существуют проблемы с качеством и количеством воспроизводства населения.

Надо же еще учесть, что в учреждениях медицины, так же, как и в каждой организации, есть свои «сейфы», куда имеют ключи только первые лица;

- «потайные шкафы со скелетами», двери которых поддаются только среднему звену управленческой иерархии- куда нет доступа у даже самого благожелательного социолога;

- есть закоулки, доступные «низам».

Социологу лучше не заглядывать ни в эти сейфы, ни в эти закоулки, если он хочет получать объективную картину о социальном организме этого учреждения. В здравоохранении есть же еще и свои мифы, например, о врачебной тайне, которая днями усердно демонстрирует верность многовековой медицинской чести, а ночи проводит с «народной медициной». И к этим явлениям социологу тоже нужно подходить в средствах индивидуальной защиты или, как минимум, в резиновых перчатках. Понятно, что в данном случае не их содержимое нас интересует. Для нас на данном этапе важно отражение в сознании медперсонала, руководителей и пациентов мозаичной картины социального мира системы здравоохранения. Социолог - исключительный, единственный в том смысле, что он представитель той науки, которая позволяет приоткрыть завесу над бесценными сокровищами, пылящимися в потайных уголках черепной коробки природы, наделенной сознанием.

Время от времени то обостряется, то становится острой и болезненной проблема родных языков, и это далеко не только проблема для нашей республики. Известно, что по данным международных исследовательских организаций в каждую неделю в мире исчезает один язык. Поэтому беспокойство носителей языков о судьбе своего родного языка вполне понятно. Однако объективные процессы, которыми характеризуется сегодняшний мир, мир информатизации, глобализации, взаимопроникновения культур и взаимовлияния языков, являются факторами, усложняющими отношения между носителями по поводу положения языков в обществе: чем меньше число носителей языка, тем больше проблем с дальнейшим сохранением языка. Особенно в полиэтническом обществе ярко проявляется процесс сужения пространства «использования» языков, чему объективно способствует углубление (усложнение) разделения и кооперирования труда. Родной язык, и не только малочисленных народов, все больше становится языком общения в семье, бытовым языком. Если раньше, скажем, носитель татарского языка весь процесс производства, реализации и потребления, например, говядины, мог пройти на родном языке, то теперь он на всех этапах общается с носителями других языков: начиная со строительства коровника, в процессах заготовки кормов, ухода за животными, переработки мяса, при перевозке и реализации товара он взаимодействует с носителями самых разных языков. Место общения на родном языке у него ограничивается в лучшем случае его кухней, домом.

Башкортостан – многонациональная и многоконфессиональная республика, ведущая религия – суннитская ветвь ислама. Мне приходится многое читать в российской и американской прессе о росте мусульманского терроризма, о мощной мусульманской миграции в Западную Европу и заметной мусульманизации населения и культуры ряда даже Скандинавских стран. В России часто пишут о мусульманских бандформированиях в Чечне и Дагестане, и власти шариата и пр. В моем представлении, Башкортостан – одна из территорий России, где религиозные процессы развиваются в

достаточно спокойной, светской форме. Так ли это? Если так, то каким образом религиозным и государственным лидерам удастся гармонизировать эту сферу социальных отношений?

У нас не принято делить религии на «ведущих» и «ведомых». Позвольте с Вами не согласиться и в той части, когда Вы выделяете «мусульманский» терроризм, что мне кажется позицией ошибочной. Во-первых, «терроризм» в сущности нельзя относить к «религии» как с точки зрения причин, его вызывающих, так и по составу «спонсоров», поддерживающих террористов, или непосредственных участников. Во-вторых, я, например, читал, что в составе террористов, действующих в России перед революцией 1905 года, были люди разных национальностей и вероисповеданий, в том числе и русские. Однако не называют тот террор русским.

Что касается Башкортостана сегодня, Вы правы – это действительно одна из многих территорий России, где религиозные отношения сегодня находятся в достаточно спокойном состоянии. Результаты опросов общественного мнения, проводимых разными социологами по вопросам состояния межнациональных отношений, показывают, что около 90% респондентов оценивают их как спокойные. Есть ли другие, которые считают иначе? Есть. Их по любым проблемам, как мы знаем, в обычной ситуации около 1-2 % получается.

«Каким образом религиозным и государственным лидерам удастся гармонизировать эту сферу социальных отношений», на этот вопрос можно было бы получить содержательный ответ, задав его именно им - религиозным и государственным лидерам. Я же, как «третья сторона», могу лишь с удовлетворением подтвердить сегодня существование определенного мира в этих отношениях. Да, разумеется, не всегда это было так.

Я мог бы ответить на этот вопрос по теории П. Сорокина: «...нет национальных проблем и национального неравенства, а есть общая проблема неравенства...» Но реальная жизнь гораздо сложнее даже самых продвинутых теорий: в многонациональных социально-территориальных общностях она

состоит сплошь из проблем, в том числе и национальных. Все дело в том, какова структура этих проблем, в чем они проявляются, как они накапливаются и как разрешаются: одно дело, если мы говорим о национальных отношениях и о национальной политике, основанной на научных знаниях, а не на попытках реализации политических целей с помощью спекуляций с использованием национальных различий между людьми, совсем иную картину получим на бытовом уровне. У нас, в стране в целом и, в Башкортостане в частности, национальные отношения и понимание этих проблем, проявление этих проблем и представления о путях разрешения возникающих противоречий находились в постоянном движении, переживая разные этапы с присущими им особенностями.

Во-первых, в истории России зафиксированы периоды крупных выступлений (восстаний) в том числе и на основе межнациональных отношений; но в целом если взять, то мы должны согласиться с реальностью жизни: Россия живет и будет жить как единая страна. Я – татарин. У моего народа, как и у любого другого, есть свой язык, своя история и культура, свой след в истории и историческая судьба у нас своя. При этом объективно мы живем в России вместе с представителями самых разных национально-этнических групп населения, разделяя с ними все, что выпало на долю страны.

Во-вторых, во времена переходного периода от «царизма» к «большевизму» молодой неокрепшей власти нужно было перетянуть в свою сторону как можно больше угнетенных, несогласных и бесправных, обиженных людей, поэтому национальный вопрос занимал одно из центральных позиций в политике большевиков.

В-третьих, на раннем этапе строительства социализма «лес рубили, а щепки летели» во все стороны: маленькая ложь, попав в большую правду, способна превратить ее в большую ложь.

В-четвертых, в период «победившего социализма» было объявлено, что национальный вопрос решен.

В-пятых, в годы «развитого социализма» национальные отношения окончательно были загнаны на уровень кухни для обсуждения их во время

ужина (а прием пищи перед сном - это к кошмарам во сне), национальный вопрос обрел форму «бытового национализма».

В-шестых, в период перестройки, как в стране в целом, так же и у нас в республике, «бытовой национализм», вышел из кухни на улицы и площади и заявил о себе во весь голос. При этом:

- часть населения придерживалась представления о том, что национальный вопрос в стране решен;

- часть людей специализировалась на том, чтобы из старых шкафов вытаскивать все реальные и выдуманные скелеты проблем из истории отношений между людьми разных национальностей и целыми народами;

- часть людей почувствовал «запах шанса» получить **«вид на значимость»**, а то и на признание среди себе подобных даже на одних только разговорах о национальном равенстве/неравенстве.

Был момент, когда открытая ложь и элементарная безграмотность, затаенная злоба за собственные неудачи в жизни, преподнесенные в «этнической упаковке», начали восприниматься определенной категорией людей как правда. Начали, например, поштучно считать, сколько представителей русских, башкир, татар, других национальностей занимает управленческие должности и выявлять здесь диспропорции. Не может же быть так, чтобы никому из этих «аналитиков» не приходило в голову понимание абсурдности самой постановки проблемы, того, что если даже все управленческие должности занять частью представителей одной национальности, осчастливить всех не удастся: «управленческая должность» и «счастье» людей, как не крути, – это разные социальные сущности. Если так, значит, были все же попытки использовать «национальный вопрос» в качестве инструмента, если и не разжигания ненависти, то противопоставления этнических групп населения в своих корыстных интересах.

В содержание появляющихся в те дни многочисленных «концепций» и «платформ» разных политических партий и движений по национальным отношениям практически уже никто не вникал. На уровне обыденного сознания

национальный вопрос продолжал оставаться в зоне «брожения». А когда поры несколько открылись, страна получила соответствующий продукт брожения. Накопленное годами выстрелило, что закончилось в конечном счете развалом СССР. Осталось только горькое признание на развалинах великой державы: «целились в КПСС, а поразили Родину».

Что Вы могли бы сказать о сегодняшнем состоянии отношений между религиозными и светскими институтами?

Сегодня, как в словах, так и в делах представителей государства и религий, я наблюдаю в целом разумный, преимущественно деловой и уважительный настрой в отношении к проблемам, к людям, касается ли это верующих или религиозных и государственных деятелей.

У нас здесь, на территории Башкортостана, накоплен богатый исторический опыт организации межконфессиональных отношений. В Уфе, например, находится Центральное духовное управление мусульман России, которое было учреждено еще Екатериной II, пережило разные ситуации в межконфессиональных отношениях, в том числе и в период воинствующего атеизма. В постсоветский период здесь произошли существенные изменения в пользу религиозных организаций: в частности, открыт Исламский университет. Верховный муфтий говорит, что за постсоветский период в Республике построено более 1000 мечетей, растет число верующих... Здесь в Уфе находится также Башкортостанская митрополия Русской Православной Церкви; здесь в свое время служил Вере и Правде родной дедушка Святейшего патриарха Кирилла...

Это я к тому, что у нас хотя и светское общество, но религиозные деятели активно участвуют в жизни общества. Сегодня практически нет того отторжения религии - не верующими, как это было в Советское время, с одной стороны, и коммунистической идеи - верующими, с другой. Религиозные деятели сотрудничают с работниками властных органов; с другой стороны,

многие из бывших советских и партийных работников становятся религиозными деятелями, на деле убеждая меня в том, как «...неисповедимы пути Господни...». Я, например, лично знаю бывших партийных и советских руководителей разного уровня, среди которых и бывший член Башкирского обкома КПСС, и директор советской средней школы, где под его чутким руководством десятилетиями обеспечивалось воспитание детей на основе морального кодекса строителей коммунизма, и бывший инженер, и руководителей разного уровня, и силовиков, и бывший алкоголик, и бывший жулик, отсидевший срок, и т.д., которые успешно выполняют сегодня роль религиозных служителей.

Многовековую историю совместной жизнедеятельности разных этнических и религиозных групп населения на этой территории можно представить себе как результат сплетения самых разных отношений между ними в поисках социальной справедливости. К сегодняшнему дню они пришли, как мне представляется, с бóльшим пониманием того, что даже не очень крепкий мир в отношениях между людьми лучше, чем война, от которой в конечном счете всем достается очень крепко.

Много у нас **межнациональных браков**: у меня лично в родственных ко мне отношениях в разной степени близости находятся дети, родившиеся в семьях, созданных татарами совместно с башкирами, русскими, украинцами, немцами, французами и т.д. Это только те, кого я знаю. Я хоть и мусульманин, но не считаю себя «солдатом» Верховного муфтия. Однако прошу Всевышнего (рассчитывая на то, что он услышит) помочь каждому из этих детей прожить свою жизнь достойно, по-человечески, независимо от того, к какой вере они будут относить себя.

Такие семьи с детьми, рожденными в любви друг -другу людей разных национальностей и разного вероисповедания, это далеко не только у меня. Однако и здесь есть свои «но»: все младенцы пахнут одинаково неповторимо-чудесно, пока за ними не начнут ухаживать родители со своими представлениями о том, что такое «чистое» и что такое «грязное». С одной

стороны, такие браки тоже способствует формированию чувства уважения людей друг к другу; с другой стороны, представители «национальных движений» видят в этом признаки ассимиляции этносов. Однако «...опыт, сын ошибок трудных...», показывает, что мы здесь находимся на улице с двусторонним движением. Например, один мой студент нарисовал шэжере (генеологическое древо) своего рода-племени и получил такую картину: когда-то еще до революции 1917-го года на территории нынешнего Белорецкого района Башкортостана один еврей держал мельницу, его сын женился на украинке и далее... в наше время появился на свет наш студент - автор шэжере - башкир по национальности.

Разумеется, это нельзя распространять на всех. Тем не менее, в той же мере, как и пример студента, сегодняшнее состояние межконфессиональных отношений здесь является совокупным результатом исторически сложившихся переплетений культур и житейского опыта народов, проживающих на этой территории. Думается, что в существующих условиях верующим объективно есть чем дорожить, есть что оберегать совместными усилиями, не зависимо от вероисповеданий. В целом, я испытываю вполне определенное чувство удовлетворенности тем, что сегодня в этих отношениях превалирует терпимость. Но считаю, что религиозные отношения, так же, как и национально-этнические отношения – это настолько тонкие материи, что манипулировать сознанием людей на этом поле гораздо легче, чем на любом другом. Помним, что все самые гнусные события в истории происходили именно с использованием этих факторов и, конечно же, надо, чтобы было хотя бы 30 сребреников.

***Ваша Республика - рай для жизни, почти бесконфликтное общество...
буквально - островок покоя в бушующем океане...***

Вот в чем я уверен, так это в том, что рая нет ни на Земле, ни на небесах, так же, как и бесконфликтных обществ. У нас в республике рая тоже нет.

Что есть? Есть многострадальное население, которое в течение **первой половины прошлого века:**

- пережило первую мировую войну;
- участвовало в подготовке и совершении двух революций;
- затем поубивало друг- друга в многолетней гражданской войне;
- пережило индустриализацию и коллективизацию, перевернув весь исторически сложившейся уклад своей жизни;
- пережило Великую Отечественную войну с самыми великими за всю свою историю потерями человеческих жизней, материальных и духовных ценностей;
- попутно «сняло знаменитые лапти», создало современную систему образования и здравоохранения, стало составной частью космической державы...

Всю вторую половину века:

- занималось излечением физических и душевных ран, полученных за первую половину века;
- потом взялось за «излечение» болезней в системе общественных отношений;
- затем занялось «выпрямлением искривлений» в организации своей повседневной жизнедеятельности...

Сегодня: находится в активном поиске единственно верной и абсолютно прямой дороги к всеобщему счастливому будущему. А оно – счастливое будущее – всегда ведет себя как горизонт, каждый раз, по мере приближения к нему, отдаляется все дальше и дальше. Прежде всего потому, что у каждого нового поколения людей в обществе свое, новое представление об счастье, которое не сводится только к уровню ВВП или количеству денег.

При всем этом многострадальное население моей республики сохранило силу духа и уверенность в том, что отложенное на время великих свершений счастливое будущее обязательно наступит: молодые найдут себе верных спутников жизни и создадут счастливые семьи, родятся счастливые дети, пойдут

в школы, на работу, тоже в свою очередь счастливо проживут свою жизнь. Я верю в это. Во всяком случае, население наше этого заслужило в полной мере. Во всем этом и по многим другим показателям наша республика - среднероссийская социально-территориальная общность людей – с верой и неверием, с любовью и ненавистью, с богатством и бедностью, с дружбой и предательством, с отвратительным и прекрасным, с трагическим и комическим одновременно.

Я в курсе того, что «независимые социологические группки» ходят с вопросами, выйдут ли респонденты на улицу с протестом или нет. Если за деньги - найдется, кому всучить заранее заготовленные транспаранты. Чтобы все требования «народа» были предельно транспарентны. Будут ли «ворчать» каждый у себя на кухне, недовольные тем, что зарплаты маленькие, а расходы все растут; замучило жилищно-коммунальное хозяйство, руководители которого все увеличивают и увеличивают оплату услуг... растут цены на бензин...? Да, ворчат и будут ворчать. Создать для «борьбы с каким угодно из этих зол» политическое движение и выйти на улицу с плакатами? «Да, никогда!»- скажет подавляющее большинство. Стыд-то какой! Что соседи скажут? Коллеги по работе? До начальства дойдет... По телевизору покажут... Любимая откажется выйти замуж, скажет-скандалист... Да и погода у нас... зимой холодно, весной и осенью слякоть, летом - дел непроворот: и солнцу надо успеть показать свое усталое тело, и на даче надо копать, успокоить свою душу. Это относится к большинству.

Да, но вот я прочитал недавно в интернете, что в Уфе люди вышли на улицу, провели митинг...

Опять же, до 1-2 процента Вы найдете в любом народе, в любом государстве, которых можно при желании организовать и вывести на улицу. Были бы спонсоры. А деньги можно «упаковать в кошелек любого цвета». Да, я тоже читал о том, что осенью этого года был организован митинг оппозиции.

Организаторы назвали около 400 человек участников, а полиция говорит около 300, т.е. это около 0,01 проц. от четырех миллионов. Знающие языки говорят, что как минимум треть присутствующих на площади были полицейские, обеспечивающие безопасность, и «вежливые люди».

Я обратил внимание именно на количество участников и на лозунги, которые всучили им в руки организаторы. Не говоря уже о ярко выраженном провокационном характере лозунгов, налицо грубая фальсификация роли нынешних властей в положении башкирского языка в республике, направленная прежде всего на удовлетворение интересов «спонсоров» мероприятия. Но никак не на улучшение позиции башкирского языка или любых других языков.

Во-первых, проблема языков в обществе из разряда таких, которые ну никак невозможно, если исходить из разумного, ни обсуждать, ни тем более решать на улице, на митингах.

Во-вторых, известно, что башкирский язык вместе с некоторыми другими языками народов России, включен еще в 2009 году экспертами ЮНЕСКО ООН в число языков, находящихся в зоне риска. Тогда еще и разговоров не было о том, что Р.З. Хамитов будет Главой республики.

А есть другие лозунги?

Есть и другие. Например, еще более удивительный лозунг: «Республика заслуживает более достойного руководителя». Интересно бы задать вопрос организаторам, а какой он «достойный руководитель»? Какие критерии измерения? И самое интересное - каким образом участники митинга собираются определять эти необходимые «достоинства»? Известная примитивная попытка манипулирования сознанием людей.

Не нужно быть социологом, чтобы понимать, что в любом обществе, в любой социальной системе есть сложности в отношениях между людьми, будь это семья, трудовая организация, общество в целом. И есть социальные раздражители разной природы. Нужно разумно к ним подходить, посмотреть в

корень тех вещей и явлений, которые сегодня выступают в качестве раздражителей. Часть из них корнями уходят еще в досоветский период развития, которые просто-напросто игнорировались. До разрешения многих из этих противоречий в советское время «руки не доходили», не хватило ресурсов, времени и ума. Есть так называемые противоречия системного характера, которые присущи любой социальной системе. Наконец, в любом обществе есть проблемы, касающиеся интересов разных демографических, профессиональных и социальных групп населения,

- некоторые из них поддаются решению;
- некоторые могут быть решены частично;
- но есть и такие, которые в сегодняшних условиях развития не могут быть решены в принципе.

Кто-то сам сосредотачивается на отрицательном, кого-то направляют другие, когда интересы расходятся. Сказано же: «... геометрические аксиомы опровергаются, когда касаются интересов людей». Я, например, вижу и положительные результаты, достижение которых принципиально важно для обеспечения жизненных перспектив. В частности, если посмотреть на динамику социально-демографических процессов не за месяц и за год, а за последние годы:

- сокращается смертность населения по внешним причинам;
- практически сведена на нет материнская смертность;
- в два раза сократилось число убийств;
- сокращается количество аборт;
- устойчиво растет ожидаемая продолжительность жизни населения;
- в два раза сократилась младенческая смертность;
- в два раза снизилось количество самоубийств;
- растет производство сельхозпродукции...

Разумеется, много что здесь предстоит сделать. Но, если сокращается смертность среди детей и растет производство хлеба - значит, жизнь улучшается. Несмотря ни на что.

Каковы Ваши предположения, люди и в дальнейшем будут устраивать демонстрации?

Будем исходить из того, что у нас проводить собрания, митинги, демонстрации – это конституционное право граждан. И я говорю о митингах не с точки зрения правомочности, а о «форме» и «содержании». Они были и наверняка будут в дальнейшем. Проблема в том, чтобы по содержанию они были позитивными и проходили цивилизованно. От «демонстрации» до «скопления», от «скопления» до «толпы», а от «толпы» до «стадо», когда человек теряет свое человеческое, – эти возможные стадии и пути развития уличных мероприятий в социологии давно охарактеризованы.

Демонстрации и подобные «общественные» мероприятия могут повторяться и в будущем. Они были и раньше, причем с гораздо большим числом участников, например, тысячные демонстрации в 2005г, многотысячные еще раньше.

Не мной замечено: любовь к избирателю, как правило, загорается ярким пламенем именно перед выборами. Однако, насколько это возможно, чтобы 300-400 человек таким примитивным способом заставит остальную часть населения республики поверить в то, что именно среди организаторов этих митингов и их спонсоров находится единственный достойный человек, который...

Вот здесь главная опасность. Среди участников митингов разные категории людей: часть людей зарабатывает себе на хлеб, часть пытается изобразить из себя «борцов за идею», часть из них представляет организаторов и спонсоров, которые пытаются увлечь людей ложным посылом, что надо «этого» снять, «того» заменить «нашим человеком» и... ничего больше не нужно делать. Главное, работать не нужно. «Наш человек» примет очередную «Программу развития...», завалит бюджетными миллиардами «наши» районы, а мы будем его воспевать. Вот в этих политических интригах я вижу главную опасность для республики.

Если я правильно понимаю социологию, то ясно должно быть, что для кого-то наличие таких людей выступает последней надеждой. Мне понятно и другое. Мы ведь именно в этих «политических игрищах» потеряли так много из производственных мощностей Республики. Потеряли, даже и не знаем, сколько мы потеряли из «... достояния многонационального народа», как это написано в нашей Конституции. Нужно держать начатый курс на оздоровление серьезно больного общественного организма. Нужно восстановить доброе имя труда. И доброе имя человека труда. Труд - главный источник богатства народов. Ни воровство, ни связи с властью, позволяющие присосаться к госбюджету, а Труд.

В памяти большинства еще сохранились и крепко пока сидят многочасовые очереди за продуктами, за товарами первой необходимости. Многие еще помнят родственников, которых лишали жизни за высказывание собственного мнения, еще живы представители военных и послевоенных лет, которые испытали за свою жизнь гораздо больше потерь, социально-бытовых невзгод, чем сегодня... О таких магазинах, какие сейчас у нас, где прилавки ломаются от продуктов питания, как о чуде рассказывали недавно счастливые соотечественники, кому удавалось побывать в сытой Европе. Да, сегодня есть проблемы с деньгами, но если очень постараться, то можно решить и это.

С другой стороны, людей, которые не помнят те острые бытовые проблемы с пустыми магазинами, но уже способны думать о сегодняшних проблемах, и тех, кому есть что терять, увеличивается и становится численно примерно одинаково.

Все это и многое другое в этом ряду создало условия для применения в качестве жизненного принципа, сформулированного предыдущими поколениями людей: **«от добра добро не ищут»**, или **«let well alone»**.

Запомнилась мне гражданская активность населения Уфы в 90-е годы. Помню картину, которая меня действительно потрясла: вдоль по улице стояли в один ряд крепко держась за руки хмурые, осунувшиеся и обреченные на вид

люди, с совершенно пустыми глазами. Не было видно ни начала, ни конца этой живой цепи. Сказали потом, что тянулась она —эта живая цепь - до завода в Черниковке (есть такой район Уфы). Это как минимум километров двадцать. Они ничего не кричали, не видел я ни плакатов, ни знамен, ни дымовых шашек... Но смотреть в лица было жутко. Это была демонстрация, когда пошел из крана кухни во многих квартирах вода с фенолом, «многократно превышающим допустимую концентрацию». Вспомнил эту историю в связи с сказанным выше: «выйдут на улицу или не выйдут?»... «есть недовольные или их нет?»... Разумеется, всегда были, есть и будут разные категории людей:

- есть очень довольные сегодняшней жизнью;
- есть просто довольные;
- есть не очень довольные;
- есть и недовольные...

Причем, они есть во всех социальных группах, только в разных пропорциях.

Было время, когда жили при полупустых магазинах, ругались и ругали всех, но не выходили; за колготками для детей ездили в столичные магазины, туалетную бумагу возили оттуда, ворчали, но не выходили. Массово стояли в очередях, ругали власть, но выходили редко. А вот против фенола, который пошел из крана на кухне, который стал реальной опасностью для всех - «бедных бывших» и «богатых новых», пожилых и молодых, женатых и холостых - много и вышло. И добились принятия мер на всех уровнях управления, не разбивая витрины и не переворачивая автомобилей...

Физическую опасность мы научились расценивать «по достоинству». Но у людей сегодня больше, чем власть и приевшиеся разговоры о коррупции, начинает обращать на себя внимание непривычное для них социальное расслоение, которого не было на уровне дикости первобытных людей. Однако пока сознание обывателя не в состоянии переварить истинную ситуацию здесь и придумать, что со всем этим делать. Ему, прожившему всю жизнь на сотни

рублей внизу социальной пирамиды, физически и умственно трудно представить себе других своих соотечественников, вдруг оказавшихся наверху пирамиды с миллиардами долларов. Дикий для нас уровень социального расслоения в обществе пока общественное сознание не воспринимает как опасность. Сидеть на кухне и ворчать будут и тогда, когда все в одинаковой степени будут утопать в множестве «мелкобытовых» проблем, пока много людей, которым есть что с чем сравнивать. Все будет зависеть от того, насколько всем этим будут озабочены «завтра» нынешние школьники, которые «сегодня» активно осваивают бескрайние просторы и причуды виртуального мира, в отличие от своих предков, которые жили в ожидании того, что «завтра» будет лучше, чем «сегодня», в ожидании обещанного коммунистического будущего с бескрайними просторами для развития человека.

P.S. Моя задача социолога - говорить о том, что я вижу по результатам своих исследований. А нравится это кому, или нет-это уже проблема другая.

Знаете, раньше я не боялся смерти. Даже не думал об этом. А сейчас вот хочется дожить до того, чтобы посмотреть, чем это все закончится. Очень хочется посмотреть на результаты жизнедеятельности тех, кто не обманут обещанным коммунистическим раем, а захвачен бескрайними просторами виртуального мира.

Или это закончится тем, что я тоже буду обсуждать с внуком, почему мы видим искры, когда ударяем камнем об камень; думать о том, что они тоже, может, как облака, заряжены положительными и отрицательными частицами, и когда бьются друг об друга появляется молния...

Равиль Насибуллин

Беседы с СМИ

Интервью как жанр устной или письменной коммуникации, то есть, как вид и способ общения с собеседником, во-первых, всегда носит печать индивидуального и в этом качестве биографично. Во-вторых, исходя из целей и задач, по своей архитектуре может выглядеть самым разным образом. В этой части книги хочу высказать несколько слов о совершенно тривиальных, широко известных среди социологов вещах, имея в виду, что книга рассчитана не только на социологов. Во всяком случае всегда есть надежда, что твой продукт найдет своего потребителя. И он необязательно окажется из твоего «цеха».

Понятно, что для социолога очень важно проводить качественные исследования, результаты которых как можно более верно отражали бы суть происходящих в обществе явлений и процессов. Но не менее важно, чтобы довести до общественного сознания то, что из себя эти результаты представляют, о чем они свидетельствуют. Когда я публикую данные о своих исследованиях, приводя какие-то проценты ответов респондентов на какие-то вопросы анкеты, я стараюсь представить себе то, какие варианты реакции на них от представителей каких социально-демографических групп населения можно ожидать. Доподлинно зная, что далеко не все увидят, прочтут и интерпретируют их именно так, как хотелось бы мне. Это вовсе не значит, что кто-то из них лучше или хуже меня по каким-то параметрам. Это простая данность. Знаю это, но все равно стараюсь ознакомить не только коллег-социологов, но и широкую общественность результатами своих исследований. Однако исхожу при этом из того, что далеко не все, что интересно для меня в моих исследованиях, может быть интересно всем социологам, а уж тем более не социологам. Поэтому интервью для меня является наиболее удобным инструментом изложения того, что и как я понимаю в результатах исследований. Причем, когда пишешь для коллег-социологов, необходимо

соблюдать общепринятые нормы: пишется, например, о том, кто, когда, на каком поле и какие проводил исследования по этой проблеме, какие у него результаты, что не удалось предыдущим исследователям, какова была выборочная совокупность, какова ошибка выборки, какие получены результаты и чем они отличаются от данных твоих предшественников и т.д., то есть что не социологу будет неинтересно.

Хочу здесь сказать еще об одном - иногда гораздо больший интерес представляет для читателя не проценты ответов, не цифры, свидетельствующие о том, сколько процентов респондентов ответили «да», а сколько процентов сказали «нет», но именно точка зрения социолога к той или иной общественно важной социальной проблеме.

Приведенная в качестве примера публикация в республиканской газете о «Конверсии...» относится к той, которая выполняет несколько задач автора, в качестве которого выступает социолог: обратить внимание читателей именно данной газеты, учредителем которой является правительство республики, а это прежде всего читатели, которые сидят в «высоких кабинетах», госслужащие, имеющие непосредственное отношение к принятию решений, имеющих важное значение для жизни людей по своим социальным последствиям. Одно из таких последствий - это высвобождение рабочей силы, межотраслевое перераспределение работников, которое не может не отражаться на социальном положении работников и их семей. По республике, если считать их вместе с родителями и детьми, это сотни тысяч человек, многие из них нуждаются в улучшении жилищных условий и т.д. Проблема в том, что никого не интересуют жизненные планы людей, ни тех, кто высвобождается, ни тех, кто остается на предприятиях, которые охвачены программой конвергенции. Очевидна необходимость проведения соответствующих социологических исследований, которые позволили бы разработать управленческие решения с учетом социальных последствий как для предприятий, которым еще предстоит работать, и для населения, которым предстоит пережить непростую ситуацию, связанную со сменой места работы, коллектива и т.д.

Конверсия - явление совсем не безобидное.
(Известия Башкортостана, 20 ноября 1992)

С глубины веков сложились два основных сектора экономики-гражданский и военный. Производимое первым сектором, его сохранность, как и безопасность страны, обеспечивается мощью второго сектора. Жизнь научила: мало производить, нужно еще суметь защитить, обезопасить произведенное и жизнь самих производителей.

Проблемы, увы, не новы, тем ни менее, до сих пор остаются жизненно важными. Не сняты и другие аспекты проблемы использования военного сектора. Но экономика одна, а два ее сектора – как сообщающиеся сосуды: чем больше вкладывается в военный, тем меньше достается на долю второго. Кроме того, военный сектор имеет еще устойчивое свойство накапливаться. Да в таких объемах, что уже угрожает человечеству вдребезги разбить его колыбель, любовно названную им Землей. Похоже, что человек сегодня созрел для понимания опасности продолжения подобной раскладки сил. Поговаривают даже, что последние годы нашего столетия могут стать переломными в этом отношении. Однако здесь есть много "но". Каково должно быть соотношение двух названных секторов экономики, чтобы обеспечить безопасную жизнь и нормальное развитие первого? Уже на этапе осмысления этой проблемы появляется масса вопросов. Еще больше их на деле.

Совершенно очевидно: как России, так и Республике Башкортостан придется всерьез и долго заниматься изменением соотношений в экономике; определить уровень разумной оборонной достаточности военного сектора; найти пути сохранения уровня накопленного в нем научного, технико-технологического и кадрового потенциала, использования высвобождаемых сил для развития гражданского сектора; перепрофилирования предприятий, работающих по заказу военно-промышленного комплекса, на выпуск гражданской продукции и т.д. Последним обычно определяется понятие "конверсия".

Применять понятие "конверсия" у нас приходится с оглядкой, учитывая особенности нашего развития... А она, эта особенность, такова, что у нас мало предприятий, которые так или иначе не работали бы "на оборонку". Это специфика нашего исторического развития.

В Башкортостане принято считать, что многое работало и работает непосредственно "на оборонку", а теперь речь идет о том, чтобы это работало непосредственно "на гражданку". Важно понять, что изменения на этих предприятиях, в какую бы сторону они не шли, касаются не только занятых там: за спиной этих людей - их семьи, дети, родители. ВПК республики тесно привязан к ВПК России.

Самое сложное сегодня — освободиться от иллюзий, мифов и стереотипов, как можно быстрее выйти на оптимальное соотношение двух механизмов - планового и рыночного развития. Широко распространено, например, представление, будто существует какой-то мифический рынок, который сам по себе приведет к решению всех проблем и освободит людей от планирования своей деятельности, осмысления и анализа ее результатов. Думается, что именно под грузом такого представления Москва сегодня так резко сократила заказы на предприятия ВПК, а те, в свою очередь, должны будут о свободном падении сами вписываться в этот рынок, который автоматически определит каждому "свой шесток". Военные заказы этим предприятиям России в 1992 году сокращены на 62%, а Башкортостана - на все 70. С ходу. Сократили - и точка. Почти как у эстрадного персонажа: "Флот распродать, а деньги - пропить". Так, наверное, тоже можно. Только на эстраде. А в жизни....

А в жизни практика экономически развитых стран свидетельствует о другом. Во-первых, никто нигде так безалаберно не разрушает свой оборонный потенциал. Пока, во всяком случае. Во-вторых, существует развитый мировой рынок продукции ВПК. Россия, по сравнению с США, теряет в нем свои позиции: там — увеличение поставок, здесь - уменьшение. А какова позиция Башкортостана? Почему она так незначительна? Что мешает нам продать

компоненты военных комплексов, производящихся у нас, скажем, той же Индии? Не разрешает Москва? Аморально? Разве моральнее хранить это у себя и лишаться возможности купить на вырученную валюту нужные населению лекарства. Мы же оставили ФРГ сверхсовременные МИГи—29, на которых сейчас успешно летают летчики бундесвера, а почему бы не продавать им «родные» для этих самолетов уфимские моторы? За валюту? И не вложить вырученные доллары в реконструкцию производства?

Обратимся к зарубежному опыту. В частности, к опыту США. Можно выделить два основных направления, по которым шла конверсия на предприятиях ВПК этой страны: первое- расширение номенклатуры выпускаемой продукции при сохранении существующей технологии, научно-технического и кадрового потенциала за счет производства гражданской продукции, и второе- использование производственных мощностей и рабочей силы для производства такой продукции, которая не требует кардинальных изменений профиля предприятий.

"Локхид", например, занялся компьютеризацией медицинского обслуживания, выпуском оборудования для учебных классов и производством сборных домов.

Таким образом, не только в строительстве нужно планировать работу, но и при разрушении того, что построено. Так по крайней мере делалось и делается в экономически развитых странах. Иначе не мудрено остаться под обломками разрушения.

Широко распространен миф о возможности развития без противоречий и проблем, без падений и подъемов. Но такова жизнь - все на этом свете развивается через преодоление, разрешение противоречий. Социальные явления и системы не могут быть исключением.

Возьмем, к примеру, систему социальных институтов: новое во всех элементах этой системы появляется как отрицание прежнего состояния, развивается, приходит в упадок... Кажется, что новое и существует –то только для того, чтобы быть замененным в свое время другим, более

совершенным. Но социальные институты- это люди, объединенные вокруг удовлетворения определенных потребностей общества. Было бы наивно думать, что у них нет своих потребностей, отличающихся от общественных. Хорошо это или плохо – другой вопрос. Речь же о том, что это – реальность, из которой нужно исходить. Проблема в том, что с такого рода противоречиями и столкновениями интересов людей мы встречаемся на каждом шагу. А в процессах конверсии их будет еще больше. Конверсия- это, на мой взгляд, тот самый случай, когда интересы общества должны быть поставлены во главу угла.

Но общество, как таковое, "хотеть" что-либо не может. Нужно, чтобы государство, как институт власти, управляло бы процессом конверсии как выразитель общих интересов людей и одновременно выступало бы инструментом регулирования процесса согласования интересов своих граждан и предприятий.

Для Республики Башкортостан, как известно, программа конверсии создана творческой группой инновационного научно-технологического парка "Башкортостан". На этапе ее составления успешно решена сложная задача органичного соединения интересов республики и коллективов предприятий ВПК, нашли свое отражение основные конверсионные мероприятия на уровне республики и отдельных предприятий, в результате должна быть удовлетворена потребность населения республики в продукции гражданского сектора.

Теперь важно добиться, чтобы она стала Программой реальных действий. Для этого нужно, чтобы под нее была подведена законная база, чтобы ее подкрепили соответствующей налоговой политикой государства. В республиканском бюджете должны быть предусмотрены соответствующие конверсионные инвестиции. Наконец, она должна быть работающей, чтобы с учетом динамизма нашего времени можно было своевременно вносить в нее необходимые коррективы. Это предполагает организацию исследований процессов конверсии, в том числе- и в области социологии, на надежной

научной основе. Другой уровень планирования конверсионных мероприятий - отраслевой. Мероприятия на конкретном предприятии - третий уровень.

Прямое следствие конверсии связано, прежде всего, с изменением положения работников на уровне конкретного предприятия. На первый план здесь выходят проблемы высвобождения людей на предприятиях ВПК. Например, в Уфимском приборостроительном объединении в 1992 году по сравнению с истекшим годом численность промышленно-производственного персонала сократилась на 2, а на производстве военной продукции - на 25,7 процента. Уже говорилось о том, что за этими цифрами - работники предприятия и члены их семей, дети, родители... В целом по республике - это сотни тысяч человек. От того, как они будут относиться и к дальнейшей своей судьбе, зависит наше общее духовное здоровье. Как, например, будет происходить и чем закончится высвобождение рабочих на Салаватском заводе "Кардан", где к началу 1992 года в очереди на жилье стояло около 70 процентов работающих?

У нас, в республике, мнение работников предприятий ВПК пока не изучалось. Никто еще не интересовался и планами на будущее ни у тех, кто будет высвобожден, ни у тех, кто останется работать. А напрасно. Социологи Института проблем занятости РАН проводили опрос среди промышленного персонала на предприятиях ВПК России и получили довольно любопытный материал: оказалось, что только 82 процента опрошенных не имеют намерения эмигрировать из СНГ. Причем, желающие выехать считают, что сложившаяся ситуация на ВПК - закономерный этап, который- страна должна пережить, а нежелающие выезжать полагают, что идет сознательное разрушение страны...

Высвобождение работников предприятий — это перераспределение рабочей силы в другие отрасли хозяйства республики. Следовательно, это и существенные изменения социально-квалификационной структуры работников, как на тех предприятиях, откуда они уволились, так и на тех, куда они придут.

Таким образом, конверсия - не такое уж безобидное явление, с точки зрения социальных последствий. У нее достаточно мощный взрывной потенциал. У республики есть возможности обуздать этот потенциал. И делать это нужно сегодня. Завтра будет сложнее.

Р.Т. Насибуллин- доктор социологических наук, профессор

В следующей небольшой статье доводится до читателя газеты позиция социолога по поводу большой проблемы- формирования системы власти в стране. Принципиально важно то, что, с одной стороны, идет процесс формирования новой для России системы политической власти. Нет больше той системы, где политическая власть была монополизирована одной только политической партией, избирается Государственная Дума, в составе которой будут представлены своими фракциями разные социально-политические силы и т.д. С другой стороны, модель, хотя и представляется как возвращение дореволюционной думской системы, но на самом деле явная попытка переноса модели парламента Старого света, (возникшей еще в условиях средневековья, когда жили феодалы, рыцари и т.д.) на сегодняшнюю Россию.

Карикатурность ситуации очевидна и очень напоминает картину, если бы сегодняшнюю армию оснащали рыцарскими доспехами.

Но позиция автора не только об этом. Принцип работы, когда законы принимаются по голосованию, не вызывает у него особого уважения. Есть в социальной жизни такие вопросы, ответы на которые не могут быть получены простым большинством голосов. Мнение большинства - это всего лишь торжество большинства. Но не торжество истины.

Не устраивают автора и некоторые другие проблемы в организации деятельности законодательного органа.

*А в неводе опять не то
(Вечерняя Уфа, 3 февр. 2000г.)*

Помните, у Пушкина:

“Раз он в море закинул невод, -

Пришел невод с одною тиной”.

Вот и мы вытащили свой невод из моря кандидатов в надежде на то, что уж на этот-то раз поймает-таки ту самую золотую рыбку - Думу, которая будет исполнять все то, что мы пожелаем. И испытали некий шок от того, что опять в неводе оказалось не то.

Демократия — это выбор себе подобного. Мы получили в принципе Думу такую, каковы мы сами на данном этапе. Да, она стала биполярной — ни одна из существующих фракций не сможет набрать без союза с кем-нибудь абсолютного большинства. Однако из этого вовсе не следует, что она стала лучше и сразу начнет эффективно работать. Не начнет. При существующей системе государственной власти она обречена на неэффективную работу. По многим основаниям. В том числе и потому, что по Конституции она, в основном, принимает законы. И ни за что не отвечает. И ни перед кем не отчитывается. Прежняя Дума уже приняла более тысячи законов. Но сколько из них не работает и почему - никого не волнует. Это можно было бы вытерпеть, если бы наша жизнь хотя бы на одну тысячную стала лучше. А пока... Пока же непредвзятая статистика утверждает обратное — законов становится больше, а жизнь - хуже.

Причин тому много. Закон — тоже продукт человеческой деятельности. Он создается людьми и, как заметил мудрый Монтень, к сожалению, не только головой. В деятельности Думы “принцип” поставлен выше “разума”, здравого смысла, “цель” поставлена выше “средств достижения”. А это каждый раз будет порождать все новые препятствия. Как сегодняшнее противостояние между большинством и меньшинством в Думе.

Есть в социальной жизни такие вопросы, ответы на которые не могут быть получены простым большинством голосов. Мнение большинства - это всего лишь торжество большинства. Но не торжество истины. Демократическая организация политической власти - это когда ко всему остальному существуют условия, при которых учитывается голос меньшинства. В противном случае — это тоже диктатура.

Ведь мы (и не только мы!) уже проходили это - меньшинство оказывалось то в Сибири, то в Соловках, а то и подальше. Для той власти все это закончилось крахом. А формирующиеся ныне тенденции несут особую опасность. Складывающийся подход к организации власти ведет к разрушению самих основ отношений между людьми, без которых невозможно сохранить общество в целостности. Идет разрушение норм морали. Более того, власть сама активно включается в этот процесс, провоцируя разрушение. Пример? Пожалуйста: народный избранник оставил прежнюю должность во фракции своему сыну. Сам пошел дальше. Наверное, за это тоже кто-то, проголосовал.

А чтобы не было вопросов, он сравнивает себя с дояркой. Это, конечно, его проблемы, с кем себя сравнивать. Но ведь доярка имеет дело с коровой. А у коров нет ни правовых, ни моральных - норм. Тем они и отличаются от нас, людей. Не могу пока сказать, долго ли будет это устраивать будущего Президента, другие ветви власти, нас, избирателей. Меня лично уже не устраивает.

Следующие материалы- это коммуницирование результатов социологического исследования путем интервью, доведение до широкого читателя аргументированную точку зрения на основе полученных результатов изучения общественного мнения. С одной стороны, подобные исследования можно отнести в разряд тех, которые проводятся в целях информационного

обеспечения управленческих решений. В данном случае заказчика волновали вопросы организации земельных отношений в новых условиях, когда на основании указа президента РФ срочным образом были расформированы колхозы. А реформаторы усиленно старались убедить общество в том, что панацеей решения всех проблем здесь является возвращение частной собственности на землю; удовлетворение мечты населения, который, якобы, только и мечтает получить землю в собственность и на ней начинать «пахать» в прямом и переносном смысле слова. Подобные упрощенные подходы к решению проблем привели к тому, что с 1991-года площади обрабатываемых земельных угодий постоянно сокращались, то есть, хозяйство республики получило результаты, обратные к тем, на что рассчитывали.

С другой стороны, управленческие решения не могут быть приняты и решены исключительно по желанию большинства, без основательного анализа влияния на ситуацию самых разных факторов, которыми характеризуется ситуация. Речь идет о поиске и нахождении оптимального ответа на сократовский вопрос «управлять или угождать».

Это в полной мере относится и к второму интервью, в котором обсуждаются проблемы социально-демографических процессов, протекающих в республике.

Спросите у народа

(Республика Башкортостан, 29.12.2010г.)

— Равиль Талибович, для обывателей социология — это что-то вроде предвыборной астрологии: прогнозы, сводки, процент опрошенных. А что она значит для вас?

— Представление о социологии, к сожалению, создают люди с анкетами, задающие вопросы и неизменно получающие ответы: 50 процентов — «за», 50 процентов — «против». Мы же проводим исследования преимущественно по конкретному заказу, когда заказчик хочет получить результаты исследования

определенной проблемы. Причем в качестве заказчика могут выступать и государственные органы, и предприятия. К примеру, 12 лет назад мы выполнили заказ правительства республики, провели исследование по вопросу отношения населения к земельной реформе. Тогда, как помню, заказчика интересовало то, как население относится к вопросу собственности на землю, земельным паям, кто хотел бы купить землю и в каких размерах, на каких условиях.

— И каковы были результаты? Удалось найти пути повышения эффективности земельной политики?

— Сравнение эффективности ЛПХ и хозяйств, основанных на государственной собственности на землю, на первый взгляд, явно не в пользу последних. В то же время как в том, так и в другом случае легко обнаружить примеры как эффективного производства, так и балансирования на грани рентабельности. Это обстоятельство превращает проблему формирования эффективной земельной политики в предмет идеологических и политических спекуляций; дает возможность строить свои доводы, выхватывая из системы фактов именно те, которые нужны на данный момент. С другой стороны, государство стремилось и стремится регулировать земельные отношения во всех деталях. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что эти отношения представляют собой сложную систему, которая в принципе не может быть охвачена государством в полной мере.

— А чем же тогда регулируются земельные отношения, как не нормами права?

— Многие стороны отношений в обществе регулируются нормами права, когда эти нормы защищаются государством; но многое регулируется нравственными нормами, которые не только государственному регулированию не поддаются, но и в определенных условиях способны оказывать влияние на линию государства в этой области. Когда часть депутатов говорит о необходимости включения земли в товарооборот, оперируя экономическими категориями эффективности производства, а другая выступает против и в

качестве аргумента утверждает, что «земля — это родная мать, а матерью не торгуют», мы имеем дело именно с отражением представлений разных групп и слоев населения о земле и земельном вопросе. Сложностью проблемы и объясняется необходимость регулярного снятия информации об общественном мнении по земельным вопросам, с изучением точек зрения различных групп населения на земельную политику.

— То есть воля правительства и чаяния народа должны совпадать?

— Эффективность политики государства в этой области напрямую зависит от того, насколько четко понимает население эту политику и насколько государство способно соотносить свои действия с пониманием этих проблем со стороны населения, насколько оно способно здесь отражать интересы и потребности людей.

— А есть какое-то общее мнение о земле в нашей стране? Ведь что ни партия, что ни политик, у всех свое видение «извечной проблемы».

— Общественное мнение, как некое целое, складывается из мнения отдельных индивидов и социально-демографических, социально-профессиональных групп населения. Однако это не есть арифметическая сумма мнений. В отличие от специалистов, профессионально занимающихся проблемами земельных отношений, носители общественного мнения далеко не всегда свои суждения по реформе основывают на конкретных знаниях об основных категориях земли, о том, как меняется структура угодий, в какую сторону меняется доля тех или иных землепользователей; в общественном мнении, в определенной степени, верно отражается направление изменений, происходящих в аграрном секторе.

— А есть примеры радикального решения земельного вопроса в мире?

— Ни в одной экономически развитой стране нет действительно свободного земельного рынка и неограниченного права частной собственности на землю, находящихся вне поля зрения государства. Специалисты пишут в своих работах о преимуществах мелких, семейных, фермерских, личных

подсобных хозяйств и в качестве главного аргумента приводят достижения сельскохозяйственного производства США, Англии и других западных государств. Хотя известно, что в таких странах это достигается благодаря развитию производства на мелких, средних и крупных предприятиях в определенной пропорции. Причем понятие мелкого хозяйства в США зачастую по своему содержанию подходит к понятию довольно крупного предприятия в нашей стране. Как свидетельствует энциклопедический справочник «Современные Соединенные Штаты Америки», к мелким здесь относят фермы с реализацией продукции до 20 тысяч долларов, а к средним — 250 тысяч долларов; есть животноводческие комплексы, которые могут поставить на откорм более 500 тысяч голов свиней. Общественное мнение, которое зачастую строится на базе «здравого смысла» многих его носителей, часто способно отражать картину сельскохозяйственного мира более объективно, чем это делается в иных работах кабинетных стратегов. К примеру, совсем не большинство селян рассматривало колхоз или совхоз как «исчадие ада», из которого срочно нужно убежать, чтобы начать жить и работать лучше, чем в колхозе. Дело здесь даже не в стереотипах и привычном укладе жизни, который не хочется менять. Колхозы и совхозы были единственной защитой для проживающих в деревнях пожилых людей в плане обслуживания их подсобных хозяйств, предоставления им социальных услуг; была устоявшаяся инфраструктура, сформированная система управления, снабжения.

Была получена, я считаю, очень интересная информация. В частности, на наш вопрос: «Для каких целей вы бы приобрели земельный участок?» 26,5 процента опрошенных ответили: для строительства жилья. Это было 12 лет назад. Для личного подсобного хозяйства тогда хотели бы приобрести землю 19,8 процента опрошенных, а вот для ведения крестьянского хозяйства — всего 7,6 процента. Результаты, полученные тогда, интересны и по другим позициям. Например, среди многих вопросов был и такой: «Если бы вам предложили землю в частную собственность бесплатно?». Положительный ответ дали 50,5 процента. А каждый третий респондент в то время сказал, что нет возможности

на ней работать. Намного ли выросли эти возможности за это время? Надо у народа спросить! Сейчас для меня совершенно очевидно, что нужно еще раз провести опрос по той же методике, чтобы получить новую информацию, чтобы можно было понять динамику изменения отношения населения к этой животрепещущей проблеме.

(Беседу вёл Панченко В.С.)

***Показатели рождаемости, продолжительности
жизни и миграции начинаются с заботы о людях
(Республика Башкортостан, 21.04.2017)***

Интервью о проблемах демографии профессор Равиль Насибуллин начал ... издалека — с вахтовиков:

Целый рабочий день человек стоит у скважин, дышит газами, не имея нормальных условий для отдыха и медицинского обслуживания, отрываясь на длительное время от близких. Жены остаются без мужей, дети — без отцов, это наносит всем непоправимый психологический ущерб, рушит модель семьи. Мужчина приезжает домой на месяц, как на вахту. 40 процентов вахтовиков, живущих на селе, разведены. Эту цифру я получил во время личных встреч и бесед с ними в рамках проекта по изучению проблем смертности на селе, реализуемого совместно с минздравом республики.

Когда я провожу фокус-группы с вахтовиками, они в один голос говорят, что никогда не уехали бы из родных мест, если бы у них была нормально оплачиваемая работа. Они даже обижаются, когда спрашиваешь, хотели бы они вернуться, если бы были условия.

Людям приходится жертвовать всем, при этом они совершенно бесправны — в ответ на любое недовольство хозяева показывают на дверь: мол, там ждет очередь желающих занять освободившееся место. Там, где работают вахтовики, они никому не нужны. А позже, когда проходит молодость, не остается здоровья и сил, когда растеряны все привычные связи, они становятся ненужными и дома.

Но еще хуже положение работников по найму, (тех, кто занят в «отходничестве» Р.Н.) — у них вообще нет никаких прав.

— **Как разорвать этот порочный круг?**

— Создавать рабочие места, решать вопросы трудоустройства и возвращать людей на родину. Мои собеседники говорили, что их вполне устроила бы зарплата в пределах 25 — 30 тысяч рублей. Заработать эти деньги на селе вполне реально.

— **Каким образом?**

— За счет разделения труда и кооперации — со времен Адама Смита никто не придумал более эффективных форм организации социальной жизни. И они, кстати, уже применяются у нас на селе. В одном из районов я познакомился с тремя братьями, которые в складчину купили трактор и организовали семейный бизнес на земле. Надо кооперировать людей, нуждающихся не только в работе, но и в реализации произведенного. И заниматься этим должны главы районных и сельских поселений, кровно заинтересованные в развитии предпринимательства. Для этого иногда даже денег давать не надо, достаточно создать необходимые условия и не мешать работать. Руководители часто повторяют, что наш главный капитал — это человек. А на деле порой не знают, сколько у него этого капитала. Как-то на одном из совещаний глава района не смог назвать точную цифру — сколько человек живет на возглавляемой им территории. Не говоря уже о численности зарабатывающих на жизнь за пределами района. Начинать надо именно с такого учета.

— **К вопросу о численности. На протяжении нескольких лет мы говорим, что около 40 процентов населения республики — сельчане. Не устарела ли эта цифра, учитывая, какой поток ежегодно покидает село?**

— Фактически нет. Миграция в город есть, но, во-первых, она поэтапная: люди едут сначала из небольшой деревеньки в ту, что побольше, потом в райцентр. Во-вторых, многие деревни уже настолько малы, что уезжать некому, остались одни старики. Поэтому в целом деревня дает больше смертности и меньше рождаемости, чем город. Проблема вдругом: в мире продолжается

глобальное изменение системы расселения. Сегодня нет ни одного экономически развитого государства с таким числом крестьян, как у нас. Например, в современной Германии их всего семь процентов, еще меньше в Англии. Но у них трудовая сфера налажена, а у нас заниматься этим некому. Отсюда и производительность труда ниже некуда, и уровень жизни. В Новой Зеландии, условно говоря, на одного работника приходится сто баранов, а у нас на 100 работников один баран. Конечно, они будут лучше жить.

— **Намного ли лучше демографические тенденции в городах?**

— Лишь отчасти. Например, смертность среди городского населения Башкирии на 20 процентов ниже, а рождаемость выше, чем на селе. А в целом проблемы почти те же: не столь высокий уровень безработицы, зато низкие зарплаты. Беда в том, что работающий человек бедный, проедает абсолютно все, что зарабатывает, ни на что другое денег просто не остается. Это признала в масштабах всей страны даже заместитель председателя правительства Ольга Голодец. Ведь мы получаем лишь небольшую часть от реально заработанного.

— **Сколько процентов?**

— Десять лет назад, как точно подсчитал академик Львов, это было 23 процента. Сейчас, думаю, еще меньше.

— **Как же выправлять демографическую ситуацию? Есть у вас конкретные предложения?**

— Поставить в центр внимания всех проектов человека, точнее ребенка.

— **Почему ребенка?**

— Потому что нам надо менять не только отношение к людям, но прежде всего их собственное сознание. А делать это с чистого листа гораздо проще и результативнее. Приведу лишь один пример. За последние двадцать лет американцы потратили на идеологические проекты, ориентированные на украинских детей, порядка пяти миллиардов долларов. И смогли воспитать целое поколение, люто ненавидящее Россию. Хотя наша страна за этот же период вложила в Украину 300 миллиардов, и получили сами знаете что. Начинать большие и перспективные проекты важно именно с детей.

— Как же надо с ними работать?

— Первым делом необходимо выделить им в бюджете республики отдельную статью расходов, как на здравоохранение, культуру и т. д. Имея финансовую основу, можно будет провести социальную паспортизацию детей, то есть привлечь к решению детских вопросов все министерства, ведомства, общественные движения. В идеале это должно быть так: еще во время беременности будущие мамы должны получать максимальную поддержку от властей и медиков. Решение их проблем должно стать приоритетом. Не так, как сегодня: во время одной из встреч беременная женщина, живущая на селе, пожаловалась, что не может сделать УЗИ. На бесплатную процедуру слишком большая очередь, почти до родов надо ждать, пояснила будущая мама, а платить кошелек не позволяет. Такого допускать нельзя. Далее: ребенок родился, а для него уже готово место в детском саду, затем в школе. И главное, у родителей должны быть деньги на воспитание. Посмотрите, что происходит сейчас. Средняя зарплата в регионе — 24 тысячи рублей. Двое взрослых в итоге зарабатывают 48 тысяч. Но с появлением ребенка доходы резко падают: работает только отец, и на каждого члена семьи приходится всего по восемь тысяч. Это при том, что показатель средней зарплаты — так называемый обман зрения. Ведь большинство жителей получают меньше названной суммы.

— Как же быть?

— Признать работу женщин, воспитывающих детей, общественно-полезным трудом и платить им зарплату. Платим же мы родителям за содержание усыновленных детей. А за своих — нет.

— Всем одинаковую или в зависимости от заработка?

— Это не суть важно, главное понять порочность существующей системы и выстроить новую — такую, чтобы дети и семьи жили в достатке. А детали можно решить.

— А деньги где взять?

— Деньги у нас есть, надо только грамотно перераспределять финансовые потоки и контролировать их движение. Триллионом долларов

исчисляется, если верить СМИ, сумма, незаконно уведенная из страны только в последние годы. Как можно было додуматься до такой системы распределения общественного богатства, при которой у полковника МВД находят «зачачку», на которую среднероссийскому человеку нужно работать 125 лет! И таких примеров много, можно продолжать еще долго.

— Вернемся к детям. До какого возраста они должны быть охвачены социальной паспортизацией?

— Пока не получают образование, не найдут работу и не начнут самостоятельную жизнь. Предусмотреть необходимо все, вплоть до приобщения школьников к искусству, к техническому творчеству, к занятиям спортом. Не должны быть обделены всем этим и сельские ребята. Со спортивными сооружениями у нас неплохо — физкультурно-оздоровительные комплексы, в которых имеются и тренажерные залы, и бассейны, работают практически в каждом райцентре. Однако культура занятий в них пока на низком уровне. Я разговаривал с одним из районных глав: сразу после открытия ФОКа многие ринулись в бассейн. Но очень быстро его дорожки опустели, сельчанам гораздо важнее другие дела: работа на личном подворье, на приусадебном участке. «Сейчас иногда плаваем в бассейне вдвоем с сыном», — признался руководитель.

Это очередное подтверждение того, что у людей, прежде всего у молодого поколения, нужно формировать поведение самосохранения, приучать с детства с уважением и заботой относиться к самому себе. Дети во всем должны чувствовать, что именно они — самая большая ценность общества и, наоборот, общность, в которой они живут, — самое ценное для них. Работа может быть самой тяжелой, но необходимой. Тогда и желания уехать не появится. Пока же, судя по опросам, которые мы проводим среди выпускников сельских школ, остаться в своем районе планируют не более двух-трех человек из всего класса. А за пределы республики ежегодно выезжают тысячи выпускников, поступающих в вузы по всей стране.

— Насколько вообще актуален для республики миграционный отток?

— Вот здесь поводов для беспокойства нет, уверяю вас. По статистике, за последние двадцать с небольшим лет из Башкирии уехало практически столько же, сколько приехало: порядка четырех миллионов человек. А в историческом плане население региона долгое время остается в пределах четырех миллионов.

— А как Вы оцениваете ситуацию с суицидами, по количеству которых республика лидирует в рейтингах Приволжского округа и страны?

— Думаю, что здесь очень много спорных моментов. Например, учитывать или нет долю невыясненных причин смерти в общей численности суицидов? А ведь на статистику это влияет. Тема самоубийств, безусловно, важна, но по несколько иным причинам. Ответственным за них, как и за показатели рождаемости, смертности, продолжительности жизни, сегодня назначено здравоохранение. Но это неправильно. Здоровье человека, как утверждает Всемирная организация здравоохранения, больше чем на 50 процентов зависит от образа жизни и привычек самого человека и лишь на 10 — 15 процентов — от медицины. Мы, социологи, давно говорим об этом. Кажется, нас услышали: с высоких трибун все чаще звучат призывы к тому, чтобы больше усилий прикладывать не к лечению болезней, а к их профилактике и активной пропаганде здорового образа жизни. Это, конечно, не говорит о том, что у медицины нет проблем, их там хватает.

— Об этом говорится и в Стратегии-2030 — долгосрочном плане социально-экономического развития республики. Как Вы оцениваете этот документ?

— Даже сама разработка Стратегии-2030 — уже попытка выйти на новый уровень культуры управления. Нам крайне важно знать, в каком направлении двигаться, какие выбрать приоритеты в условиях ограниченных ресурсов, в том числе финансовых, человеческих, интеллектуальных и т. д. Другой вопрос — каким содержанием в реальности она наполнится. Народная мудрость о том,

что бумага все стерпит, появилась не на пустом месте. Сколько разных стратегических планов, целевых программ и других масштабных документов было разработано, на их реализацию потрачены миллиарды, а о результатах все забыли. Проблема в том, что здесь мы имеем дело с фундаментальным противоречием социальной жизни: стратегии разрабатываются сегодня людьми, представления которых формировались вчера, а реализовываться будут завтра. Подвести итоги Стратегии-2030 ее авторы, увы, не смогут, это сделают представители уже другого поколения.

Беседу вела Тамара ПЕРЕСЫПКИНА

Вокруг инноваций не только эмоции...
(Социологические исследования, №9, 2014)

Аннотация: в статье на данных социологических исследований, проведенных на предприятиях Башкортостана, анализируются некоторые проблемы, связанные с отношением различных групп работников к проблемам инновационного развития

Ключевые слова: инновации, модернизация, готовность к инновациям.

Как правило, разговоры об инновациях на предприятиях строятся однотипно и преимущественно на эмоциях, **начинаются** с использованием в той или иной форме нескольких клише: «новое – это хорошо забытое старое», «не все старое - плохо»... **продолжаются** примерами из увиденного или прочитанного о том, как с этим обстоят дела в Сингапуре, в Японии... **заканчиваются** тем, как не хватает финансовых ресурсов для реализации майских указов Президента и решений правительства, чтобы активно заниматься инновациями.

Наши же исследования свидетельствуют о том, что далеко не все новое – это хорошо забытое старое, не все старое – «хорошо», и не все новое – «плохо», далеко не все, что преподносится как новое, подлежит к немедленному внедрению с последующим неминуемо положительным

результатом и может претендовать на роль «палочки – выручалочки», годной на все случаи жизни; далеко не всегда проблемы инноваций тормозятся недостаточностью финансовых ресурсов.

Мы проводим исследования в течение многих лет, приходится работать и на крупных предприятиях, и там, где занято менее пятисот человек; стараемся неукоснительно соблюдать основные требования к репрезентативности, поскольку исследования проводятся по заказу предприятий и для нужд предприятий, т.е. здесь требования к достоверности результатов вызваны не только необходимостью соблюдения научной чистоты, но и практической полезностью.

Широко распространенные в сегодняшних публикациях в научной литературе суждения строятся вокруг проблем определения содержания понятия «инновация», причем главным аргументом в доказательстве новации зачастую выступает то, что предложенное «не имеет аналогов в мире», хотя понятно, что если приделать к старому чайнику еще две новые ручки, он, по-видимому, тоже не будет иметь аналогов.

Как часто это происходит с нашим общественным сознанием, в инновациях начинают видеть решение всех проблем и в подтверждение реальности этой веры приводят опыт каких – то народов.

Понятия «инновация» и «модернизация» переходят из одной научной работы в другую, а оттуда с легкостью - в официальные партийные и государственные документы, а политические деятели жонглируют ими так, как будто сами только что изобрели. Особенно на фоне сегодняшнего состояния российской экономики необходимость модернизации нашего хозяйства, внедрение инноваций в самые разные сферы нашей жизни звучит как некое совершенно новое, до чего будто бы только сегодня додумались для спасения нас от всех наших бед. Во многом по этой причине происходит то, что происходит: суждения о необходимости создания инновационной экономики живут своей жизнью, а практика – своей.

Реальный процесс развития общества выглядит несколько иначе: в истории нашей страны можно найти немало моментов или даже периодов, когда происходило много такого, которые можно рассматривать как стремление к модернизации, к реализации всевозможных проектов, иногда достаточно удачных, иногда не очень, а порой и с трагическим результатом, направленных на изменение существующего положения вещей в самых разных областях жизни общества. Весь этот опыт нуждается в изучении самым серьезным образом, и с точки зрения его использования, и с позиции понимания того, что происходит с обществом, когда запаздывают необходимые, объективно назревшие процессы модернизации при ясном представлении о том, что во всем «новом» можно найти что-то от «старого», начиная от технических новшеств, заканчивая новым в социально-экономическом и политическом устройстве общества. Чтобы прояснить свою позицию, приведу несколько примеров, хотя и рискую слыть ретроградом.

Известно, что производительность труда в нашей стране в настоящее время гораздо ниже, чем в экономически развитых странах, в ряд которых мы стремимся. Задача на всех уровнях системы государственного управления сформулирована именно как необходимость его повышения путем «внедрения нового»: новых материалов, новой техники, наукоемких технологий, новых форм и методов организации труда и т.д. Однако о необходимости использования этих самых «новых» для повышения производительности труда писал руководитель российского государства почти сто лет назад - еще в 1918-м году. [Ленин, 1958:130-131]

Задачи, поставленные 23-м съездом КПСС еще 1966 году, как «...повышение технического уровня производства на основе развития и внедрения новой техники и прогрессивных технологических процессов...» - это же тоже, как я понимаю, требование инноваций и модернизации. [Материалы XXIII съезда КПСС, 1966:44-45]

Больше того, еще до этого, в Постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР от 28 мая 1955 года были предупреждены министры, начальники главных

управлений, руководители предприятий, что они несут «...персональную ответственность за своевременное внедрение передовой науки, техники и изобретений в народное хозяйство». [КПСС в резолюциях, 1955:66-67.] Правда, сегодня уже мало кто представляет в полной мере, что это значит в той системе управления «нести персональную ответственность».

Поскольку раскрывать эти тонкости в задачу данной статьи не входит, напомним кратко – за невыполнение решений, принятых на том уровне, соотечественники могли лишиться не только номенклатурных благ, предоставляемых государством, но и жизни, дарованной самой природой.

Смысл сказанного в том, что даже в той системе управления оказалось, что «передовую науку, технику, изобретения» ни постановлениями, ни приказами или предупреждениями о персональной ответственности внедрить невозможно и чем дальше, тем больше чувствовалось отставание хозяйства страны в темпах внедрения в производство инноваций, и как результат – отставание по темпам роста общественной производительности труда, со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями. Настоящей трагедией для общества обернулось то, что при осознании властью необходимости модернизации экономики, не хватило общественного понимания того, что инновации в один отдельно взятый элемент социальной системы не могут обеспечить ее развитие, как целостности; не хватило и воли на то, чтобы создать общественную систему с органически встроенным внутренним механизмом, способным своевременно реагировать на объективно возникающие потребности в инновациях.

Понятно, что в исследовательском сообществе здесь свои проблемы:

***во-первых,** с позиций исследовательских стратегий очевидно, что содержание, которое вкладывается в понятие «инновация», носит интегративный характер: в зависимости от разных факторов, на первый план может выйти экономический или технико-технологический, политический или организационно-правовой, или социальный и гуманистический аспекты. Если, например, мы хотим назвать «инновацией» внедрение в жизненную практику*

нового, которое приведет к положительному изменению социальной позиции работников, то это будет одно содержание; если же «инновацией» назовем внедрение в нашу жизнь такого изменения, которое в результате приведет к увеличению объема получаемой прибыли, направляемой на покупку замков за рубежом для хозяина, то это придет в противоречие с интересами социального развития организации и очевидно социальное содержание и понятия «инновация» и ее последствия окажутся иными.

Во-вторых, мы придем к разным результатам в зависимости от того, в рамках подходов и возможностей какой парадигмы социологии будем работать над понятием: получим одно содержание, если рассмотрим это понятие с позиций символического интеракционизма, иное – с позиций структурного функционализма и т.д. Например, по мнению Т. Парсонса, сущность современного общественного развития представляют инновации структурные. В частности, США стали лидером современной системы — не в обычном политическом смысле, а благодаря структурным инновациям, составляющим сущность современного общественного развития. Больше того, «...процесс сохранения равновесия в системе с необходимостью предполагает структурное изменение ее подсистем», - пишет он, говоря об обществе, как о социальной системе, возводя эту зависимость в ранг закона. [Парсонс, 2002:653]

Венгерский социолог Б. Санто отмечает, что инновационное ускорение приобрело критическое значение, как в стратегическом, так и в глобальном отношении. Глобализм проявляется в том, что императив инновации не делает исключений; это не привилегия развитых стран. Развивающихся стран инновационный вызов касается в еще большей мере: создать и удержать национальные конкурентоспособные технологические преимущества, реализовать их в экономике глобального рынка — доступная возможность и задача для руководителей предприятий и правительств любых стран считая, что инновация есть создание и реализация конкурентоспособного технологического преимущества [Санто, 2004:6]

В-третьих, подходы к инновации, в том числе и как к внедрению «нового» в производство, могут принципиально отличаться и с позиции политической целесообразности, с точки зрения, например, управления этим явлением. Об этом красноречиво свидетельствует расхождение отношения политиков к указанным проблемам и их реальные поступки в зависимости от политической ситуации. Например, основатель и первый руководитель советского государства – В. И. Ленин за несколько лет до революции (в марте 1913 года) писал: «...Всего больше говорят ...о «системе» американского инженера Фредерика Тейлора. Тейлор сам описал эту систему под названием «научной»...В чем состоит эта «научная система»? В том, чтобы выжимать из рабочего втрое больше труда в течение того же рабочего дня...» [Ленин, 1969:18-19]

Но уже в первый же год установления новой власти в стране окажется, что систему «выжимания пота» нужно изучать и внедрять на практике, поскольку «...осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее». [Ленин, 1969:187-190] То, что считалось совсем недавно «системой выжимания пота», оказалось необходимым условием осуществимости планов новой власти по выводу хозяйства страны в ряд развитых.

Движение идеи модернизации по пути к ее реализации, как неизбежное условие дальнейшего развития страны, происходит сегодня так противоречиво, что привело к расслоению общественного сознания в представлениях об органической связи модернизации общества с социальным развитием: для каких-то групп и слоев населения это – представление о модернизации, как о чем – то неожиданно свалившемся на голову нашего населения непонятном явлении; для других слоев как исторический шанс, который предоставлен стране для сохранения своего экономического и

духовного суверенитета; а для каких-то групп – это открытые трюны, и связанные с этим возможности, не воспользоваться которыми вошло бы в противоречие с их социальной и личностной, а, может, и биологической сущностью.

К сожалению, системных исследований монографического характера, обобщающих результаты теоретических изысканий и эмпирических измерений социальной базы и социальных последствий инноваций в современном нашем обществе, до сих пор нет. В данной статье я говорю исключительно о результатах собственных исследований, проведенных кафедрой социологии и социальных технологий УГАТУ на двух предприятиях Республики Башкортостан в виде стандартизированного интервью.

Интервьюированием охвачены руководители всех уровней, работающих на этих предприятиях к моменту исследования; что касается остальных работников, здесь была смоделирована выборочная совокупность, в которую вошли мужчины и женщины разных возрастных и основных профессиональных групп пропорционально к их общему числу; на предприятии № 1 выборочная совокупность составила 806 человек, 718 работников без руководящих функций и 88 руководителей; на предприятии № 2 использовался сплошной опрос – опрошено в общей сложности 172 человека – из них 28 руководителя.

Результаты интервью с представителями возрастных групп «до 19 лет» и «старше 60 лет» в данной статье не учитываются по причине их малочисленности.

В ходе исследования, наряду с другими вопросами, респондентам задавались и вопросы об их готовности к инновациям в технике и технологиях, в организации и стимулировании труда на предприятиях, где они работают. Представляет интерес то, что исследование проводилось на предприятиях, различающихся по профилю их деятельности. Поскольку мы исследовали не предприятия, а отношение работников к процессу внедрения новаций, то нет необходимости в том, чтобы приводить названия и адреса предприятий, а ограничимся присвоением им номеров:

- предприятие №1 – представляет промышленное производство;
- предприятие №2 – из коммунального хозяйства города.

В сравнении показателей ответов опрошенных, картина выглядит следующим образом:

*Таблица 1. Готовность респондентов к инновациям
(в процентах к общему числу опрошенных)*

<i>...готовность к инновациям</i>	<i>Предпр. №1</i>	<i>Предпр. №2</i>
<i>...в технике, технологиях</i>	<i>54,8</i>	<i>55,6</i>
<i>...в стимулировании труда</i>	<i>59,1</i>	<i>54,4</i>
<i>...в организации труда</i>	<i>55,9</i>	<i>53,2</i>

Приведенные в таблице результаты интервьюирования свидетельствуют о многом. В данном случае остановимся на следующих моментах:

1. Независимо от отраслевой принадлежности предприятий, больше половины опрошенных готовы к инновациям в самых разных сторонах жизни предприятия. Это чрезвычайно важно по двум соображениям: с одной стороны, никакие новации не могут быть реально внедрены, пока необходимость в этом не будет осознана людьми, нуждающимися в них, внедряемых ими.

С другой стороны, от осознания необходимости инноваций до реального дела «готовность к инновациям» проходит долгий путь, связанный с созданием технико-технологических, финансово-экономических, организационно-правовых условий, необходимых для того, чтобы эта готовность из состояния потенции переросла в реальность.

2. Чрезвычайно актуальна проблема сопряженности готовности к инновациям со степенью, с уровнем осознания работниками необходимости

внедрения новаций в разные стороны жизни предприятия, определение готовности к инновациям как понимание респондентами того, насколько созрела необходимость внедрения изменений в существующие системы жизнеобеспечения предприятия.

Как видно из таблицы, на предприятии №1 заметно отличается доля готовых к инновациям в системе стимулирования труда по сравнению с теми, кто проявляет готовность к инновациям в организации труда и в технике; на предприятии №2, наоборот, хоть и ненамного, но отличается число тех, кто готов к инновациям в системе технико-технологического обеспечения. Напрашивается вывод о том, что разница в численности и в структуре готовых к инновациям на промышленном предприятии и на предприятии коммунального хозяйства города вполне определенно отражает уровень технико-технологического обеспечения процесса труда в них.

Другая группа проблем здесь связана с личностными особенностями восприятия необходимости инноваций, о чем свидетельствуют данные интервьюирования, приведенные в следующей таблице.

Таблица № 2 Готовность к инновациям разных возрастных групп (в процентах к общему числу опрошенных по предприятиям)

	№1	№2	№1	№2	№1	№2	№1	№2
...готовность к инновациям	20- 29 лет	20- 29 лет	30- 39 лет	30- 39 лет	40- 49 лет	40- 49 лет	50- 59 лет	50- 59 лет
в технике, технологиях	77,8	59,4	67,7	61,1	58,1	50,9	45,1	44,6
в стимулировании труда	61,1	64,5	60,0	76,4	61,3	50,9	51,1	52,2
в организации труда	8,4	7,2	6,7	3,9	5,9	2,7	4,4	6,9

Приведенная информация может стать основанием для множества выводов. В рамках темы данной статьи обратим внимание на четыре важных момента:

1. Обращает на себя внимание в первую очередь то, что высокая готовность к инновациям присуща всем возрастным группам.

2. В то же время эта констатация вовсе не означает, что готовность к инновациям одинакова во всех возрастных группах. Явно просматриваемый тренд здесь таков, что с возрастом у работников эта готовность снижается в отношении всех указанных направлений жизнедеятельности предприятия.

3. Наиболее активная возрастная группа с точки зрения готовности к инновациям – это работники в возрастном диапазоне от 20 до 50 лет.

4. Готовность к инновациям заметно отличается в возрастных группах работников в зависимости от отраслевой принадлежности предприятия: в целом по массиву, если, например, на предприятии №1 большую готовность к инновациям демонстрируют в отношении к технике и технологиям, то на предприятии №2 – большая готовность практически во всех возрастных группах в отношении системы стимулирования труда.

Понятно, что в рамках отдельной статьи нет возможности более подробно изложить полученные результаты, хотя в них можно увидеть целый ряд весьма важных зависимостей. В частности, выявлена зависимость готовности к инновациям от уровня образования: чем выше уровень образования у респондентов, тем больше среди них людей, показывающих высокий уровень готовности к инновациям. В то же время, если посмотреть сопряженность готовности к инновациям с уровнем образования и с занимаемой должностью, получим иную картину: среди руководителей высшего звена готовы к инновациям, судя по их ответам на наши вопросы, 12,5% опрошенных руководителей; в среднем звене доля руководителей,

высказавших готовность к инновациям, оказалось гораздо выше – 17,7%; еще выше доля таких руководителей в нижнем звене – 32,9%.

Возможно, одной из наиболее острых проблем, на которые вывели исследования, является противоречие между уровнем понимания необходимости создания инновационной, «умной» экономики со стороны представителей самых разных групп населения и по профессиональной принадлежности, и по возрасту, и по занимаемой должности и т.д., с одной стороны, и низким уровнем активности людей, когда дело касается реальных телодвижений в этом направлении на конкретном предприятии. В частности, одним из реальных возможностей в этом направлении, как это принято считать, выступает вовлечение как можно большего количества работников на непосредственном рабочем месте конкретным участием, например, в изобретательстве, рационализаторстве, в разработке новаторских предложений. Однако в нашем случае, судя по ответам интервьюируемых, на предприятии №1 выступило с новаторскими предложениями за последние 5 лет всего 16,7 процента работников, а на предприятии №2 еще меньше - 9,7 процента.

В качестве основного вывода можно было бы сказать следующее:

- в теоретико-методологическом и методическом плане не решена до сих пор проблема измерения результатов и социальных последствий внедрения новаций. Если даже остановиться на производительности труда, то она берется и сегодня как «средний по стране». А это значит, что этот самый показатель далеко не отражает реальное состояние дел, поскольку он сегодня существенно, а иногда и принципиально, отличается по секторам, по отраслям, по предприятиям в том числе по их организационно-правовым формам и даже по социально-территориальным общностям нашей необъятной страны: есть, так называемые, «точки роста», где производительность труда уже сегодня находится на желаемом уровне, а где-то на таком, с которого не поднимаются никогда. Предстоит внимательно исследовать проблему, перейдя от «общего-среднего» показателя к

конкретным факторам; попытаться выявить, насколько инновации способствуют:

а) повышению производительности труда в тех «точках роста», о которых говорилось выше;

б) насколько инновации способны поднять производительность труда в «лежащих» предприятиях;

в) каковы социальные последствия инноваций на предприятиях разных организационно-правовых форм и разного уровня развития.

- в практическом плане результаты наших исследований в этой области свидетельствуют о том, что на предприятиях реального сектора, да и не только там, работниками вполне осознается необходимость инноваций и модернизации, в частности, в ответах на наши вопросы респонденты демонстрируют не только понимание необходимости инноваций, но и высокий уровень готовности к ним.

Проблема традиционная и в этом качестве до боли знакомая, а потому и вывод почти тривиальный - перейти от разговоров к реальным делам и чем быстрее, тем лучше.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, т.23, с.18-19.

2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, т.36, с.130-131.

3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, т.36, с.187-190.

4. Материалы XXIII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1966, с.44-45

5. КПСС в резолюциях и решениях. М.: Госполитиздат, 1966. т.7. с 66-67.

6. Парсонс Т. О социальных системах// Под ред. В.Ф.Чесноковой и С.А.Белановского.- М.: Академический проект, 2002, 830 с.

7. Санто Б. Сила инновационного саморазвития // Инновации. – 2004. – № 2. – С. 5–15.

Раздел II.

Биографическое интервью как метод историко - социологического исследования

Прежде всего хотел бы поблагодарить профессора Равиля Насибуллина не только за подробный рассказ о своей жизни и работе в социологии, но и за предложение представить мой историко-социологический проект коллегам из Башкортостана. Так случилось, что мое исследование продолжается уже свыше десяти лет, его результаты отражены в большом числе публикаций и обсуждались на самых представительных российских социологических форумах, но никаких прямых контактов с социологами Республики у меня не было.

Немного о публикациях по проекту

Достаточно целостное, обоснованное представление о масштабах этого многолетнего исследования можно составить из краткого рассмотрения характера и содержания бумажных и электронных публикаций, отражающих разные аспекты настоящего проекта: методологию, организацию, результаты. Мне сложно подсчитать общее количество работ, опубликованных по теме обсуждаемого историко-социологического проекта; это бумажные и онлайн-публикации, книги, статьи, очерки, эссе. Можно с уверенностью сказать, что опубликовано около 170 интервью, две теоретико-методологические монографии и четыре сборника интервью с социологами разных регионов России. Кроме того, написано около 50 биографических материалов, в том числе первые в нашей стране биографические книги о социологах: Б.А. Грушине и В.А. Ядове. К важнейшим я отношу и две онлайн-книги, которые вышли в нескольких изданиях. Думаю, что общее количество опубликованных материалов заметно превышает 200 единиц.

В значительной мере мой проект родился благодаря предложению редактора Петербургского издания: «Телескоп: журнал социологических и

маркетинговых исследований» Михаила Илле создать в нем рубрику по истории российской социологии. Я согласился с этим предложением и по договоренности с Илле веду этот раздел с первого выпуска журнала в 2005 году. Приятно заметить, что пока все задуманное реализуется. В течении 2005 - 2017 годов вышло в свет 78 номеров журнала (по 6 – в год), и во всех обсуждались те или иные аспекты становления и развития советской/российской социологии. В совокупности это около 160 авторских листов, или – многотомное книжное издание. Конечно, это – не только мои тексты, но доля таковых – весьма значительна. Скорую публикацию текста завершеного интервью я всегда рассматривал в качестве своего рода благодарности коллегам, согласившемся рассказать о своей жизни.

Однако вскоре после отладки «индустриального» производства текстов интервью возникли сложности с их публикацией, «Телескоп» уже не мог все разместить на своих страницах. Помощь пришла со стороны других изданий: в 2006 году началось сотрудничество с «Социологическим журналом» и недолго просуществовавшем журналом ФОМа «Социальная реальность». В 2014 году пространство для журнальных вариантов текстов интервью с полстерами и аналитиками рынка стал выделять «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», публикуемый ВЦИОМ.

6 мая 2011 года, произошло событие, которое принципиально повлияло на ход развития обсуждаемого историко-социологического проекта. В тот день, мой коллега и друг, недавно скончавшийся петербургский социолог Андрей Николаевич Алексеев, ничего заранее не обсуждая со мной, сообщил, что он собрал воедино все имевшиеся у него интервью и просил добавить в это собрание тексты, которых у него не было. У него возникла идея подготовки для размещения в веб-сети этой коллекции под названием «Борис Докторов. Биографические интервью с коллегами-социологами (2005-2011)». Но здесь случилось непредвиденное, Франц Эдмундович Шереги, который к тому времени издал две мои книги по истории изучения рекламы и общественного мнения в США, предложил создать специальный сайт, на котором можно было

бы разместить собранные воедино интервью. К этой работе была подключена Елена Ивановна Григорьева – опытный специалист по созданию и поддержке социологических сайтов. Наше успешное сотрудничество развивается до сих пор.

Работа оказалась непростой, требовалось решить множество проблем, однако в середине ноября 2011 года задуманный сайт был открыт, на нем было размещено 40 интервью. А.Н. Алексеев согласился стать редактором-составителем, или редактором-консультантом; эту непростую функцию он и далее выполнял. Интервьюирование продолжалось, возникали новые идеи по строению сайта, коллекция завершенных интервью стала интерактивной, и это позволило сразу вносить в нее каждое новое законченное интервью. На старте 4-го издания (конец сентября 2014 года) – галерея фотопортретов респондентов содержала 63 портрета, в настоящее время – конец ноября 2017 года – без малого 170 [1].

Эта версия книги «Биографические интервью с коллегами-социологами» достаточно полно представляет все, сделанное по части проведения интервью за 13 лет, и, на мой взгляд, представляет богатые возможности для исследователей истории российской социологии, преподавателей социологии, студентов и аспирантов. Она рассказывает о социологах всех работающих в науке поколений ученых. Эта огромная и многообразная информация о самих социологах и их семьях, о том, как история нашей страны отразилась в жизни всех послереволюционных поколений. Проект явно вышел за границы собственно описания процессов становления и развития отечественной социологии и приобрел более широкое историко-научное значение. Более того, по мнению А. Н. Алексеева, сделанное можно рассматривать как «часть истории не только науки, но и творческой (гуманитарной) интеллигенции».

Сложно сказать, к какому общеисторическому и науковедческому выводу приведет анализ биографий, воспоминаний столь значительного числа ученых, работающих в одной научной области (социологии), специалисты допускают,

что подобного материала в других науках нет. Но уже сейчас представляет интерес проблема *биографичности* творчества социологов, т.е. определенной обусловленности исследовательской деятельности социолога фактами его биографии и предбиографии. Биографичность творчества композиторов, художников, поэтов и писателей – общепризнана, и невозможно анализировать сделанное ими, не обращаясь к фактам их жизни на макро и суперличностном уровне. Признается и биографичность творчества математиков, физиков, биологов, чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть книги о выдающихся ученых.

Можно предположить, что одной из черт *советской социологии* была ее «слабая биографичность»: в силу очевидных (и не совсем очевидных) обстоятельств социологи не имели права, возможности говорить «от себя», «своим языком». Прямолинейно понимавшийся тезис об «объективности» научного знания, а также цензура и самоцензура, кроме всего прочего, ограничивали жанр социологического повествования. Так, порождением застоя стали «коллективные монографии», их называли «братскими могилами»; это было гениальное изобретение времени – желая участвовать в такой работе, ученый фактически отказывался от многих, тем более – расходящихся с позицией «коллективного автора», собственных позиций. И уж, конечно, внебиографичность не могла стимулировать изучение процесса деятельности социологов.

В том же 2011 году началась большая работа по подготовке на диске книги, получившей название «Современная российская социология: историко-социологические поиски». Ее целью было собрать воедино все, сделанное по рассматриваемому проекту за первые семь лет. Это был 3-х томник, в декабре 2014 года – вышло второе издание – 6 томов, и летом 2016 года эта книга стала содержать девять томов [2]. Завершение работа было приурочено к Конгрессу российских социологов в Екатеринбурге, и там состоялась ее презентация.

В поисках собеседников

Ниже будет показано, как биографическое интервью работает в историко-социологическом исследовании. Однако, это будут не общеметодологические рассуждения «по теме», а описание собственного теоретико-эмпирического опыта. Но все же первым делом расскажу, как я «встретился» с Равилем Талибовичем Насибуллиным и почему предложил ему рассказать о себе.

Мой проект родился в 2004-2005 годах и сразу стал развиваться по двум направлениям: микро- и макроисследования. В первом случае я имею в виду углубленную проработку биографий социологов, которые внесли заметный вклад в развитие послевоенной социологии. Все началось не случайно, но спонтанно летом 2004 года с обстоятельного очерка о жизни и творчества Бориса Андреевича Грушина. Позже были написаны статьи, эссе об А.Н. Алексееве, Г.С. Батыгине, В.Б. Голофасте, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслов, С.А. Кугеле, Ю.А. Леваде, Б. М. Фирсове, В.Э. Шляпентохе и других видных социологах. Прошло время, и родились биографические книжки о Б. А. Грушине [3] и В. А. Ядове [4].

Начало макроисследования можно связать с проведением биографических интервью в 2005 году. Первой была беседа с Петербургским социологом Борисом Максимовичем Фирсовым.

До переезда в Америку в апреле 1994 года я около 30 лет работал в разных социологических институтах, где занимался эмпирическими методами социологии. Активно участвовал в опросах общественного мнения, проводимых в – тогда еще – Ленинграде и, работая во ВЦИОМ в годы его становления, всесоюзных. Так что был знаком со многими советскими социологами первых поколений. Потому в начале работы по сбору биографической информации я обращался за помощью к ним. Позже появились и другие схемы нахождения потенциальных респондентов: метод «снежного кома», когда мои давние знакомые и друзья рекомендовали мне своих коллег разного возраста, справочники членов Российской социологической

ассоциации, авторы заинтересовавших меня книг и статей. В последние годы с несколькими интересными социологами я познакомился в сети FaceBook.

Исходно никаких особых квалиметрических критериев на отбор респондентов не вводилось, речь не шла о наличии научных степеней и ученых званий, монографий и статусных должностей. Необходима лишь была известность в кругу исследователей в той области социологии, в которой работал потенциальный участник опроса. И в первые годы исследования ограничителем на участие в опросе было отсутствие у человека навыка работы с электронной почтой; тогда не все социологи, особенно – старших возрастов, «дружили» с этим методом общения.

Из сказанного ясно, что 13 назад я задумал проведение биографических интервью по электронной почте. Я сам и мои коллеги, с которыми я обсуждал это решение, имели массу сомнений и относительно работоспособности этого метода, и о возможности охвата достаточного для изучения числа респондентов. Но делать мне было нечего, живя постоянно в Америке и редко бывая в России, другого способа сбора биографической информации я не видел. Начал и постепенно набирал опыт, отлаживал методологию и технологию.

Работа шла плавно, в установившемся режиме. Но в октябре 2016 года в ходе участия в V Всероссийском социологическом конгрессе в Екатеринбурге и многочисленных встреч с коллегами я осознал, что мой метод интервью не позволяет мне получить биографическую информацию о наших умерших коллегах, которых, к сожалению, становится все больше. Выводом из этого наблюдения стало формирование нового исследовательского направления: «О тех, кто сам о себе уже не расскажет...». Фактически, оно началось складываться в 2014 году, но я не рассматривал его в качестве «особого». А специфичность его заключается в том, что с моими вопросами о жизни и работах интересующего меня социолога рассказывают его родные, коллеги, друзья, которых надо отыскать и к которым надо обратиться за помощью. К тому же, очевидно, многие из вопросов, которые я обычно задаю моим

респондентам, здесь – бессмысленны. Так или иначе, но к настоящему времени определенный опыт работы и в этом направлении накоплен: появился материал о: Г. П. Козловой, А. А. Киссель, П. Н. Лебедеве, Л. Н. Лесохиной, А. В. Полетаеве, Б. С. Рабботе, З.И. Файнбурге, Ф.Р. Филиппове, Г.П. Щедровицком, есть несколько еще не завершенных разработок.

Одна из них – материал о создателе «Башкортостанская школы социологов» Наримане Абдрахмановиче Аитове (1925-1999), сбор материалов начат несколько месяцев назад. Удалось быстро выйти на его родных, нескольких бывших коллег, учеников. В процессе этих поисков кто-то посоветовал обратиться к профессору Р. Т. Насибуллину, ученику и коллеге Аитова. Так состоялось наше знакомство. Рассказ Насибуллина об Аитове мне показался серьезным и интересным, и вот тогда я предложил ему рассказать о себе.

Продолжительность моих интервью – разная, есть 2-3 дня, есть более года. Ведь жизнь человека идет своим чередом, он читает лекции, пишет статьи и книги, ездит в командировки, бывает – заболевает, отправляется в отпуск... я особенно не подгоняю, стараюсь понять моего собеседника. Разные бывают и объемы текстов интервью, чаще всего – 2 авторских листа, бывают и меньше (но не меньше одного листа), но есть интервью-книги. Когда беседа разрастается и становится больше похожей не на краткое описание прожитого и сделанного, а на книгу, нельзя останавливаться. Так и у нас с Равилем Насибуллиным. Из интервью родилась книга.

О достоверности воспоминаний

Итак, о принципах выбора респондентов для биографического интервью кратко сказано, также сказано о продолжительности интервью и размерах текста. Теперь – о процедуре и содержании интервью. Очевидно, это принципиально важный аспект всего историко - социологического проекта; ведь очень многое определяется качеством интервью, характером полученной информации. В 2008 году, почти десять лет назад, в интервью В. А. Ядову о моих историко-социологических поисках в области американской и российской социологии я сформулировал свое понимание биографического интервью – это

мое *общение* с интересным мне собеседником [2, Том 3]. Моя главная задача – слушать его, давать ему возможность вспоминать и делиться воспоминаниями. Искать в его ответах то, что важно для него и может (по моему мнению) помочь мне и будущим историкам российской социологии в восстановлении прошлого.

Замечу, я практически не редактирую сказанное моими респондентами: понимаю, здесь лишь начни, остановиться будет невозможно. Конечно, естественно задаться вопросами о том, насколько можно доверять материалам интервью.

В своем анализе я исхожу из следующих презумпций. Первая: специально мой собеседник не лжет мне, не вводит меня в заблуждение. Если бы у меня такого понимания не было, я бы давно прекратил проведение интервью. Вторая: информация – определенно не полна, фрагментарна, но главное, самое важное, по мнению отвечающего, она содержит.

Вместе с тем, безусловно, в разговоре о былом надо учитывать ошибки памяти, неполноту, фрагментарность информации о событиях, описываемых респондентом, его положительное или негативное отношение к фигурантам тех уже неблизких процессов. Но ведь это не порождено тем, что мое интервью осуществляется по электронной почте, подобное характерно для всех повествований о прошлом, например, мемуарам. Даже официальные документы имеют ограниченную «правдивость». Как же ко всему этому относиться, что можно противопоставить относительной верности сообщений интервью? Следует отчетливо понимать, что изучение истории – это долгий и сложный процесс, и что всегда будет появляться новая информация, уточняющая наше сегодняшнее понимание прошлого.

К примеру, по мелким мелким кусочкам воспоминаний, содержащихся в интервью с Э. В. Беляевым, Т. И. Заславской, Т. З. Протасенко... удалось восстановить некоторые важные детали того, как 16–19 февраля 1966 года проходил в Ленинграде Первый Всесоюзный симпозиум социологов. Еще один пример: кто переводил на русский язык известную книгу У. Гуда и П. Хатта по эмпирическим методам социологии? Хотя перевод не был издан, по ней

осваивали методы многие из приезжавших в социологическую лабораторию В. А. Ядова. Лишь «столкновение-сравнение» воспоминаний Э. В. Беляева, А. Г. Здравомыслова, И. С. Кона и В. А. Ядова помогло распутать этот клубок. Затем, большой архив информации позволяет сопоставлять сказанное одним с рассказанным другим(и). К примеру, на философском факультете ЛГУ одновременно или практически одновременно (с разницей в год-два) учились следующие мои респонденты: А. В. Баранов, В. Я. Ельмеев, А. Г. Здравомыслов, А. В. Русалинова, Л. Н. Столович и В. А. Ядов. Беседы с ними были сугубо индивидуальными, так что о «сговоре» здесь не может быть и речи. Таким образом, у меня есть богатая информация о характере их студенческих лет, о содержании курсов, которые им читали. Но при этом, по воспоминаниям Ельмеева, им читали дореволюционную социологию, тогда как Баранов, Здравомыслов и Ядов имели противоположную точку зрения по этому поводу. И дело здесь не в ошибках памяти, а в понимании ими границ социологии.

В биографической информации присутствует разный по степени «объективности» материал. Его валидизация, объективизация – длительный, возможно, не имеющий завершения процесс. Но в любом случае собранный материал, по моему убеждению, весьма полезен для восстановления, описания нашей истории. Тем более что, часто другого материала у нас (уже) нет и, к сожалению, не будет. В моей практике есть несколько случаев, когда я не мог собрать ничего – кроме данных из «Листка по учету кадров» – о людях, внесших заметный вклад в становление нашей социологии и умерших на рубеже прошлого и текущего столетия.

Много лет назад я отмечал, что история может быть правдивой, только если она полна. В тот момент я представлял нашу историю в виде множества «белых пятен», внутри которых и в пространстве между которыми есть нечто изученное, известное и считал, что наша история была слабо наполнена именами тех, кто ее делал и продолжает делать. Последнее виделось как одно крупное «белое пятно». Хочется думать, что сейчас, благодаря усилиям ряда

исследователей, ситуация несколько улучшилась, но предстоит еще очень многое сделать. И в целом: объективность каждого биографического источника – это величина, зависящая от степени изученности нашего прошлого. Но справедливо и обратное.

Интервью – это общение

Биографическое интервью строится, разворачивается следующим образом: прежде всего, здесь нет никакого шаблона, никакого формализма, это «мягкая» беседа. Получив ответ на отправленный вопрос, я высылаю следующий вопрос, лишь в редчайших случаях – два вопроса, обычно – один. Конечно, это удлиняет время проведения интервью, но, в моем понимании, только такая манера дает ощущение личного интервью, истинного общения двух человек. Действительно, поначалу у меня было представление о возможности создания некоего банка вопросов, из которых можно было бы конструировать каждую новую беседу. Но время и опыт показали не только невозможность, но ложность, ошибочность такого замысла. Задумаемся, можно ли заготовить множество вопросов, которые уместны в интервью с социологом, отдавшим исследованиям 30-40-50 лет, и лишь входящим в науку недавним выпускникам университета?

Когда же получаешь ответ респондента, становится яснее, как двигаться дальше, особенно это важно в беседе с человеком, с которым никогда не встречался, биографию которого вообще не представляешь и направленность исследований которого знаешь весьма и весьма примерно. И вот в таком режиме: «вопрос»-«ответ»-«вопрос» наше общение и развивается. Но здесь важно сохранить за собою общее ведение беседы. Логика – проста: информация о родительской семье, о глубине знакомства с историей семьи. На микро уровне это нередко позволяет определить характер биографичности творчества социолога, на макро – это выход за пределы собственно истории социологии и придание моему проекту окраски общеисторического. Затем – детство, ранняя юность, школа, подростковые интересы, размышления о будущей профессии; моя цель – понять, когда же и как в человеке возникло нечто, что позже, и

иногда не очень прямой дорогой, привело его в социологию. И так далее, есть общее видение нескольких, скажем, «типичных» траекторий вхождения исследователя в науку и работы в социологии. Но все это в высшей степени индивидуально, потому и общение – сугубо индивидуализированное.

Личностный характер общения проявляется еще в одном аспекте методологии и технологии интервью, обычно, во всяком случае – часто, беседа с респондентом продолжается за рамками собственно вопросно-ответной процедуры. Например, мои собеседники, особенно, мало знающие или вообще не знающие меня, задают вопросы об Америке или просят рассказать о тех или иных фрагментах моей жизни. Естественно, спрашивая других и рассчитывая на их доверие, я и сам стараюсь максимально подробно отвечать на их вопросы. Полагаю все это крайне важной чертой моих интервью.

В первые годы, легко понять, мой опрос фокусировался на социологах двух столиц. Конечно, и сейчас среди опрошенных количество московских и петербургских социологов заметно больше, чем живущих в других городах. Но это отражает и историю становления современной советской социологии, и значение центров, институтов этих городов в современной социологической жизни России. Тем не менее, можно утверждать, что в последние годы мне удалось исправить выборку и освободить мой проект от излишнего «центризма». В 2015 году при поддержке университетов в Екатеринбурге, Саратове, Тюмени и Хабаровске были изданы книги интервью с социологами этих городов. Кроме того на карте исследования представлено много городов из разных регионов: от Калининграда, до Иркутска и Кызыла. Теперь будет и Уфа.

Замечу один принципиальный момент в организации моего проекта: он никем – ни в России, ни в США – не финансируется и никем не управляется, он в полном смысле этого слова – независимый. Все интервью я провожу сам, у меня нет никаких сотрудников, и я никого не прошу о помощи в проведении опросов. За всего годы работы был один случай, когда личный опрос – мой респондент не пользовался электронной почтой – проводился не мною. Безусловно, это усложняет работу и – неминуемо – увеличивает время сбора

информации. Но, с другой стороны, это в полной мере снимает проблему интервьюера, которая всегда присутствует в массовых опросах.

Укажу еще на один крайне важный момент в использованной мною процедуре сбора «первичной информации». Конечно, многоцелевой, объемный анализ содержания бесед с советскими / российскими социологами может быть проведен, когда мне удастся завершить все начатые и не завершенные интервью, думаю, это будет в первом квартале 2018 года. Вместе с тем, у меня не только – длительный, перманентный процесс интервьюирования, но и столь же продолжительный и непрерывный процесс анализа добываемой информации. Десять лет назад, в 2008 году, я написал статью: «Биографии для истории» [5], на тот момент прошло лишь два года с начала проекта, делались лишь первые в создании методики интервьюирования, но одновременно тогда же начинался и анализ собранной информации. Хотя свою первоочередную задачу я видел в проведении интервью, полагая, что в будущем исследователи используют их для восстановления нашего прошлого.

Не возрождение, но второе рождение

Однако, именно работа с первыми биографиями позволила мне уже в 2007 году сформулировать две концепции, которые стали краеугольными для моего проекта и которые постепенно признаются отечественными историками социологии. Первая из них – положение о «втором рождении» советской социологии», вторая - «лестница поколений» советских / российских социологов, или поколенческая стратификация нашего профессионального сообщества. Все это неоднократно излагалось в моих публикациях, потому сейчас, изложу эти темы кратко в опоре на монографию «Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории» [6].

В моем понимании, действительно, политическая оттепель конца 1950-х – начала 1960-х дала импульс для становления нового этапа развития в СССР социологии, однако это было не *возрождение* дореволюционной и ранней советской социологии, а ее *вторым рождением*. Термин «возрождение» представляется слишком неопределенным, не имеющим конкретного

наполнения, и поэтому его закрепление в историко-научно-исследовательских исследованиях может стать основой мифа или ложной интерпретации генезиса российской социологии, а значит, и всего последующего развития современной отечественной социологии. Испытываемые тогда молодыми учеными — сегодня они известны нам как первопроходцы - напористая агрессивность, кураж не были и *не могли быть порождены* ощущением себя *преемниками* дореволюционных социологов. Что за удовольствие быть вторыми по отношению к тем, кого давно нет и к кому в стране существует устойчивое критическое отношение? Хотелось делать нечто свое, а не выглядеть лишь соучастником некоего долголетнего научного и культурного проекта. Молодое поколение стремилось создать нечто по-настоящему новое, объективно они не были отягощены наследием прошлого, им никто ничего не завещал, никаких ключей к кладовым и сундукам не передавал. В профессиональном отношении — именно как социологи — они были бедны, но они надеялись на свои силы, а не на ренту от старого капитала.

Второе рождение социологи в России/СССР лишь формально можно трактовать как возрождение: по своей внутренней логике, механизму зарождения, мотивации деятельности первопроходцев социологии это совсем иной феномен; это процесс иного строения, принципиально иной энергетики. Молодые философы, историки, экономисты, которые на рубеже 1950–1960-х гг. стали называть себя социологами, не были готовы (да у них и не могло возникнуть такого желания) возводить свою социологию на руинах фундамента дореволюционной и ранней советской социологии. В подтверждение этого приведу фрагмент из интервью с Т. И. Заславской, проведенного в 2006–2007 годах: «Мои беседы с социологами Вашего поколения показывают, что точнее говорить, что в 1960-е годы происходило не возрождение советской социологии, но ее второе рождение. Она родилась и, осматриваясь, естественно, задалась вопросом: а что было раньше? Тогда И. А. Голосенко по инициативе И. С. Кона начал заниматься творчеством Питирима Сорокина, Ф. Э. Шереги, будучи аспирантом В. Э. Шляпентоха, изучил работы советских

специалистов, в основном — статистиков 1920-х годов, в области выборки. Но это все не шло под лозунгом возрождения российской дореволюционной или ранней советской социологии...» Ответ Заславской был кратким: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас» [2, Том 2].

Заслуживает внимания и суждение Ф. Э. Шереги, замечу, одного из немногих аналитиков, кто целенаправленно изучал некоторые аспекты социологии 1920-х: «Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х годов. Да и опираться только на этот опыт было бы недостаточно, так как за период запрета советской социологии на Западе были достигнуты значительные успехи в развитии методов прикладной социологии и изучения общественного мнения. Поэтому приобщение советских социологов к опыту Запада в решающей степени способствовало успехам советской прикладной социологии. Это не умаляет научности и большой исторической значимости опыта советской прикладной социологии 1920-х годов» [2, Том 2].

В чем смысл концепции второго рождения? Во-первых, как мне кажется, в верном, исторически оправданном описании генезиса послевоенного этапа развития отечественной социологии. Во-вторых, в объяснении того обстоятельства, что в публикациях социологов долго, по крайней мере до середины 1970-х, отсутствовали имена дореволюционных и ранних советских социологов. В-третьих, из концепции второго рождения однозначно следует, признание пионерной роли тех, кто на рубеже 50-х — 60-х годов прошлого столетия начал создавать новую социологию.

Взгляд в прошлое, отмечалось в названной статье «Биографии для истории», показывает, что новыми социологами могли стать и стали люди не просто талантливые, хорошо образованные и работоспособные, но готовые годами выдерживать суровые идеологические, жизненные испытания и сохранять социальные идеалы молодости. Отсутствие у этих людей социологической подготовки в конце 1950-х — начале 1960-х годов

компенсировалось их стремлением к совершенствованию социализма, детьми которого они были и в возможность улучшения которого искренне верили. В те годы были ученые, знавшие философию, историю, экономику лучше, чем их тридцатилетние коллеги, но старшие были многократно биты – в прямом и переносном смысле. Тогда наступало время людей, чувствовавших, отгадывавших в социальной атмосфере, в лишь намечавшихся общественных преобразованиях новые вызовы, а в себе – силы, амбиции, желание, кураж ответить на них.

Нужен был также некий романтизм и значительный запас социального оптимизма. Необходимо было некое, пусть умеренное, допустимое бунтарство, стремление к поиску новых социальных, если не горизонтов, то технологий. При этом новые должны были уметь сотрудничать с либерально настроенными представителями властной элиты. И, как это ни покажется странным, этим новым людям нужно было незнание, точнее – лишь частичное знание истории своей страны и даже прошлого своей семьи. Все былое не должно было «придавливать» их думы, лишать их воли. Знание дореволюционных реалий, не канонизированных идеологией страниц Гражданской войны, правды о коллективизации, реальные представления о размахе борьбы с «врагами народа» в конце 1930-х, знакомство с существованием ГУЛАГов и многое другое могло оказаться тяжелейшим интеллектуальным и душевным грузом для тех молодых, которым историей было предначертано создание советской социологии. Очень точно сказал И. С. Кон: свободомыслие его поколения отчасти было выстрадано молчанием их предков. Эти люди не ощущали личной ответственности за случившееся в стране до их рождения и в ранние годы их социализации.

О поколенческом подходе

Более обстоятельного рассмотрения требуют построения, касающиеся поколенческого анализа нашего профессионального сообщества. Эта тема тоже неоднократно рассматривалась в моих работах, сейчас я следую прежде всего одной из последних версий ее освещения [7].

Я не думал специально о построении схемы поколений российских социологов, просто искал метод группировки проводимых биографических интервью. Сразу было ясно, что что возраст детерминировал многое в пути вхождения человека в науку и характере работы в ней. Однако, мне не казалось перспективным создавать однородные в возрастном отношении группы, так как их возрастное расчленение «подвижно». Сейчас, скажем в группе «от 50 до 59 лет» собраны одни респонденты, но уже через пять лет половину из них, преодолевших отметку в 59 лет, придется заменить. Поколенческая стратификация представлялась более обоснованной, ибо принадлежность к тому или иному поколению ученых это «метка» на всю жизнь.

На момент начала моего проекта уже существовали определенные поколенческие типологии. Так, А. Г. Здравомыслов выделял два поколения: первое – социологи-«шестидесятники», второе – «примерно на 20 лет моложе». Называя наиболее активных и известных представителей первой группы, Здравомыслов указал имена социологов, годы рождения которых укладываются в одиннадцатилетний и достаточно однородный в социальном плане интервал от 1923 до 1933 г. Но обозначая состав второй плеяды, он объединил в ней людей 1945–1961 годов рождения, и промежуток этот, охватывающий уже разные в социально-историческом отношении времена, составил 17 лет. Таким образом, вторая плеяда оказалась весьма неоднородной, и это позволяло считать, что она объединяла в себе представителей разных поколений. К тому же, и я обсуждал эту тему со Здравомысловым, недостатком предложенной им поколенческой стратификации являлось то, что в ней вообще не была отражена большая группа социологов, родившихся с 1934 по 1944 г.

Ниже под поколением социологов понимается достаточно однородная по возрасту группа ученых, удовлетворяющая двум условиям: 1) их первичная социализация происходила в сходных исторических и социально-политических обстоятельствах и 2) их вхождение в социологию состоялось в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии.

Первое требование – очевидно, оно отвечает мангеймовской традиции включать в одно поколение совокупность людей, социализировавшихся в сходных условиях, и стало универсальным, базовым для когортного, поколенческого анализа. Второе проистекает из того, что в создаваемой системе *профессиональных* поколений необходимо учитывать особенности становления постхрущёвской социологии в СССР и своеобразие личной деятельности ученого. В частности, замечу, что в первые десятилетия современного периода российской социологии существовали принципиально разные пути вхождения в науку. Поэтому профессиональное становление (т. е. их дороги в социологию) ровесников нередко проходило в различных обстоятельствах, и, следовательно, из принадлежности к одной возрастной когорте не вытекает автоматически принадлежность к одному поколению социологов.

Поколенческая стратификация социологического сообщества трактуется как построение типологии, в каждую секцию которой по определенным правилам может быть занесен любой, кто в СССР / России занимался, занимается и будет заниматься в ближайшем будущем анализом социологических проблем. В таком случае совокупность *всех* поколений – это идеальная конструкция, которая в историко-научоведческих построениях может служить *моделью*, или теоретико-эмпирическим описанием, возрастных страт этого профессионального цеха.

Существует большое число алгоритмов создания и анализа типологий объектов разной природы, и эти правила могут быть объединены в две группы, описываемые принципами Эйнштейна, которые предлагались им для установления верности теоретических конструкций: принципы *внутреннего совершенства* и *внешнего оправдания*. Согласно первому, создаваемые теории (типологии) должны базироваться на минимально возможном числе общих положений, т. е. следует отказываться от введения *ad hoc* допущений, порождаемых локальными, частными факторами. Другими словами, стремление к учету логического требования предполагает конструирование

такой модели поколений, в которой существовала бы внутренняя «числовая» гармония, простым было бы правило продолжения типологии в будущее и, если надо, в прошлое, чтобы она легко выдерживала ее логически и математически оправданное дробление. Второй принцип утверждает, что новые типологии должны позитивно коррелировать с ранее выработанными и зарекомендовавшими себя классификациями и отвечать более широким требованиям среды, в которую погружены типологизируемые объекты. Критерий внешнего оправдания требует «простого и очевидного»: интерпретируемости типологии, ее привязке к биографиям людей, образующих эти поколения.

Итак, поколения российских социологов – это, прежде всего, наделенные рядом социально-профессиональных характеристик возрастные группы, и потому их вычленение внутри профессионального сообщества в первую очередь связано с определением *хронограниц* этих поколений, с нахождением их временной протяженности, или продолжительности. Формально эту задачу можно рассматривать как количественную, или «арифметическую». Но уже смоделированные поколения должны хранить в себе следы реального процесса развития отечественной социологии, соотноситься с множеством глобальных социально-политических процессов, формировавших поколенческую структуру всего советского/российского общества.

Поколенческая стратификация

Поколенческая стратификация российского социологического сообщества развивалось мной итерационно: делались некоторые количественные построения и проверялась их интерпретируемость; затем процесс продолжался. После долгих попыток определения хронограниц поколений я пришел к заключению о том, что существует лишь один способ *освободиться* от давления Монблана частностей – сделать все поколения *равной* продолжительности. Это важнейший, базовый принцип построения системы поколений; на мой взгляд, от него следует *отказаться* лишь при наличии весьма серьезных аргументов собственно исторической и

конструктивно-методической природы. Причем речь непременно должна идти о построении *конкурентной* модели, т. е. предлагающей иную, но обязательно *полную* систему поколений.

Постепенно была обоснована и длина, или продолжительность поколения; оптимальным решением оказалась возрастная шкала с шагом в 12 лет. Но определение «длины» поколения – лишь первый шаг в создаваемой типологии. Далее необходимо было расположить на временной оси интервалы продолжительностью в 12 лет так, чтобы они оказались привязанными к жизненным траекториям социологов, здесь началась эмпирическая фаза создания теоретико-эмпирической типологии.

Изучение биографической информации показывало, что значительное число ученых, с именами которых связано становление современной социологии в СССР, родились в узком четырехлетнем интервале между 1927 и 1930 гг., серединой которого являются 1928 и 1929 гг. Помещая именно *это двухлетие* в центр искомого (первого) временного интервала, в котором родились советские социологи-первопроходцы, и помня о 12-летней длине этого интервала, легко получить его левую границу – 1923 г. ($1928 - 5 = 1923$) и правую – 1934 г. ($1929 + 5 = 1934$). «Расположив» это базовое поколение на временной оси, мы, подчеркиваю, *автоматически* получаем положение на этой оси всех других поколений (Таблица 1). Всякий раз «левая» граница очередного поколения приходится на год, следующий за «правой» границей предыдущего поколения; при этом продолжительность каждого – 12 лет.

Таблица 1. Лестница поколений в постхрущёвской российской социологии

Номер поколения	Годы рождения	Социально-хронологическое название поколения (Структурный подход)	Доминантная функция поколения (Деятельностный подход)
I	1923–1934	Шестидесятники (первая волна)	Конституирование социологии как самостоятельной науки

II	1920-е– 1934	Шестидесятники (вторая волна)	Расширение предметного поля исследований
III	1935–1946	Военное	Развитие эмпирических методов
IV	1947–1958	Первое послевоенное	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959–1970	Постоттепельное	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971–1982	Предперестроечное (годы застоя)	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983–1994	Дети перестройки	Вхождение в глобальное социологическое сообщество

Исключением из этого правила являются границы второго поколения, но в этом есть резон, причина такого решения относительно границ «второго поколения» является следствием разрыва непрерывности развития советской социологии. На волне политической оттепели на рубеже 1950-х и 1960-х годов в Москве, Ленинграде, Свердловске и еще в нескольких городах начали проводиться социологические, часто их называли конкретными социальными, исследования, в стране появились *первые* социологи. Через несколько лет к ним стали присоединяться не только молодые философы, историки, экономисты, составившие в моей классификации третье поколение, но и фактически ровесники «первых». Они имели тот же, что и «первые» жизненный опыт, аналогичное образование, некоторые уже были кандидатами наук, но не обладали социологическими знаниями и опытом. Они становились «первыми учениками первых социологов», быстро нагоняли своих более опытных коллег, но все же – как показывают интервью, не вливались в первую когорту. Отсюда то, что я называю: «один возраст – два поколения». Я думаю, что совершил бы большую логическую, собственно историческую и этическую ошибку, если бы пытался в одном поколении соединить две группы исследователей старшего

возраста, не обращая внимания на генетические различия этих образований. И что важно, когда советская социология начала конституироваться, и процесс ее развития постепенно нормализовался, такого расщепления одного возраста или, напротив, искусственного слияния двух возрастных групп не требовалось. Потребность в подобных построениях не обнаруживалась в эмпирической информации.

Теперь поясню данные выше (третий столбец в Таблиц 1) названия социологических поколений.

Для социологов Поколения I не надо было долго искать «имя», оно давно дано самим временем и плотно закрепилось в нашей историографии. Это – «шестидесятники». Большинство из представителей первой когорты вошло в жизнь вскоре после смерти Ленина, в годы свертывания нэпа и перехода к развернутому строительству социализма; на рубеже 1920–1930-х гг. зарождался культ личности Сталина. На годы их детства / юности пришлось массовые репрессии конца 1930-х, а затем — война. Старшие участвовали в ней, младшие испытали всю тяжесть военного времени. Многих из них потрясла смерть Сталина, казалось, что потеряны главные ориентиры жизни. Их поздняя юность и ранняя молодость прошли в период политической оттепели, наступившей после доклада Н.С. Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.), десталинизации. Свою профессиональную (социологическую) деятельность они начинали на рубеже 1950–1960-х гг., практически «с нуля», осваивая и азы, и достижения западной социологии.

Как отмечалось выше, представители *второго* поколения по возрасту в среднем лишь немного моложе ученых, образующих первую возрастную когорту, но система их ценностей формировалась в том же социальном пространстве, что и «первых». Лишь в силу разных жизненных обстоятельств «вторые» пришли в социологию несколько позже «самых первых»; и обе эти когорты относятся к «шестидесятникам». Однако «первые» – так сложились их судьбы – входили в социологию *азартно, горячо*, «вторые» – более трезво, взвешенно, они *отказывались* от ранее избранного ими профессионального

пути (среди них были журналисты, партийные и комсомольские работники, юристы, учителя и т. п.).

Детство *третьего* поколения пришлось на годы войны; старшие в полной мере хлебнули ее тяготы и помнят нелегкое послевоенное время. Атмосфера «оттепели» осознавалась представителями этого поколения через песни Окуджавы, стихи поэтов-фронтовиков и поэтов евтушенковского «призыва». Общая социальная, идеологическая среда, в которой формировалась эта профессионально-возрастная группа, делала их менее политизированными, чем старшие социологи, менее скованными в своих рассуждениях об общественном устройстве, более критичными в отношении советской политической системы. По своим политическим взглядам, по общему мироощущению многих социологов третьего, «военного» поколения можно назвать младшими «шестидесятниками».

Четвертое поколение социологов – первое послевоенное – формировалось в атмосфере, складывавшейся в СССР после смерти Сталина. XX Съезд КПСС и «венгерские события» не могли коснуться их напрямую, но освоение целины, запуск первых спутников Земли и полет Юрия Гагарина в космос, «пражская весна» — суть составляющие той социальной атмосферы, в которой прошла их юность и ранняя молодость. По возрасту – это поколение детей социологов первого призыва.

Пятое поколение взрослело вместе со становлением и трансформацией брежневской эпохи: строительство БАМа и начало войны в Афганистане, Хельсинкский мирный договор и ссылка А. Д. Сахарова в Горький. Великая Отечественная входила в сознание многих представителей этого поколения через чтение «Малой земли» и вручение в 1978 г. ордена «Победа» маршалу Л.И. Брежневу.

Представители *шестого* поколения в детстве тоже наблюдали все это, но их гражданское сознание формировалось уже в годы перестройки и реформ М. Горбачева и Б. Ельцина. О войне они узнавали уже не от родителей, но от

дедушек и бабушек, песни Галича и Окуджавы были для них менее «своими», чем песни Высоцкого, Гребенщикова и Цоя.

Беседы с социологами седьмой профессиональной когорты показывают, что они нацелены на получение российского и западного социологического образования, приобретение опыта работы в зарубежных исследовательских, аналитических организациях. И это не «пустые мечты», молодые социологи готовы к этому. И важно отметить тот факт, что в середине и второй половине текущего века именно эта группа наших сегодняшних коллег будет связующей между сегодня еще не видимыми поколениями и теми, кто стоял у истоков послевоенной российской социологии. Ведь представители ожидаемого *восьмого* поколения (годы их рождения: 1995–2006), старшим из которых сейчас лишь немногим более 20 лет, уже не смогут вспоминать о своих непосредственных контактах с социологами первых поколений.

Испытано временем

Скажу немного о том, как я сейчас отношусь к сделанному десять лет назад. Согласно моему пониманию, предложенная тогда конструкция поколенческого строения нашего сообщества не только решила исходную задачу – упорядочить не совсем тривиальным образом биографическую информацию и помочь в планировании процесса интервьюирования, но и позволила успешно перейти от индивидуального уровня рассмотрения собранных данных (биографии большого числа советских и постсоветских социологов) к анализу развития нашей науки. Не могу не отметить и того факта, что, несмотря на множество моих публикаций методологического и эмпирического характера (см. выше), в которых многое построено вокруг концепции социологических поколений, мне пока не встречалась развернутая критика предложенного подхода к поколенческой организации нашего профессионального сообщества. В значительной мере я объясняю это алгоритмичностью определения границ поколений и прописки исследователя к определенной поколенческой «квартире». Думаю, от принципа равенства протяженности поколенческих интервалов можно будет *отказаться* лишь при

наличии весьма серьезных аргументов собственно исторической и конструктивно-методической природы. Причем речь непременно должна идти о построении именно *конкурентной* модели, т. е. предлагающей иную, но обязательно *полную* систему поколений.

12 лет назад, в «Телескопе» №5 за 2005 год было опубликовано мое интервью с Л. Е. Кесельманом [2, Том 2], несколько ранее, но в том же году были проведены и опубликованы лишь три беседы с советскими / российскими социологами: с Б. М. Фирсовым [2, Том 2], Я. И. Гилинским [2, Том 2] и В. А. Ядовым [2, Том 2]. Выбор трех названных последними ученых для интервью в самом начале историко-социологического проекта не вызывал сомнений ни у меня, ни у читателей, они – известные люди в нашем профессиональном цехе, доктора наук и профессора, руководители крупных научных структур, авторы многих книг и т.д. Но я долго раздумывал над тем, предложить ли ответить на вопросы интервью моему многолетнему коллеге и другу Леониду Кесельману. Он не имел научной степени и на тот момент уже около года жил в Германии.

Таким образом, обострился вопрос о критериях отбора респондентов для интервью. У меня не было сомнений в том, что Кесельман – серьезный, в высшей степени граждански обеспокоенный профессионал, и я понимал, что «фильтры» для выбора моих будущих собеседников должны «пропускать» специалистов, подобных Кесельману. И в последствии я много раз убеждался в правоте моего решения не вводить в критерии наличие степеней и званий, «толстых» монографий и характера должности. Есть лишь одно «мягкое», «неопределенное» требование – известность в кругу профессионалов. Что это означает? Если я сомневался в правомерности обращения к тому или иному потенциальному респонденту, я обращался к моей высокостатусной референтной группе. Но постепенно необходимость в этом «затупилась», по мере работы над проектом улучшалось мое знание социологического корпуса, да и сами респонденты нередко давали мне добрые советы о том, с кем имеет смысл поговорить.

В 2005 году я еще не построил лестницу, или пирамиду, поколений, и разделял социологов на две группы: первое поколение - «старшие» и второе - «младшие». И здесь 61-летний Кесельман относился к младшим. Через два года оформилась концепция поколений российских социологов, согласно которой Ядов относится к поколению I, Гишинский и Фирсов – к поколению II и Кесельман – к поколению III. Таким образом, Леонид Кесельман стал первым социологом III поколения (1935–1946 гг., рождения), с кем я провел историко-биографическое интервью.

За прошедшие годы набралось 32 беседы с социологами этой когорты, и интервью с Равилем Насибуллиным – 33-е. Во всех этих воспоминаниях, как и в рассказе Равиля Насибуллина, обнаруживается то, что прежде всего характерно для любых поколенческих образований, - единство среды первичной социализации. Доминанта – Великая Отечественная война и ее многочисленные проявления, пережитые большинством семей страны. Мои собеседники говорят о безотцовщине или об израненных отцах, о преимущественно женском воспитании, о голоде и крайне скудных материальных и жилищных условиях. Многие рассказывали о трагедиях своих дедов и бабушек: Гражданская война, раскулачивание и вынужденное переселение в дальние районы России, события конца 1930-х. Объединяет всех и то, что представители III поколения становились социологами без соответствующего базового образования, но – как правило – в результате реакции на происходившее вокруг них. В школе, в период получения вузовского образования никто не думал о будущих занятиях социологией, более того, многие и не знали о ее существовании. И в этом отношении биография Насибуллина «типична». Хотя при этом даже ранняя социализация каждого – уникальна, индивидуальна. И то, как все происходило у подростка, жившего в татарской деревне, коренным образом отличается от становления юного москвича.

К настоящему времени даже самые младшие представители III поколения социологов, к старшему младших относится и Равиль Насибуллин, перешагнули свое семидесятилетие, старшие – уже пребывают в «начале своих

восьмидесятых». Безусловно, многое этими исследователями уже сделано, но – наблюдаю примеры творческого долголетия социологов двух первых поколений, рано подводить итоги деятельности «военного поколения» социологов. Вместе с тем, целесообразно самым внимательным образом изучать воспоминания членов этой когорты, ибо их наблюдения, размышления чрезвычайно ценны, они учились у «первых», в их памяти сохраняется много неизвестного, забытого из нашей истории.

Как здесь не вспомнить уже двадцатилетней давности статью Н. А. Аитова «История с историей социологии» [8]? Опуская анализ многих справедливых положений, высказанных Аитовым, постараюсь выделить главную интенцию его рассуждений. История российской, он говорил – о советской, социологии излишне «центрична», фокусирована на анализ московских, ленинградских, новосибирских школ социологии и не уделяет внимания изучению движения социологии в других регионах. Вывод один, историко-социологические исследования региональной направленности должны развиваться на местах. Никто кроме, скажем, ученых Башкортостана не изучит и не опишет становление социологии в Башкирии, ее нынешнее состояние и новые тренды в ее динамике. Беседа с Равилем Насибуллиным – один из шагов в этом направлении.

Для ряда задач типологической направленности поколения можно обозначать просто номерами. Однако сразу было видно, что задачи историко-научного исследования потребуют введения содержательных названий поколений, в которых отражались бы либо особенности времени *социализации* соответствующих поколений, либо специфика процесса их *профессионализации* и *профессиональной деятельности*.

Приведенные в третьем столбце Таблицы 1 имена поколений, сложились в 2007 – 2008 годах и отвечали тому, что сейчас я мог бы обозначить, как *структурный* взгляд на стратификацию российского социологического сообщества. В последующие годы важнейшей и крайне трудоемкой частью данного исторического проекта оставался сбор биографической информации,

но одновременно осуществлялось ее «зондирование». Для того круга задач, которые я рассматривал, подобное структурное прочтение процесса формирования и функционирования поколений было достаточным: постепенно увеличивалось количество социологов нескольких первых поколений, и процесс интервьюирования охватывал нарождавшиеся поколения; прояснялось то общее, что было присуще сложившимся и новым исследовательским сообществам и что привносилось «новичками». Вместе с тем постоянно ощущалась недостаточность структурной типологии, в ней в целом учитывались макро-изменения, присущие в целом населению страны, но она не принимала во внимание изменений, происходящих в социологической науке.

Поколенческо-функциональный анализ

Постепенно, в рамках структурной интерпретации поколений складывалась *деятельностная*, призванная учитывать важнейшее историческое предназначение каждой профессионально-возрастной группы социологов, или основной смысл ее исследовательской деятельности. В 2010–2011 годах поиски в этом направлении вылились в отыскание *функций* поколений, и некоторые смутные представления о них были изложены в книге [6]. К тому моменту было проведено немногим более полусотни интервью с социологами лишь первых четырех поколений. И все же мне представлялось оправданным говорить о ведущих ролях и функциях профессиональных когорт в процессе становления в СССР социологии. Отмечалось, что эти роли не распределялись каким-либо режиссером, внешней силой, властными институтами, они были избраны участниками процесса самостоятельно и часто выстраданы. Путь каждого социолога во многом был случаен, а вот функции поколений – закономерны, объективны. Они – следствие исторических процессов, составляющих фон и суть второго рождения современной советской / российской социологии. В начале 1960-х гг. «процесс пошел», и далее на десяток лет все было, по большому счету, предопределено. Сошли бы пионеры с той стези, на которую их вывели политическая «оттепель» и стремление в рамках марксизма искать

новые социальные горизонты, – и не состоялось бы тогда этого второго рождения.

Если исходить из того, что мир – не хаос, то придется признать объективность многих процессов, происходящих в обществе и в социальных институтах. Объективно и развитие системы наук об обществе. И в этом смысле тем, кого мы сейчас называем «первыми», суждено было начать. В те годы на арене истории и должны были появиться новые люди, обладавшие по крайней мере двумя уникальными качествами: во-первых, более смотревшими вперед, чем назад; во-вторых, профессионально готовыми к *самостоятельному* изучению и использованию теорий, методологии и методов современной по тому времени социологии. По сути, речь шла о новом типе личности, который был способен услышать пробивавшиеся из толщи социальных отношений вызовы, перевести их на язык науки, приступить к поиску ответов на эти вызовы и доказать обществу, что эта новая наука необходима ему. Таких вперёдсмотрящих не могло быть много, но и нужны были единицы.

Второе поколение было охарактеризовано как странное и названо «первыми учениками первых учителей». Странность – в том, что учителя и ученики – ровесники, но соединять две эти группы в одно социологическое поколение было бы неправомерным. Переход в социологию представителей второго поколения, к тому времени уже имевших базовое образование и успешную карьеру по избранной специальности, не был бегством от избранной ранее профессии, как и не был результатом «чистой» игры случая. Он произошёл либо как развитие, уточнение того пути, который им давал их первичный профессиональный выбор, как развитие предмета и проблематики исследований, начатых ими до обращения к концепциям и методам социологии, либо как ответ на опыт наблюдений ими социальной реальности. Они пришли в социологию, когда «первыми» уже была обозначена самостоятельность социологии как науки, когда уже начинала несколько уменьшаться, снижаться острота конфликта между представителями ортодоксальной марксистской социологии и теми, кто не был согласен с их трактовкой природы и характера

социологического знания. «Вторые», во всяком случае их основная часть, имели возможность относительно продолжительное время сосредоточиться на социологическом анализе проблематики, заинтересовавшей их еще до прихода в социологию. Это во многом предопределило особенности их личных профессиональных путей и специфику второго поколения в процессе развития социологии в СССР / России.

Главное отличие третьего поколения от второго заключается в том, что оно осознанно, целенаправленно *рекрутировалось* и создавалось в основном первым поколением, тогда как второе приходило в социологию само. Соответственно, роль, назначение, функции третьего поколения определялись не только временем, политическими, идеологическими и социальными особенностями советского общества второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг., но и в значительной степени научными интересами и личностными характеристиками социологов первого поколения. Многие из них к тому времени были докторами наук или собирались защищать диссертации, авторами основополагающих для отечественной социологии книг, руководителями крупных проектов или подразделений академических институтов. Они имели возможности, правда, не очень широкие, набирать штат сотрудников и руководить аспирантами. И делали это прежде всего исходя из собственных научных интересов, текущих производственных потребностей, представлений о том, какими они видели своих младших по возрасту коллег. В силу сказанного это поколение тогда было названо *«призванное помогать»*; в этом была его базовая функция.

Интервью с Равилем Насибуллиным указывает еще на одну важную функцию поколения III – сохранение традиций социологических школ, памяти о тех, кто их создавал. Одно до конца не ясно, осознает ли эта когорта свою новую функцию.

Четвертое – самое молодое в моем исследовании в то время (по возрасту они – дети социологов первого поколения) – получило название *«спасенные перестройкой»*. Я полагаю, что перестройка определила своеобразие этой

плеяды социологов. Если бы не принципиальные политические, идеологические, социально-экономические изменения, произошедшие в этот период в стране, то профессиональная жизнь четвертого поколения могла бы сложиться принципиально иначе: концептуальный аппарат, предметно-объектное поле исследований, арсенал методов и прочие аспекты профессиональной деятельности *представителей* четвертого поколения были бы прежде всего продолжением освоенного старшими коллегами. Во всем этом было бы мало новизны. Это поколение – последнее, представители которого являются одновременно и советскими, и российскими социологами. Пришедшие за ними – «чисто» российские.

В следующие 2–3 года я не возвращался к разработке деятельностной интерпретации набора поколений, было ясно, что здесь необходима информация о социологах следующих призывов. В 2010–2011 годах, при разработке пирамиды поколений, они были введены «на будущее», было ясно, что придет время для бесед с ними. Сегодня можно сказать, что – в силу разных причин – я несколько затянул с началом подобных бесед, мне все время казалось, что специалисты этих групп «слишком» молоды для учета их мнений, воспоминаний в историко-социологическом поиске. Но отношение к интервью с ними изменилось, когда я обнаружил в «молодых» не только носителей информации о «прошлом» и «настоящем», но – о будущем. Задумавшись, ведь активный период деятельности многих из них придется на середину и начало второй половины XXI века

Впервые общие соображения о поколенческо-функциональном анализе (ПФА) были изложены мною в первых числах февраля 2015 года во введении к онлайн-публикации интервью с социологом VI поколения Виктором Вахштайном [2, Том 8], позже это положение рассматривалось и в журнальных статьях. Суть введенного аналитического приема объяснялась тогда следующим образом. Поколенческий подход к прошлому-настоящему-будущему отечественной социологии может рассматриваться как процесс становления и смены поколений социологов, это – общая, генеральная задача.

Пока же можно сказать одно, все эти поколения формировались в различных социально-политических средах, на разных этапах развития самой социологии. Инструментом такого историко-научного исследования может стать функциональный анализ, т.е. определение и изучение функций каждого из поколений и того, как они осуществлялись.

Тема функций социологических поколений, их ролей в развитии науки стала обсуждаться мною в 2010 году, но тогда в поле моего анализа находились лишь жизненные траектории представителей четырех поколений и количество опрошенных не достигало и полусотни. Но в начале 2015 года я полагал, что наступало время вернуться к рассмотрению этой темы, ибо уже был биографический материал о социологах семи поколений и количество опрошенных удвоилось. На сайте проекта было размещено 96 интервью, кроме того было около полудюжины законченных бесед, но еще не вынесенных в Интернет, и примерно десяток почти завершенных интервью. “Почти” означает, что в разговоре с собеседниками уже обсуждаются события его жизни в настоящее время».

Тогда же были введены главные, теперь я называю их *доминантными*, функции первых семи поколений. Например, время показало, что первое поколение социологов активно искало темы теоретико-эмпирических исследований (труд, образование, молодежь, деятельность СМИ, общественное мнение, свободное время), большое внимание уделяло освоению эмпирических методов (прежде всего, анкетирование, измерение бюджетов времени, математические приемы анализа), многое делало для перевода западной литературы и пыталось внести в марксистскую методологию новые достижения американских и западных социологов — через участие в Международных конгрессах социологов и форумов иного рода, путем организации сравнительных социологических исследований, способствовало узнаванию достижений отечественной науки за рубежом. Но все же главная функция первопроходцев заключалась в конституировании социологии как самостоятельной науки.

Легко понять, что введение термина «доминантные» сразу указывало на признание *иерархичности* множество функций, присущих каждому из поколений. Функции определяются всем развитием социологии, и в явном или стертом виде они наблюдаются, если не в деятельности всех поколений, то, по крайней мере, – соседних; но доминантными они – скорее всего – являются для одного поколения. Поколения имеют продолжительность в 12 лет, и новые доминантные функции выкристаллизовываются, обозначаются, становятся весомыми лишь к середине периода активной деятельности нового поколения. Поэтому они скорее будут обнаруживаться в интервью с социологами, представляющими младшие страты каждого поколения, нежели в беседах со старшими.

Для раскрытия природы ПФА принципиально отметить, что два наших ключевых образования: поколение и функция поколения – это субстанции, развивающиеся в *разных временных пространствах*. Поколение – это профессионально-возрастной срез населения, оно несет в себе следы времени рождения, социализации и т.д. Оно существует во внешнем, общем для всех социальном времени. Функция поколения – это производная от состояния науки, которая – естественно – не свободна от внешнего времени, но в известном плане независима от него, имеет свои собственные, внутренние законы развития. Функция поколения развивается во внутреннем, внутринаучном времени. Таким образом, ПФА истории советской и постсоветской социологии – двухтемпорален, это изучение нашего прошлого-настоящего и будущего во внешнем и внутреннем временах.

Работа продолжается

Что это означает применительно к характеру исследований, надеюсь, самого ближайшего времени? В общем случае это подразумевает некое синтетическое, историко-наукоедческое и историко-культурологическое изучение проблем развития российской социологии. Детали еще видны слабо, но можно говорить, что это будет петлеобразное движение в пространствах

«биографии в истории» и «история в биографиях». Ведь поиск никогда не развивается однонаправленно, линейно.

Выше я говорил об особенностях организации моего исследования, добавлю, что планирование работы носит *итерационный* характер и в значительной мере зависит от эмпирических данных. Другими словами, работая один, я не имею возможности и пополнять коллекцию интервью, и прорабатывать одновременно несколько теоретико-методологических проблем. Тем не менее в последнее мне удалось нащупать два (относительно) новых направления, при разработке которых могут эффективно раскрыться потенциальные возможности ПФА. И в последние полтора года мне удалось немного продвинуться по этим направлениям. Я назову их, и станет ясно, что я следую своему давнему, основополагающему утверждению о «человекоцентричности», или «антропологичности», данного проекта.

О первом из направлений сказано – это ПФА.

Второе из направлений – исследование жизни ученых, оставивших заметный след в развитии науки; здесь решается ряд историко-биографических задач, прежде всего относящихся к нише – микро-исследований, *биографии в истории*. В начале 2016 года была написана небольшая книга «Мир Владимира Ядова» [4], а в середине года – обстоятельная онлайновая брошюра «Все это вместила одна жизнь» об историке, философе и социологе науки Борисе Григорьевиче Кузнецове [9]. Работа над биографиями двух этих ученых дала мне многое для понимания *мира ученого* и механизмов, внутри- и межпоколенных научных коммуникаций. Возможно, что сопоставление «миров ученых» окажется плодотворным приемом при анализе разного рода историко-биографических проблем. Продолжением работы в этом направлении стала опубликованная уже в этом году статья «История науки присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое» [10]. Это – попытка рассмотреть слабо освещенную в нашей историографии проблему написания биографий современных ученых, которых многие из сегодняшних читателей знали лично и потому имеют о них «не книжное» представление.

Много лет назад на одном из методологических семинаров памяти Г.С. Батыгина у меня было два выступления, напрямую относящихся к нашему обсуждению. В одном из них рассматривались общие соображения о поколенческой стратификации нашего профессионального сообщества. За прошедшие годы в этой нише моих поисков произошли заметные изменения. А вот в реализации соображений, анализировавшихся во втором выступлении, я продвинулся мало. Оно называлось «Биографии и история», и речь в нем шла о совместном анализе биографий российских социологов и американских исследователей общественного мнения и рынка [11]. Хотя в 2011 году у меня вышла книга о Джордже Гэллапе [12], а в начале 2017 года была переиздана книга с подзаголовком «От Гэллапа до Грушина» [13], мне трудно преодолеть некий страх и в рамках темы «биографии в истории» начать изучение миров российских и американских ученых.

Дальнейшее развитие ПФА позволяет надеяться на раскрытие механизма трансформации *личных достижений* ученых в разряд *достижений поколенческих*. Я вижу в этом некий не известный нам – по результатам теоретико-эмпирических исследований – процесс обобщения фактов, теоретических конструктов, гипотез, накопленных представителями одного поколения, и передаче всего этого следующим поколениям. Пока в СССР социологов было мало, в коммуникационном отношении доминировали личные контакты, они же определяли межпоколенные (внутрипоколенные) связи. В наше время это уже не так. Но на примере судеб умерших представителей первых поколений видно, как сложно вырабатывается система замены разорванных личных связей.

Сказанное можно подытожить следующим образом. Рассматриваемое историко-социологическое исследование, хотя оно не является частью какой-либо институциональной системы и не финансируется какими-либо фондами, организовано по стандартам крупных современных научных проектов. Благодаря многолетним дружеским связям, доверию коллег и долгосрочному стратегическому планированию проекта, удастся не только реализовывать

крупномасштабную программу сбора уникальной биографической информации, но одновременно осуществлять ее анализ и постоянно доводить до российских исследователей и преподавателей социологии «сырые» данные (тексты интервью) и результаты аналитических разработок. Конечно, это стало возможным лишь благодаря использованию мощного потенциала Интернета.

Список использованной литературы

1. Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014 <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>
2. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. [электронный ресурс] / Докторов Б. З., редактор-консультант Алексеев А.Н., редактор электронного издания Григорьева Е. И. http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/menu.htm.
3. Докторов Б. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370>.
4. Докторов Б. Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём. – М.: ВЦИОМ, 2016. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=451>
5. Докторов Б. Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10-22 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1213796252400955file.pdf>.
6. Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013

7. Докторов Б.З., Козлова Л.А. Поколенческо-функциональный анализ истории российской социологии: обсуждение // Социология науки и технологий. Том 8. №3. 2017, с. 114-129 http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/rez_doktorov_kozlova.pdf.
8. Аитов Н.А. История с историей социологии // Социологические исследования. 1997. С. 139-142. <http://ecsocman.hse.ru/data/942/870/1231/014.AITOV.pdf>.
9. Докторов Б. И все это вместила одна жизнь. http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_9_1.pdf
10. Докторов Б. История науки присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2017. № 1. С. 19–23.
11. Докторов Б.З. Биографии и история // Междисциплинарность в социологическом познании: материалы методологических семинаров памяти Г.С. Батыгина, 2007–2009 / Отв. ред. Л.А. Козлова. М.: ИСИ РАН, 2010. С. 226–257.
12. Докторов Б. Джордж Гэллуп. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО «Полиграф – Информ», 2011. (URL: <http://www.romir.ru/GGallup_ru.pdf>).
13. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений. От Гэллапа до Грушина. 2-е изд. М.: Фонд «Общественное мнение», 2017. <http://fomlabs.ru/files/BOOK-pervoprohodcy-mira-mnenij-ot-gehlapa-do-grushina2017.pdf>

Заключение

Наша книга невелика по объему и проста по структуре, так что вполне можно было бы обойтись без заключительных слов. Но мы все же сочли необходимым сделать краткое заключение, чтобы пояснить наше понимание сделанного. Каждый знает по своему жизненному и профессиональному опыту, что сделанное лучше видишь не в процессе работы, а по ее завершению. Конечно же, это в полной мере распространяется и на процесс подготовки книги, тем более, если она создается не одним автором, а двумя, и если они общаются не напрямую, не сидя друг против друга, а разделены Океаном, 13 часами и обмен мнениями и готовыми фрагментами текстов осуществляется по электронной почте. А именно так у нас и было.

Но главная причина разного видения книги в момент работы над ней и в точке, когда все кажется сделанным, заключается в том, что большая творческая работа – это не пассивный продукт авторского труда, не однозначное продолжение задуманного, но итог сложного компромисса автора (пусть, коллективного) и создаваемого им текста. Текст – нечто живое, он часто сопротивляется авторской задумке, не поддается ей, но нередко и помогает, подсказывает, а значит ведет не туда, куда задумывал автор, а в – по-началу трудно осознаваемую автором, сторону.

К тому же, у книги есть читатель, и у него может быть – и, как правило, есть – свое понимание работы. Остается надеяться на то, что короткое заключение поможет сократить расстояние между единой зрения авторов и читателя на финальный продукт.

Первый раздел книги – беседа ее авторов, Равиль Насибуллин рассказывает о своей жизни и работе в социологии Борису Докторову. До начала этой беседы (по электронной почте) они не знали друг друга. Но они – коллеги, оба много лет занимаются социологической проблематикой, и почти ровесники, во всяком случае, принадлежат к одной социологической когорте – поколению III. Эти обстоятельства помогли им сразу «притереться» и

определили спокойной развитие их диалога. И здесь трудно сказать, что сложнее: Насибуллину вспоминать и описывать прожитое или Докторову вчитываться в автобиографическое повествование собеседника, задаваемыми вопросами обеспечивать дальнейшее движение разговора. В некоторых случаях беседа обострялась, но это нормально, такие конфликты помогали наладить лучшее взаимопонимание и осветить сложные вопросы методологии и организации современной российской социологии.

В итоге книга знакомит читателя не только с биографией Равиля Насибуллина – одного из – сегодня – уже ветеранов российской социологии, автора многих исследований и воспитателя нескольких поколений социологов в Башкортостане, но с рядом мало известных страниц истории становления и развития социологии в Башкортостане. И здесь крайне важно отметить, что значительное место в своих воспоминаниях Равиль Насибуллин отводит рассказу о деятельности основателя башкортостанской социологической школы профессора Наримана Аитова. Таким образом, казалось бы, беседа с одним социологом позволяет судить, пусть в самом первом приближении, о некоторых аспектах движения социологической науки в республике.

И одновременно, хотелось бы надеяться, что сделанное активизирует изучение социологами Башкортостана своего профессионального прошлого. Это надо делать как можно быстрее, время быстро и жестко стирает былое, но пока оно еще просматривается. Как анализ внутри республиканских социально-экономических процессов и проблем – дело социологов Башкортостана, так и историко-социологические поиски лучше проводить на месте.

Во втором разделе предлагается и обсуждается один из возможных инструментов изучения истории советской / российской социологии. Он базируется именно на таких интервью, какое проведено с Равилем Насибуллиным. Есть основания допускать, что глубинные интервью с участниками создания нашей науки – эффективный метод исследования науки. И сегодня над ним надстраивается новый теоретико-эмпирический подход, называемый поколенческо-функциональным анализом.

Отметим два обстоятельства. Первое, те тенденции в развитии советской / российской социологии, которые приоткрываются при исследовании воспоминаний социологов страны, нельзя напрямую переносить на почву Башкортостана. Ведь известно, что как в частном трудно разглядеть общее, так и общее совсем не обязательно обнаруживается в отдельном. И второе, биографическое интервьюирование – эффективный, полезный метод, но – не единственный. Плодотворными могут оказаться и другие приемы изучения прошлого. Например, архивные изыскания. Что-то лежит в домах социологов, что-то на полках в лабораториях, в архивах университетов и предприятий, по заказам которых проводились обследования. Уверен, можно найти интересное в архивах областных и районных комитетов КПСС. Знаю это не из вторых рук.

Опуская многие важные моменты, отметим, в чем мы видим главное методологическое значение проделанной работы. В последние годы Борисом Докторовым издано в бумажном и электронном форматах более 170 биографических интервью и несколько книг о методологии его исследовательского проекта. Но в данной книге авторы, соединив вместе биографический и теоретико-методический тексты, предприняли попытку соединения, синтеза микро – и макроанализа истории современной российской социологии. Так, с одной стороны, жизненную траекторию Рафиля Насибуллина представляется возможным и перспективным сопоставить с биографиями других социологов поколения III, выявить, что сближает его опыт вхождения в науку и работы в социологии с жизнью в профессии его ровесников. А возможность такая есть. За годы проведения исследования набралось 32 беседы с социологами этой когорты, с Рафилем Насибуллиным – 33-е. Во всех воспоминаниях, как и в рассказе Рафиля, обнаруживается то, что прежде всего характерно для любых поколенческих образований, – единство среды первичной социализации. Доминанта – Великая Отечественная война и ее многочисленные проявления, пережитые большинством семей страны. Мои собеседники говорят о безотцовщине или об израненных отцах, о преимущественно женском воспитании, о голоде и крайне скудных

материальных и жилищных условиях. Многие рассказывали о трагедиях своих дедов и бабушек: гражданская война, раскулачивание и вынужденное переселение в дальние районы России, события конца 1930-х. Объединяет всех и то, что представители III поколения становились социологами без соответствующего базового образования, но – как правило – в результате реакции на происходившее вокруг них. В школе, в период получения вузовского образования никто не думал о будущих занятиях социологией, более того, многие и не знали о ее существовании. И в этом отношении биография Рауля Насибуллина «типична». Хотя при этом даже ранняя социализация каждого – уникальна, индивидуальна. И то, как все происходило у подростка, жившего в татарской деревне, коренным образом отличается от становления юного москвича.

Изучение индивидуального – сфера микроанализа биографий социологов, тогда как поколенческо-функциональный подход – разновидность макро исторического исследования российской социологии. И уже первый взгляд на рассказанное Раулем Насибуллиным с позиций макроанализ выявляет интересную особенность его творчества. Обычно в предметных, методологических и методических аспектах исследований представителей младших пластов всех поколений социологов просматривается близость к исследовательской практике старших групп следующего поколения. И это легко объяснимо. Однако подобное не наблюдается в рассказе профессора Насибуллина, одного из представителей младших в поколении III. Похоже, что для него первостепенным является сохранение традиций развития социологии в Башкирии, заложенных его учителем Нариманом Аитовым, представителем первой когорты советских социологов.

И в целом. Хотелось бы, чтобы наша книга оказалась полезной тем, кто изучает или думает изучать историю российской социологии, кого интересуют возможности биографического метода в социологии, кто озабочен сохранением прошлого и думает о будущем нашей науки.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Мнение эксперта Тощенко Ж.Т., член-корреспондент РАН	9
Предисловие от Р.Т. Насибуллина	13
Раздел I. В Космосе, который мы называем Человеком, должно оставаться место для человеческого	26
Равиль Насибуллин. Беседы с СМИ	
Раздел II. Биографическое интервью как метод историко - социологического исследования	179
Заключение	215

Научное издание

Равиль Талибович **Насибуллин**
Борис Зусманович **Докторов**

СОЦИОЛОГИЯ
в биографическом интервью

Интеллектуальный диалог

Редактор *С.В. Морозов*
Корректор *О.В. Петрова*
Верстка *А.М. Моисеева*
Дизайн *С.В. Морозова*

Литературное агентство «Университетская книга»

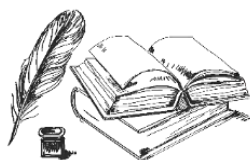
Юридический адрес: 105120, Москва,

ул. Нижняя Сыромятническая, д. 5/7, стр. 8

Почтовый адрес: 111024, г. Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31

Тел.: (495) 981-51-12, 221-50-16

Подписано в печать 20.12.17. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем XX печ. л.
Тираж 1000 экз.

АЭТЕРНА

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

**Отпечатано в редакционно-издательском отделе
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «АЭТЕРНА»**

450076, г. Уфа, ул. М. Гафури 27/2

<http://aeterna-ufa.ru>

info@aeterna-ufa.ru

+7 (347) 266 60 68